

ISSN 2072-8530 (print)
ISSN 2310-7227 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
ПУТЬ К НОВОМУ ПОНИМАНИЮ

ЭТИКО-ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ
РУССКОГО РЕЛИГИОЗНОГО РЕНЕССАНСА
К. XIX – Н. XX ВВ.

К ПРОБЛЕМЕ ДВОЙСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО
ЧЕЛОВЕКА: ОПЫТ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ
НА ОСНОВЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДА

ПАТРИОТИЗМ, НАЦИОНАЛИЗМ – ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

2018/ № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530 (print)

2018 / № 2

ISSN 2310-7227 (online)

серия

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по философским наукам (09.00.00).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philosophy Sciences (09.00.00).

ISSN 2072-8530 (print)

2018 / № 2

ISSN 2310-7227 (online)

series

PHILOSOPHY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Научный совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — д. филол. н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д. пед. н., академик РАО, член Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д. псих. н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д. ф. н., проф., Российский университет транспорта (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д. полит. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д. э. н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д. пед. н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д. ф.-м. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухун Г.Т. — д. филол. н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — 2018. — № 2. — 166 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26302.

**Индекс серии «Философские науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40724**

© МГОУ, 2018.

© ИИУ МГОУ, 2018.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»:**

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 38

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Философские науки»

Ответственный редактор серии:

Песоцкий В.А. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель ответственного редактора:

Загребин М.В. — к. ф. н., доц., Московский государственный областной университет

Ответственный секретарь:

Глинский А.В. — к. ф. н., доц., Московский государственный областной университет

Члены редакционной коллегии:

Беркут В.П. — д. ф. н., проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации

Бондарева Я.В. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Бузук Г.Л. — д. ф. н., проф., Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования

Виноградов А.И. — д. ф. н., доц., Мурманский арктический государственный университет

Губман Б.Л. — д. ф. н., проф., Тверской государственный университет

Дёмина Л.А. — д. ф. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

Евстифеева Е.А. — д. ф. н., проф., Тверской государственный технический университет

Ильин В.В. — д. ф. н., проф., Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана

Курабцев В.Л. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Макеев С.В. — д. ф. н., проф., Адыгейский государственный университет

Семаева И.И. — д. ф. н., проф., Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования

Томаш Купц — доктор философии, проф., Университет Николая Коперника (Польша)

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

— Issued 4 times a year —

Series editorial board «Philosophy»

Editor-in-chief:

V.A. Pesotsky – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

Deputy editor-in-chief:

M.V. Zagrebin – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Moscow Region State University

Executive secretary of the series:

A.V. Glinskii – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Moscow Region State University

Members of Editorial Board:

V.P. Berkut – Doctor of Philosophy, Professor, Military Academy of strategic missile forces named after Peter the Great of the Ministry of defence of the Russian Federation

Ya.V. Bondareva – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

G.L. Buzuk – Doctor of Philosophy, Professor, The Academy of Professional Development and Re-Training of Educators

A.I. Vinogradov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Murmansk Arctic State University

B.L. Gubman – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State University

L.A. Demina – Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State Law University

E.A. Evstifeeva – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State Technical University

V.V. Ilyin – Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University

V.L. Kurabtsev – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

S.V. Makeyev – Doctor of Philosophy, Professor, Adyge State University

I.I. Semaeva – Doctor of Philosophy, Professor, The Academy of Professional Development and Re-Training of Educators

Tomasz Kupś – PhD, Professor, Nicolaus Copernicus University (Poland)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index (RSCI), has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of Bulletin of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru).

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Science council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Doctor of Philological sciences, Professor, Rector of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph.D. in Philological sciences, Head of information and publication office of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph.D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, Member of the Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Russian University of Transport

E.V. Klobukov – Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philological sciences, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy. – 2018. – № 2. – 166 p.

The series «Philosophy» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-26302.

**Index series «Philosophy» according to the union
catalog «Press of Russia» 40724**

© MRSU, 2018.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2018.

**The Editorial Board address:
Moscow Region State University**

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Мурейко Л.В.</i> СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И МАСС-МЕДИА: К УТОЧНЕНИЮ ПОНЯТИЙ	6
<i>Пучков Д.Б.</i> НЕКОРРЕКТНОСТЬ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТРАКТОВКИ СООТНОШЕНИЯ МАТЕРИИ И СОЗНАНИЯ.....	17

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Буркова Л.В.</i> ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ.....	28
<i>Воронов В.М.</i> ЧЕЛОВЕК МЕЖДУ ПРИРОДОЙ И ТЕХНИКОЙ.....	38
<i>Глинский А.В., Шачин С.В.</i> К ПРОБЛЕМЕ ДВОЙСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА: ОПЫТ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ НА ОСНОВЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДА	49
<i>Дианина С.Ю., Катушева Е.К.</i> АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ “ШВЕДСКОСТЬ” В ВОПРОСЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА ШВЕЦИИ	59
<i>Ерастов В.В., Киселев В.И.</i> СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЁННОСТЬ В ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМАХ	69
<i>Ильченко Д.А.</i> ПАТРИОТИЗМ, НАЦИОНАЛИЗМ – ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	77
<i>Песоцкий В.А., Жебит В.А.</i> СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ: ПУТЬ К НОВОМУ ПОНИМАНИЮ	85
<i>Потапенко Т.В.</i> РОЛЬ СЕМЬИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ В ФИЛОСОФИИ И.А. ИЛЬИНА.....	95
<i>Ростова А.Т.</i> ДИНАМИЧЕСКИЙ И СТАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ НАРУШЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ДИАЛОГА ПОКОЛЕНИЙ.....	102

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Бондаренко В.В.</i> МЕСМЕРИЗМ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАЗАНСКОЙ ТРАДИЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕИЗМА КАК ПАРАДИГМАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ НОВЕЙШЕЙ ФОРМЫ МИСТИЦИЗМА XIX В.	109
<i>Ишутин А.А.</i> ХОЛИЗМ И СОЛИДАРНОСТЬ В ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДАХ В.Ф. ОДОЕВСКОГО	124
<i>Кондратьева С.Б.</i> ЭТИКО-ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО РЕЛИГИОЗНОГО РЕНЕССАНСА К. XIX – Н. XX ВВ.....	134

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Зинуров Р.Н.</i> ОБЪЕКТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАУКИ АРМЕНОВЕДЕНИЯ В РОССИИ	142
<i>И.И. Четчикова</i> ПРИНЦИП СООТВЕТСТВИЯ В ХИМИЧЕСКОМ ЗНАНИИ.....	156

CONTENTS

SECTION I. ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY

<i>L. Mureyko.</i> SOCIAL COMMUNICATION AND MASS MEDIA: TOWARDS A CLARIFICATION OF CONCEPTS	6
<i>D. Puchkov.</i> THE INCOHERENCE OF MARXIST-LENINIST TREATMENT OF THE RELATION BETWEEN MATTER AND CONSCIOUSNESS	17

SECTION II. SOCIAL PHILOSOPHY

<i>L. Burkova.</i> THE INFLUENCE OF GLOBAL INFORMATIZATION ON MASS CONSCIOUSNESS.....	28
<i>V. Voronov.</i> MAN BETWEEN NATURE AND TECHNOLOGY	38
<i>A. Glinski, S. Shachin.</i> TO THE PROBLEM OF MODERN MAN'S DUALITY: THE EXPERIENCE OF EXISTENTIAL PHENOMENOLOGY RETHINKING ON THE BASIS OF DIALECTICAL METHOD	49
<i>S. Dianina, E. Katusheva.</i> THE ACTUALIZATION OF "SWEDISHNESS" IN MODERN SWEDISH SOCIETY'S NATIONAL IDENTIFICATION	59
<i>V. Yerastov, V. Kiselyov.</i> SOCIAL TENSION IN PUBLIC SYSTEMS	69
<i>D. Ilchenko.</i> PATRIOTISM, NATIONALISM – IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF THE FORMATION OF PUBLIC CONSCIOUSNESS IN CONTEMPORARY RUSSIA.....	77
<i>V. Pesotsky, V. Zhebit.</i> SOCIAL TIME: THE WAY TO A NEW UNDERSTANDING.....	85
<i>T. Potapenko.</i> I.A. ILYIN'S PHILOSOPHICAL CONCEPTION ABOUT THE ROLE OF THE FAMILY IN PATRIOTIC EDUCATION	95
<i>A. Rostova.</i> DYNAMIC AND STATIC FACTORS CAUSING A BREAK IN THE CONTINUITY OF SOCIAL VALUES IN COURSE OF GENERATION DIALOGUE	102

SECTION III. THE HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>VV. Bondarenko.</i> MESMERISM AS A PARADIGM FOUNDATION OF A NEW FORM OF THE 19TH CENTURY MYSTICISM IN THE KAZAN TRADITION OF ACADEMIC THEISM	109
<i>A. Ishutin.</i> HOLISM AND SOLIDARITY IN V.F. ODOYEVSKY'S PHILOSOPHICAL VIEWS	124
<i>S. Kondratyeva.</i> ETHICAL AND PHILOSOPHICAL HERITAGE OF THE RUSSIAN RELIGIOUS RENAISSANCE AT THE TURN OF THE 20 TH CENTURY	134

SECTION IV. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>R. Zinurov.</i> OBJECTIVE CAUSES FOR THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF ARMENIAN STUDIES IN RUSSIA.....	142
<i>I. Chechetkina.</i> THE CORRESPONDENCE PRINCIPLE IN CHEMISTRY	156

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 1:165; 30: 303.01

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-6-16

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И МАСС-МЕДИА: К УТОЧНЕНИЮ ПОНЯТИЙ

Мурейко Л.В.

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I 190031, г. Санкт-Петербург, Московский пр., д. 9, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается вопрос влияния современных масс-медиа на сознание и поведение людей, процессы трансформации социокультурной реальности. Цель данной работы: осуществить сравнительный анализ понятий социальной коммуникации и масс-медиа. Методология исследования: сравнительный анализ, структурно-функциональный и общенаучные методы. Результатом исследования является следующий вывод: по отношению к социальной коммуникации специфика масс-медиа определяется их техническим (технологическим) свойством, находящимся в двузначной связи с их средовой характеристикой. Выявляются новые перспективы исследования онтологического и смыслового поля пересечения соответствующих понятий.

Ключевые слова: социальная коммуникация, массовая коммуникация, медиа, масс-медиа, медиации, амедиальность.

SOCIAL COMMUNICATION AND MASS MEDIA: TOWARDS A CLARIFICATION OF CONCEPTS

L. Mureyko

*Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University
9, Moskovsky ave., St. Petersburg, 190031, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the influence of modern mass media on consciousness and behavior of people, the processes of transformation of socio-cultural reality. The purpose of this work is to carry out a comparative analysis of the concepts of social communication and mass media. The result of the study is the following conclusion: in relation to social communication, the specificity of mass media is determined by their technical (technological) property,

which is in ambiguous connection with their environmental characteristics. New perspectives of the study of ontological and semantic field of intersection of the corresponding concepts are revealed.

Key words: social communication, mass communication, media, mass media, mediacy, amediacy.

Современные масс-медиа через влияние на сознание и поведение людей влияют и на процессы трансформации социокультурной реальности, затрагивая все сферы общества. Многие современные специалисты в области масс-медиа говорят о мощной тенденции сращивания социальной и массовой коммуникации. В этой связи задача сравнительного анализа соответствующих понятий оказывается весьма актуальной.

В своей работе «Основы теории коммуникации» [1] Д.П. Гавра детально исследует этимологический срез термина “коммуникация”, исторические коррекции его смысла. И если попытаться обобщить, исторически складывающийся широкий смысловой шлейф, тянущийся за современным значением слова “коммуникация”, опираясь на толковые словари [8; 9], то можно заметить, что всем разновидностям коммуникации присущи такие свойства, как обеспечение *связи между разделёнными пунктами (объектами, субъектами)* с помощью *посредника* (определённых средств или проводников-каналов).

Отметим: в междисциплинарных исследованиях коммуникации, связанной с трансляцией информации, посредник этот рассматривается прежде всего как *техническое* средство. Его принято обозначать термином “медиа”. В теории массовой коммуникации используется термин “масс-медиа”.

Говоря о *техническом* характере медиа (масс-медиа), уточним соотно-

шение понятий “техника” и “технология”. В философии техники существуют два разных подхода к соотношению этих понятий: “узкий” и “широкий”. Представители первого рассматривают технику только как совокупность материальных артефактов. Представители второго, кроме этого, в технику включают также технологию, опирающуюся на *особого рода рациональную (техническую) деятельность и технические знания* (“знания-как”). В технологии особое значение имеет эффективный, экономный, процессуально выверяемый и вариативно совершенствуемый *способ* преобразования не только материальных объектов, но и самой деятельности.

По поводу сведения техники к материальным артефактам В.Г. Горохов и В.М. Розин – признанные авторитеты в области отечественной философии техники – справедливо отмечают: «...когда-то ясное понимание техники как системы орудий, механизмов, машин и сооружений сегодня всё больше воспринимается как натуралистическое, поверхностное представление, которое необходимо преодолеть» [2, с. 59].

В истории философии техники впервые ведущую роль технологии по отношению к материальным артефактам стал рассматривать философствующий инженер Э. Гартиг (1836–1900), отталкивающийся от идей И. Бекмана и И. Поппе об общей технологии (науке о технологии). Кредо Э. Гартига по вопросу о соотношении материаль-

ных артефактов и технологий выражено в следующем его утверждении: понятие кузнечнойковки обладает высшим и подчиняющим значением по отношению к таким понятиям, как молоток, наковальня, горн [2, с. 25].

На наш взгляд, против “узкого” понимания техники свидетельствует не только ограниченность наивного объективизма, проявляющегося в различных типах натурализма. При таком подходе неоправданно отодвигается на второй план важнейший в составе техники как социокультурного феномена специфический тип рациональности с характерной *общекультурной проектной, конструктивно-преобразующей, не полностью контролируемой установкой по отношению к реальности*.

Ведущую роль технологий по отношению к артефактам как объективирующим их результатам особенно ярко демонстрируют современные медийные информационные технологии, способствующие созданию широкого поля виртуальной реальности. Заметим: медийные информационные технологии, связанные с созданием виртуальной реальности, не вытесняют вещественность мира, а выявляют проективно-конструкторскую возможность взглянуть на неё по-новому.

Отличие коммуникации от медиа как её технического средства С.В. Клягин предлагает рассматривать следующим образом. Коммуникация или коммутация – это сама “стыковка” разных коммуникативных каналов, *обеспечивающая “ансамбль” коммуникативных практик, их связей с системой общества в целом*. При этом в социальной коммуникации как таковой важным является фактор развития человека. Коммуникация проявляет себя

в полноте своего социального качества (именно как *communicable*), обнаруживаясь тем самым как “коммуникация” [7].

С позиции А. Бадью, в исследовании коммуникации важно не упускать из виду особенности каждого человека. При этом “Я” человека он рассматривает не только как что-то неуправляемое для других, отделённое от них и обнаруживаемое лишь самим отдельным человеком. “Я” с необходимостью участвует в языковых стратегиях, и через это оно неотделимо от общей конфигурации культуры [21, р. 28].

“Ядром” коммуникации, полагает Бадью, является “событие” как непредсказуемая встреча с Другим. Существенная черта события – истина как встреча с неожиданным (*an encounter with truth*) на фоне бесконечного поиска смыслового горизонта мира, *что не отрицает необходимости технологически поддерживаемой всеобщности дискурсов истины*.

Коммуникация, согласно Бадью, – это настроенность на преодоление своих пределов (*is transcending*), постоянный сдвиг во внешнее (*is transgressing*) и тем самым актуализация значимости взаимно опосредованного пространства других (*medium of the togetherness*). Открытость этого пространства сдвигу, “взрыву”, трансгрессии, провоцируя момент невозможности коммуникации в том же ключе, её остановки, предполагает процессуально формирующий-ся индивидуальный топос, разворачивание места исходной самостоятельной активности (*biotope for agency*).

Заметим, что современное толкование термина “коммуникация” чаще всего содержит в себе элемент значения термина “общение”. Комму-

никация тем самым включает в себя *и экзистенциально значимое межличностное общение, и опосредованные техникой формальные информационные контакты.*

Теперь перейдём к значению термина “медиа”.

В широком смысле, будучи производённым от лат. “medium”, он означает «нечто среднее, находящееся посреди, занимающее промежуточное положение» [16, с. 7]. Термин “медиа” – множественное число термина “медиум”. Последним фиксируются разнообразные системы знаков, декодирование которых открывает смысл воспринимаемых предметов, процессов. Медиум по своей природе инструментален, но не обязательно существует в виде искусственного артефакта как специфической вещественной технической конструкции. По сравнению с масс-медиа это *любой* инструмент коммуникации, который осуществляет передачу значения знаков. “Медиа” – это не только печать, радио, телевидение, кино, но и интонации голоса, жесты, взгляд...

В этой связи, как считают многие специалисты в области коммуникативистики, понятие “медиа” – это собирательное понятие для любых средств коммуникации (массовых и индивидуальных, широко тиражируемых и специализированных). К медиа как техническому феномену могут относиться как тело, полотно, бумага, краски, гипс, дерево, так и печатный станок, телефон, телевидение, Интернет.

Массовая коммуникация, как её определяет Г.Г. Почепцов (и с чем можно согласиться), – это процесс передачи информации на численно большие, рассредоточенные аудитории с

помощью определённых технических средств. Появляется массовая коммуникация (в её связке с медиа) вместе с возникновением печати [13].

Смысловое различие между терминами “масс-медиа” и “массовая коммуникация” многие исследователи усматривают в том, что в первом случае акцентируется техническая (технологическая) и знаковая природа процесса и системы передачи информации, а во втором – её социальная значимость, проявляющаяся как в интеграции современного социума, так и в манипуляционных практиках.

К масс-медиа относятся: печать, радио, телевидение, кино, аудио- и видеозапись на материальных носителях, Интернет и др.

Говоря о различии массовой коммуникации и масс-медиа, отметим следующее. В отечественной *теории медиа*, включающей теорию масс-медиа, которую представляет, в частности, социолог А.И. Черных, акцентируется внимание на разграничении «между массовой коммуникацией как процессом социального воздействия масс-медиа на аудиторию, и масс-медиа как организованными технологиями, обеспечивающими техническую возможность массовой коммуникации» [20].

Сегодня наряду с *теорией медиа* (включающей социологический, лингвистический, журналистский и другие подходы) существует *медиафилософия*. Её отличие от теории медиа В.В. Савчук определяет следующим образом. В теории медиа используется преимущественно объективно-научный анализ медиасферы с обращением к эмпирическим проявлениям её функционирования, отдалённым от фундаментальных вопросов человеческого бытия. В

медиафилософии имеется в виду, что онтологические основания современной медиареальности не так-то просто вывести из эмпирического материала, поскольку они бытийно включены в него уже тогда, когда ещё только собираются данные опыта.

Медиафилософия делает акцент на тот факт, что медиа являются не только средством передачи информации, но и способом во многом неосознаваемой организации по-новому проектируемой и конструируемой реальности. В этой связи «медиа инсталлированы в нашу способность понимать мир в его данности. Мы видим не медию, но медиациями» [14, с. 32].

В пределе, с подобной точки зрения, любая форма восприятия оказывается медиальной в силу того, что опосредована социально и культурно обусловленными органами чувств. Само понятие медиа как среды подчёркивает их конститутивную и конструирующую активность. Такая позиция имеет дискуссионный характер. Её оппоненты настаивают на необходимости разделять масс-медиа, массовую коммуникацию и коммуникацию как таковую. И в этом, на мой взгляд, есть рациональное зерно: иначе можно уйти в полную неразличимость субъекта и объекта, в произвольное толкование реальности, зависимое от технологий коммуникации, породив риски человеческого существования.

Однако непродуктивно останавливаться на различии масс-медиа, массовой коммуникации и коммуникации как таковой, рассматривая в качестве главного отличительного свойства масс-медиа лишь их технический (технологический) характер. Масс-медиа присущ и так называемый средовый

характер, т. е. свойство формирования определённой социокультурной среды обитания.

Р. Дебрэ, пытаясь совместить техническую и культурно-средовую характеристику медиа, указывая одновременно на их специфику, дополняет *понятие медиа* понятием “*медиации*” (*mediations*). Последнее означает «динамические комбинации посреднических процедур и тел, которые вклиниваются между производством знаков и производством событий. Подобно “гибридам”, медиации одновременно являются технологическими, культурными и социальными» [22, р. 17]. При этом “медиа” – это «любые средства технического обеспечения, делающие возможным распространение информации (пресса, телевидение, кино, реклама и т. д.)» [22, р. 12].

Проблема здесь заключается в том, охватывают ли медиа как технические средства весь чувственно-телесный опыт человека? Являются ли они исключительно искусственным “протезом” онтологического трансгрессивного “расширения человека” в мир природы и объективированных артефактов? Эта проблема уже затрагивалась нами с обращением к тому варианту её рассмотрения, который представлен в постмодернизме [12, с. 61–63].

Здесь же отметим следующее. Имея сходную позицию с Р. Дебрэ, В.В. Савчук к медиа в строгом смысле слова не относит чувственно-телесного опыта. Медиа, по его мнению, существуют через «язык, письмо и все технические и культурные средства коммуникации» [14, с. 12]. Противоположностью медиа является *медиаальность*, которая «не редуцируется ни к аппаратам, ни

к коммуникантам, ни к социальным условиям её проявления. Она – эпифеномен всех составляющих» [14, с. 19].

Сегодня наблюдается рост желания скинуть оковы искусственности медиа и реабилитировать “репрессированные каналы чувственности” (В. Савчук), который сопровождается ростом популярности алармизма, проявляющегося, например, в идеях господства технообраза (В. Флюссер), тотальной гибридизации естественного и искусственного (Б. Латур). Размышляя о характере связи этих двух тенденций, стоит поставить вопрос о том, что противоположно медиа, – об *амедиальности*.

Но можно ли убрать медиа, понимаемые в широком смысле (в духе М. Маклюэна), из жизни человека? А что, если, по словам У. Митчелла, без них «зрение ... “невинный глаз”, чистый, неизученный оптический орган в действительности слеп»? [11, с. 139].

А.Р. Гэллоуэй на примере анализа посреднической роли интерфейса связывает вопрос об амедиальности с вопросом о разрушении социальных связей, включённых в посредничество медиа [4].

Существует точка зрения, согласно которой стремление к амедиальности в конечном счёте не может не закончиться гипермедиацией (П. Слотердайк).

Но есть и другая позиция, согласно которой без медиа, этого искусственного ограничителя жизни, “голая жизнь”, актуализировав аутоиммунный эффект, сумеет в духе новой биополитики связать самоограничение с ограничением реальности (Р. Эспозито).

Сегодня многие теоретики медиа не обходят вниманием темы непосред-

ственного опыта (*immediacy*). Однако непосредственность при этом понимается по-разному. Она может быть связана: (1) с дроблением “фреймированного” пространства для того, чтобы появилась вариативная возможность собрать его части по-новому; (2) с расширением за счёт инструментов медиа естественных возможностей чувственного и интеллектуального восприятия мира; (3) с гипермедиальностью (*hypermediacy*), когда медиа сами становятся средой обитания, вовлекая в неё всё телесное существование человека.

Интересно, что амедиальность (непосредственность) может связываться как с прозрачностью (*transparency*) медиа, рассматриваемых в качестве посредника между человеком и внешним миром, ставшего средой обитания человека (Д. Болтер, Р. Грузин), так и с медиальной непрозрачностью для внешнего мира, замкнутостью медиа на себя (Н.А. Грякалов). В последнем случае проводится мысль, что «вопреки видимости, медиа представляют собой антипроводник, устройство принципиально нетранзитивное и антикоммуникативное» [3, с. 12].

Здесь напрашивается вывод об инверсии (оборачиваемости) этих двух сторон медиа. В том плане, в каком медиа реализуют через нас свои специфические формы и привязывают нас к себе, становясь прозрачной средой, они амедиальны уже потому, что функция *связывания* человека и среды перестаёт быть актуальной, проблематичной. Иначе говоря, медиа оказываются амедиальными в том плане, в каком они реализуют себя в форме условных зеркал для себя, непрозрачных с другой стороны, за которыми не вид-

но референта. В этом смысле медиа показывают себя через реализацию форм в данном “зеркале”, “здесь” и “сейчас”, а не “там”, за ним, где может быть что-то иное, связь с которым проблематична.

Вопрос об амедиальности необходимо рассматривать не только через метафору зеркала, но и через метафору театральной сцены с возможностью, зайдя за неё после спектакля, увидеть следы технологии создания иллюзии реальности. Ведь «если зайти за кулисы, станешь свидетелем убогости механизма, обеспечивающего сценические иллюзии, фантазмическое пространство исчезает» [5].

Какие идейно-методологические средства пошагово могут быть использованы на пути поиска возможности посмотреть на медиареальность со стороны?

Первый шаг – не просто разделение коммуникации (включая массовую коммуникацию) и медиа (в том числе масс-медиа), но и выделение внутри медиа (и масс-медиа) двух составляющих: собственно медиа (масс-медиа) и медиации (Р. Дебрэ). При этом остаётся проблема объяснения связи медиа (в их функции, технике, технологии) и медиации (медиальности) (в их растворённости в среде обитания человека). Амедиальность акцентирует проблему поиска фундаментальных посредников.

Второй шаг – амедиальность рассматривается по отношению к медиа и медиальности по типу отношения бытия и небытия в философии Гегеля. Небытие (в нашем случае – амедиальность) входит в бытие (медиа, медиальность) как его изменение, *становление себя в инаковости*. При этом остаётся вопрос о сложности рефлексивной

идентификации ещё только становящегося, т. е. ещё не ставшего.

Третий шаг – к рефлексии в классическом понимании должна подключиться топологическая рефлексия [15]. Она направлена на расчистку единых образных оснований нашего мышления, действующих по типу машин (автоматически) и воспринимаемых мышлением как естественные нормы его функционирования. Создавая образ мира, топологическая рефлексия учитывает конкретику места, и вместе с тем она «косвенно сообщает о присутствии, хотя инвариантной, но неметризуемой структуры» [15, с. 153]. Эта структура подобна “хоре” в античной философии. Она “вскармливает” образы, давая им формы, не совпадая ни с одной из них. Результатом топологической рефлексии «являются не идеальные объекты, но концепты, которые есть продукт в равной мере и теоретического самопознания, и познания природы, и художественного обобщения, и эстетического опыта, и экологической и этической ответственности за топос» [15, с. 153].

Четвёртый шаг – в актуализации внимания к условиям подрыва искусственной (протезной) медиасреды в том плане, в каком она затемняет возможность *человечного* мира.

В этой связи представляет интерес авторская позиция профессора Лондонского университета Йохана Сиберса в отношении бытийного свойства коммуникации, называемого им “коммуникабельностью бытия”. Он связывает природу коммуникабельности бытия с бытийной склонностью человека к тому, чтобы отдавать, делиться собой, называя этот аспект бытия “онтологическим благородством”. Именно

через онтологическое благородство, полагает Сибберс, философия коммуникации должна быть помещена в центр онтологии [17].

С Сибберсом в этой позиции солидаризуется В.А. Кутырев, делающий ставку на консервативное философствование. Проникая в постчеловеческие слои бытия, во многом обусловленного «медиатизированным сознанием», – пишет он, – «мы должны иметь место, где можно снять скафандр, куда можно прийти, чтобы жить», жить как человек, не сводимый только к биологической или машинной форме существования [10, с. 72].

Подводя итог вышесказанному, отметим следующее.

Решение проблемы связи технической и бытийно-средовой характеристики медиа лежит в поле того или иного понимания феномена посредничества. Латинское “medium”, т. е. “средний, находящийся в середине”, при ближайшем рассмотрении указывает на парадоксальность посредничества. Дело в том, что идентификация специфики самостоятельного существования посредника весьма проблематична. Указывая на другое, являясь средством бытия этого другого, посредник есть то, что он вынужден только реферировать. По сути, он, мимикрируя под реальность другого, оказывается лишь видимостью этой реальности.

С другой стороны, посредник – то, что является условием *перевода* зна-

чения в одном смысле (одного объекта или субъекта) в другой смысл (для другого объекта или субъекта). В некотором отношении он – вестник одного для другого и обратно, утверждая условия признания их взаимной значимости. Главным свойством посредника оказывается трансгрессивность: способность не только самому выходить за собственные пределы, но и поддерживать практике выхода за свои границы представляемого объекта или субъекта навстречу друг другу. Именно это свойство медиа и обеспечивает связь технического и средового, связь разных индивидов.

Перспективным представляется анализ медиа как посредника через обращение к особенностям восприятия людьми времени и рациональности в переходные эпохи [16; 18; 19].

Новый аспект в понимании как природы медиа (включая масс-медиа), так и потенциала междисциплинарной научной, а также научной и вненаучной коммуникации может внести выявление общего смыслового поля понятий “медиа”, “медиации” и “зоны обмена” (термин американского историка науки П. Галисона). “Зона обмена”, по Галисону, это зона заимствования и обмена элементов знания при построении пограничных форм междисциплинарных познавательных практик. Сегодня этот термин применяется и в более широком социокультурном контексте [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. СПб.: Питер, 2011. 288 с.
2. Горохов В.Г., Розин В.М. Введение в философию техники: учеб. пособие / науч. ред. Ц.Г. Арзаканян. М.: ИНФРА-М, 1998. 224 с.
3. Грякалов Н.А. Фигуры террора: монография. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 169 с.

4. Гэллоуэй А.Р. Неработающий интерфейс // Медиа: между магией и технологией / под ред. Н. Сосна, К. Федеровой. М., Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2014. С. 252–288.
5. Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия [Электронный ресурс] // Искусство и кино. 1998. № 1. URL: <http://kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25> (дата обращения: 30.01.2015).
6. Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 8–17.
7. Клягин С.В. Феномен университета: от ансамбля коммуникаций к филармонии медиа // Философия коммуникации: Университетское образование в социокультурной динамике информационного общества / под ред. С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Политехнического университета, 2015. С. 5–10.
8. Коммуникация // Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 397.
9. Коммуникация // Ожегов С.И., Шведова Ю.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1995. С. 282.
10. Кутырев В.А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 63–75.
11. Митчелл У. Визуальных медиа не существует // Медиа: между магией и технологией / под ред. Н. Сосна, К. Федеровой. М., Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2014. С. 128–143.
12. Мурейко Л.В. Бахтин М.В. Постмодерн: через разрушение “структуры” – к выявлению элементарных актов мышления // Вестник Московского государственного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 4. С. 51–64.
13. Почепцов Г.Г. Медиа: теория массовых коммуникаций. Киев: Альтерпрес, 2008. 403 с.
14. Савчук В. Медиафилософия: формирование дисциплины // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия / под ред. В.В. Савчука. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2008. С. 7–39.
15. Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М.: «Канон+»: РООИ «Реабилитация». 2012. 416 с.
16. Самылов О.В. “Альтернативная история” и классическая интерпретация принципа историзма // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1. С. 56–68.
17. Сиберс Й. Онтологическое благородство / пер. с англ. С.В. Клягина // Философия коммуникации: Университетское образование в социокультурной динамике информационного общества / под ред. С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Политехнического университета, 2015. С. 68–75.
18. Стрельченко В.И. Научная рациональность: pro et contra // Философия права. 2012. № 2 (51). С. 7–16.
19. Фортунатов В.В., Самылов О.В. Интеллигенция и революция в России // Перспективы будущего в образовательном процессе: сборник тезисов национальной научно-технической конференции. 2016. С. 128–130.
20. Черных А. Социология массовых коммуникаций: учеб. пособие. М.: Высшая школа экономики, 2008. 451 с.
21. Badiou A. Deleuze. The Clamor of Being. Minneapolis, University of Minnesota Press, 2000. 143 p.
22. Debray R. Media manifestos: on the technological transmission of cultural forms / trans E. Rauth. London, New York: Verso, 1996. 189 p.

REFERENCES

1. Gavra D.P. *Osnovy teorii kommunikatsii* [The Basics of Communication Theory]. St. Petersburg, Piter Publ., 2011. 288 p.
2. Gorokhov V.G., Rozin V.M. *Vvedenie v filosofiyu tekhniki* [Introduction to the Philosophy of Technology]. Moscow, INFRA-M Publ., 1998. 224 p.
3. Gryakalov N.A. *Figury terrora* [Shapes of Terror]. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, 2007. 169 p.
4. Galloway A.R. [The Interface Effect]. In: Sosna N., Fyodorova K., eds. *Media: mezhdu magiei i tekhnologiei* [Media: Between Magic and Technology]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2014, pp. 252–288.
5. Zhizhek S. [Cyberspace, or the Unbearable Closure of Being]. In: *Iskusstvo i kino*, [Art and Movies], 1998, no. 1. Available at: <http://kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25> (accessed: 30.01.2015).
6. Kasavin I.T. [Exchange Zone, as a Matter of Social Philosophy of Science]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2017, vol. 51, no. 1, pp. 8–17.
7. Klyagin S.V. [The Phenomenon of University: from Ensemble Communications to Philharmonic Hall Media]. In: Klyagin S.V., Shipunova O.D., eds. *Filosofiya kommunikatsii: Universitetskoe obrazovanie v sotsiokul'turnoi dinamike informatsionnogo obshchestva* [Philosophy of Communication: University Education in Socio-Cultural Dynamics of Information Society]. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg Polytechnic University, 2015. pp. 5–10.
8. [Communication]. In: *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Big Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 1997. pp. 397.
9. [Communication]. In: Ozhegov S.I., Shvedova Yu.N. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Az Publ., 1995, pp. 282.
10. Kutyrev V.A. [Apologia of the Human (the Background and the Contours of Conservative Philosophy)]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2003, no. 1, pp. 63–75.
11. Mitchell U. [There Are No Visual Media]. In: Sosna N., Fyodorova K., eds. *Media: mezhdu magiei i tekhnologiei* [Media: Between Magic and Technology]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2014. pp. 128–143.
12. Mureiko L.V., Bakhtin M.V. [Postmodern: After the Destruction of the “Structure” – to Identify Elementary Acts of Thinking]. In: *Vestnik Moskovskogo oblastnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2014, no. 4, pp. 51–64.
13. Pocheptsov G.G. *Media: teoriya massovykh kommunikatsii* [Media: Mass Communication Theory]. Kiev, Alterpres Publ., 2008. 403 p.
14. Savchuk V. [Media Philosophy: Shaping the Discipline]. In: Savchuk V.V., Shipunova O.D., eds. *Mediafilosofiya. Osnovnye problemy i ponyatiya* [Media Philosophy. Basic Problems and Concepts]. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg Philosophical Society Publ., 2008. pp. 7–39.
15. Savchuk V.V. *Topologicheskaya refleksiya* [Topological Reflection]. Moscow, Kanon+ Publ., ROOI “Reabilitatsiya” Publ., 2012. 416 p.
16. Samylov O.V. [“Alternative History” and Classic Interpretation of the Principle of Historicism]. In: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2013, no. 1, pp. 56–68.
17. Siebers J. [Ontological Generosity]. In: *Filosofiya kommunikatsii: Universitetskoe obrazovanie v sotsiokul'turnoi dinamike informatsionnogo obshchestva* [Philosophy of Communication: University Education in Socio-Cultural Dynamics of the Information Society]. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg Polytechnic University, 2015, pp. 68–75.

18. Strel'chenko V.I. [Scientific Rationality: Pro Et Contra]. In: *Filosofiya prava*, [Philosophy of Law], 2012, no. 2 (51), pp. 7–16.
 19. Fortunatov V.V., Samylov O.V. [Intellectuals and Revolution in Russia]. In: *Perspektivy budushchego v obrazovatel'nom protsesse: Sbornik tezisov natsional'noy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii* [Future Prospects in Educational Process. Abstracts of National Scientific-Technical Conference], 2016, pp. 128–130.
 20. Chernykh A. *Sotsiologiya massovykh kommunikatsii* [Sociology of Mass Communications]. Moscow, High School Economics, 2008. 451 p.
 21. Badiou A. Deleuze. The Clamor of Being. Minneapolis, University of Minnesota Press, 2000. 143 p.
 22. Debray R. Media Manifestos: On the Technological Transmission of Cultural Forms. London, New York, Verso, 1996. 189 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мурейко Лариса Валериановна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии, политологии и социологии факультета экономики и менеджмента Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I;
e-mail: lamureiko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa V. Mureyko – PhD in Philosophy, associate professor, associate professor at the Department of History, Philosophy, Political Science and Sociology of the Faculty of Economics and Management, Alexander I St. Petersburg State Transport University;
e-mail: lamureiko@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мурейко Л.В. Социальная коммуникация и масс-медиа: к уточнению понятий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 6–16.
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-6-16

FOR CITATION

Mureyko L.V. Social Communication and Mass Media: Towards a Clarification of Concepts. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 2, pp. 6–16.
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-6-16

УДК 117; 141.12

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-17-27

НЕКОРРЕКТНОСТЬ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТРАКТОВКИ СООТНОШЕНИЯ МАТЕРИИ И СОЗНАНИЯ

Пучков Д.Б.

*Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
190031, г. Санкт-Петербург, Московский пр., д. 9, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрено одно из противоречий в теории диалектического материализма: с одной стороны, материя понимается в соответствии с ленинским определением как существующая независимо от сознания, с другой стороны, сознание трактуется как свойство материи. В статье доказывается, что объект (материя) может определяться как существующий независимо от своего свойства (сознания) только в том случае, если данное свойство является для него несущественным. Однако в теории отражения – одном из разделов диалектического материализма – сознание трактуется, напротив, как существенное свойство материи, а именно как разновидность одного из атрибутов материи – отражения. Тем самым теория отражения вступает в противоречие с ленинским определением материи, вследствие чего диалектико-материалистическая трактовка соотношения материи и сознания оказывается некорректной.

Ключевые слова: материя, сознание, объективная реальность, диалектический материализм, ленинское определение материи, сущность, свойство.

THE INCOHERENCE OF MARXIST-LENINIST TREATMENT OF THE RELATION BETWEEN MATTER AND CONSCIOUSNESS

D. Puchkov

*Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University
9, Moskovsky ave., St. Petersburg, 190031, Russian Federation*

Abstract. The article deals with one of the contradictions of dialectical materialism: on the one hand, matter is supposed to exist independently of consciousness (according to Lenin's definition); on the other hand, consciousness is considered as the property of matter. The author demonstrates that an object (e.g. matter) may be considered as existing independently of its property (e.g. consciousness) only if this property is not essential. However, the theory of reflection – a part of dialectical materialism – treats consciousness as the essential property of matter, namely, as the type of reflection – one of matter's attribute. Thus the author concludes that the theory of reflection contradicts Lenin's definition of matter. Consequently, the dialectical materialism conception of the relation between matter and consciousness is incoherent.

Key words: matter; consciousness; objective reality; dialectical materialism; Lenin's definition of matter; essence; property.

В контексте “реалистического поворота”, наблюдаемого в современной философии [6], возрастает интерес к традиционным онтологическим вопросам о реальности, сознании и их соотношении. Одним из необходимых моментов здесь является критический анализ имеющихся в философии различных трактовок этих вопросов. В числе других возможных позиций можно проанализировать трактовку реальности и сознания в диалектическом материализме – концепции, которая при всех своих недостатках является реалистической и к тому же хрестоматийной для отечественной философии.

В своей статье мы намерены остановиться на одном противоречивом моменте в теории диалектического материализма: с одной стороны, материя понимается как нечто, существующее вне сознания, с другой стороны, сознание трактуется как свойство материи.

Как известно, материя в диалектическом материализме определяется, по В.И. Ленину, как «объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им» [7, с. 276]. В нашей литературе более популярна другая формулировка, где материя определяется как «философская категория для обозначения объективной реальности» и т. д. Однако основной смысл в обеих формулировках один: материя есть то, что существует независимо от сознания. «Главное в этом определении – понимание материи как объективной реальности, которая по определению существует безотносительно к человеческому сознанию» [9, с. 126].

Ленинское определение материи неоднократно критиковалось представи-

телями других философских течений. Например, Н.О. Лосский указывал на его чрезмерно широкий и отрицательный характер [8, с. 415]. Против ленинского определения выдвигались и другие возражения; в свою очередь, сторонники диамата стремились дать на них ответ. Соответствующие дискуссии описаны в философской литературе [2; 5; 10].

Одновременно с ленинским определением материи в диамате даётся трактовка сознания как свойства материи. А именно, сознание рассматривается как свойство высокоорганизованной материи, как высшая форма одного из атрибутов материи – отражения. Это приводит к парадоксальному положению. Если материя есть то, что существует вне сознания, а сознание является свойством материи, тогда получается, что материя существует вне своего свойства. Но возможно ли, что бы какой-либо объект существовал вне своего же свойства? Такое утверждение выглядит парадоксально, что также отмечалось в философской литературе. «Получается весьма громоздкая теоретическая конструкция, в которой материя противопоставляется своему собственному свойству, существу лишь одному (самому сложному) уровню ее организации. ... Может ли вообще свойство в каком бы то ни было отношении быть противоположным той сущности, которой оно принадлежит?» [5, с. 41–43].

Что говорится об этой проблеме в самом диалектическом материализме? Уточним, что здесь и далее мы будем рассматривать общую концепцию диалектического материализма, а не взгляды какого-либо её отдельного представителя. Позиции конкретных

представителей марксизма-ленинизма могут иметь свои нюансы, однако существует диалектический материализм как общее течение. Хрестоматийные положения диамата (основной вопрос философии, ленинское определение материи, концепция атрибутов материи, теория отражения) воспроизводятся в сотнях монографий, статей, учебников советского и постсоветского периодов. И мы намерены провести объективный анализ этих положений, опираясь на ряд классических философских понятий, логику и эмпирические факты.

В диалектическом материализме обычно говорится, что противоположность между материей и сознанием является относительной, а не абсолютной. Т. е., хотя в ленинском определении материя и сознание противопоставлены, между материей и сознанием есть определённая связь, единство. «Противоположность материи и сознания в общем и целом относительна, т. к. сознание есть свойство материи и само принадлежит материальному миру. Абсолютное противопоставление сознания и материи означает дуализм» [3, с. 701].

Однако, на наш взгляд, этот довод не решает проблемы. Допустим, что между материей и сознанием действительно, есть не только различие, но и единство. Однако в таком случае следует определить, чего между ними больше: единства или различия? Диамат позиционировал себя как монизм, поэтому по логике должно быть больше единства. Если так, тогда сознание – это, по сути, тоже материя, и мы приходим к абсурдному утверждению, что материя – это объективная реальность, которая существует ... независимо от самой себя!

Допустим, напротив, что между материей и сознанием больше различия, чем единства. Но это плохо согласуется с монизмом. Кроме того, это означает, что сознание есть нечто, по сути, иное, чем материя. Но тогда непонятно, почему сознание трактуется как свойство материи?

Таким образом, довод об абсолютном и относительном не снимает данного парадокса. И этот вопрос остаётся в диамате без решения.

Вероятно, осознание затруднений, связанных с ленинским определением материи, привело к тому, что в самом марксизме-ленинизме были предприняты попытки скорректировать трактовку материи. Ещё в 1950-е гг. В.П. Тугаринов предположил, что ленинское определение является гносеологическим и нужно дополнить его онтологическим определением, в котором противоположность между сознанием и материей будет преодолена [13]. Однако в то время эти предложения были подвергнуты критике [4], и ленинское определение осталось в диамате единственным.

Стремление скорректировать определение материи прослеживается и в современных работах, близких к диалектическому материализму. Например, А.В. Ерахтин считает, что определение материи как объективной реальности «необходимо, но недостаточно, поскольку фиксирует лишь гносеологическую сторону отношения материи и мышления» [2, с. 73]. По его мнению, данное определение должно быть дополнено онтологическим определением материи как субстанции.

Однако в ответ на эти предложения сторонники канонической версии диамата возражают, что ленинское опре-

деление материи, как и вопрос об отношении материи и сознания, имеет как минимум три аспекта: что чему предшествует, что является функцией другого, что выступает отображением другого. Первые два аспекта являются онтологическими, а третий – гносеологическим. «Определение материи как объективной реальности, таким образом, является онтологическим и гносеологическим» [10, с. 25].

Следовательно, вопрос о том, можно ли, не впадая в логическое противоречие, утверждать, что материя существует независимо от сознания, а сознание является свойством материи, поднимался в литературе. Однако обстоятельного ответа на него дано не было. При этом нам представляется, что предлагаемая некоторыми авторами трактовка ленинского определения как только гносеологического является компромиссной позицией: она позволяет сохранить ленинское определение, но при этом ограничить область его значения и тем самым сгладить возможные противоречия в концепции диамата.

Попытаемся разобраться, как именно следует понимать положения диалектического материализма о соотношении материи и сознания и действительно ли в них имеется логическое противоречие.

Является ли ленинское определение только гносеологическим? Вначале рассмотрим, верно ли, что ленинское определение является только гносеологическим, но не онтологическим. Сторонники такой трактовки ленинского определения – назовём её гносеологической – вероятно, рассуждают следующим образом. Они полагают, что в процессе познания возни-

кает неизбежное противопоставление субъекта и объекта. Когда материя становится объектом познания, она неизбежно противопоставляется нашему сознанию как нечто, отличное от него. Именно эта ситуация зафиксирована в ленинском определении. Однако подобное противопоставление относительно, поскольку за рамками процесса познания, в самом бытии сознание не противостоит материи, а составляет с ней одно целое (является свойством высокоорганизованной материи).

Однако, на наш взгляд, такая трактовка не соответствует канонической версии диалектического материализма. Дело в том, что для познающего субъекта объектами могут стать не только материя, но и другое сознание, а также и сознание самого познающего (в данном случае под объектом мы имеем в виду не объект непосредственного наблюдения, а реальность, отличную от познающего субъекта). Если бы материя как объективная реальность противопоставлялась сознанию только в рамках познавательного процесса, другое сознание тоже следовало бы трактовать как объективную реальность. Но согласно дипломату это совсем не так: сознание – это реальность субъективная, и оно ни в каком отношении не может рассматриваться как объективная реальность.

Отсюда видно, что в диамате противоположность между материей и сознанием существует не только в процессе познания, но и в самом бытии. Следовательно, ленинское определение материи имеет не только гносеологический, но и онтологический характер. Поэтому связанные с ленинским определением противоречия в трактовке материи и сознания невозможно

дезаурировать, сославшись на относительный характер данного определения.

Что означает выражение “существовать независимо от сознания”? Перейдём к следующему вопросу. В ленинском определении говорится, что материя существует независимо от сознания. Некоторые сторонники диамата предпочитают формулировку “существует вне сознания”. Иногда же утверждается, что материя существует “до, вне и независимо от сознания”. Попытаемся разобраться, что означают все эти выражения и как на самом деле следует понимать ленинское определение.

Конечно, под словом “вне” в данном случае не следует подразумевать пространственную обособленность материи от сознания. Ведь едва ли можно локализовать сознание в пространстве: «если смысл обладает только идеальным измерением своего бытия, то говорить о том, что он находится “внутри” или “вне” чего-либо некорректно» [1, с. 38]. Более приемлемо будет понимать слово “вне” в том смысле, что материя не сводится к сознанию; т. е. не принадлежит сознанию как его часть или эффект. Однако эта трактовка не раскрывает сути понятия материи в диамате. Ведь, к примеру, ствол и крона у дерева тоже не сводятся друг к другу, однако друг без друга они не существуют. Между тем сторонники диамата отстаивают именно способность материи существовать независимо от сознания.

Рассмотрим выражение “существовать независимо от сознания”. Ясно, что здесь не идёт речи об отсутствии влияния сознания на материю (ведь такое влияние признаётся в диамате).

Более основательной представляется та интерпретация, что существование материи не зависит от того, существует ли сознание, что материя существует даже в том случае, если сознания не существует.

Однако даже эта интерпретация не вполне корректна. Ведь некоторые стороны материи (например, материальная культура), очевидно, существуют благодаря сознательной деятельности человека, и при отсутствии сознания они существовать не могут. Следовательно, не вся материя существует независимо от существования сознания. Об этом писал, в частности, Т.И. Ойзерман в своей критике диамата [9, с. 128].

Здесь нам могут возразить, что другие стороны материи (например, природа) способны существовать даже при отсутствии сознания. И значит, материя всё же существует вне зависимости от существования сознания. Однако на это мы ответим, что, когда мы даём *определение* материи, говоря: «Материя – это объективная реальность, и т. д.», – наше определение должно распространяться на всю материю, а не только на некоторые её стороны или состояния. Верно, что материя в некоторых своих состояниях существует при отсутствии сознания. Однако неверно, что материя – это нечто существующее при отсутствии сознания.

Аналогичный пример: предположим, что нам нужно дать определение собаки. Едва ли нас удовлетворит определение: «Собака – это лапы и туловище». Ведь у собаки есть ещё, как минимум, шея и голова. Определение должно охватывать все стороны объекта, по крайней мере существенные.

Быть может, искусственные материальные вещи независимы от сознания в том смысле, что, хотя они и создаются при помощи сознания, после своего создания они существуют самостоятельно? Действительно, некоторые искусственные объекты способны какое-то время физически существовать без помощи человека. Но, во-первых, это весьма условная независимость от сознания, поскольку для производства объекта всё же требуется сознание. Во-вторых, в условиях нашего брэнного мира неспособность объектов самостоятельно воспроизводить себя означает и неспособность самостоятельно существовать сколько-нибудь продолжительное время. Да и сам диалектический материализм, как известно, признаёт сознание необходимым элементом общества.

Другое возможное возражение состоит в том, что сознание само по себе не может порождать материю, поскольку материальное порождается только материальным. С этим можно согласиться в той части, что для производства материальных объектов недостаточно одного лишь сознания: также нужны практические действия, орудия труда и т. д. Но верно и другое: без участия сознания производство было бы невозможным.

По сходным причинам будет некорректно определять материю как то, что «существует до сознания». Ведь до появления сознания существовали лишь некоторые стороны материи (природа) или, иначе говоря, материя в одном из своих состояний. Между тем корректное определение должно распространяться на все существенные стороны объекта.

С учётом приведённых доводов корректность ленинского опреде-

ления материи оказывается под угрозой. Чтобы избежать указанных затруднений и обеспечить корректность ленинского определения, необходимо сделать одно из двух допущений. Первое из них предполагает рассмотрение материи как единства двух уровней: сущности и явления – и выведение за пределы сущности материи всех её сторон, связанных с влиянием сознания. При таком подходе общество, материальная культура, да и сам человек как разумное существо будут рассматриваться как несущественные стороны материи, возникновение или исчезновение которых ничего не меняет в её сущности. В таком случае можно будет по-прежнему определять материю как нечто, существующее независимо от сознания, однако под материей будут иметься в виду только существенные стороны материи. А какие же стороны материи будут здесь признаваться существенными? Очевидно, это будут те уровни организации материи, которые способны существовать безотносительно сознания – механический, физический, химический, биологический.

В подобной интерпретации ленинское определение материи ведёт к механистическим и натуралистическим взглядам на устройство мира. Подобные взгляды противоречат канонической версии диамата. Ведь в диамате общество – это закономерно возникающая и нередуцируемая – а значит, существенная – форма движения материи. Приняв указанную интерпретацию, марксизм-ленинизм лишился бы того, что он всегда ставил себе в заслугу и на основании чего противопоставлял себя механистическому материализму – а именно способности

включить сознание, человека и общество в единую материалистическую картину мира, объяснив их как закономерные этапы в развитии материи. При таком подходе сознание и связанная с ним разумная жизнь превращаются в случайное, мимолётное явление на поверхности бытия. «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?» (А.С. Пушкин) [12]. Такая позиция резко обостряет проблему смысла жизни, нехватку которого наши современники и без того ощущают всё чаще [11, с. 155; 14].

Другое допущение, позволяющее спасти ленинское определение материи, связано с отрицанием какого-либо реального воздействия сознания на материальные процессы, в том числе на поведение человека и жизнь общества. Такое допущение возможно в рамках концепции психофизического дуализма, а также трактовки сознания как эпифеномена материальных процессов. Однако эта позиция также противоречит многим положениям диалектического материализма, в частности теории отражения, в которой сознание трактуется как разновидность отражения – одного из атрибутов материи.

Хотя два названных допущения позволяют редуцировать влияние сознания на материю и тем самым сохранить корректность ленинского определения, они противоречат диалекту. Других же допущений, позволяющих спасти ленинское определение, мы не видим. Следовательно, ленинское определение логически приводит к таким выводам, которые противоречат некоторым каноническим положениям самого же диалектического материализма.

Может ли материя существовать независимо от собственного свойства? Итак, существуют две интерпретации, при которых ленинское определение является корректным: первая тяготеет к натурализму и механистическому материализму, а вторая предполагает отрицание реального влияния сознания на материю. Рассмотрим, насколько обе они согласуются с трактовкой сознания в диалекте.

С позиций диалекта, сознание – это свойство высокоорганизованной материи, высшая форма отражения – одного из атрибутов материи. Здесь мы сталкиваемся с тем парадоксом, о котором говорили в начале статьи: в ленинском определении материя противопоставляется сознанию, однако при этом сознание – свойство материи. Т. е. материя существует независимо от одного из своих свойств. Возможно ли такое?

На наш взгляд, этот парадокс, в принципе, может быть разрешён. Если следовать первой механистической интерпретации ленинского определения, сознание можно было бы включить в состав второстепенных, несущественных свойств материи (вместе с обществом и материальной культурой). При таком подходе материя выступит в качестве сущности, а сознание – в качестве второстепенного свойства. Вместе они образуют один объект – бытие, сущностью которого будет материя. Саму же материю можно было бы считать существующей независимо от сознания, поскольку сущность способна существовать без определённой части второстепенных свойств. Этим способом можно было бы разрешить парадокс и объяснить, каким образом материя существует независимо от своего собственного свойства.

Аналогичная схема применима и в том случае, если сознание трактовать как эпифеноменальное свойство материи. Основное отличие от первого варианта состоит в том, что здесь отрицается способность сознания влиять даже на второстепенные свойства материи, не говоря уже о её сущности.

Противоречие между ленинским определением материи и теорией отражения. Однако пройти этим путём нам мешают положения самого диамата. Ведь сознание трактуется в диамате как одна из форм отражения, а отражение признаётся атрибутом материи, т. е. её существенным свойством. Появление сознания – результат закономерной эволюции форм отражения, идущей вместе с эволюцией форм движения материи. При таком подходе сознание является закономерным, существенным свойством материи.

Данные положения, интересные и логичные сами по себе, мешают, однако, разрешить проблему соотношения материи и сознания предложенным выше способом. Противопоставление сущности и второстепенных свойств ещё можно принять, однако противопоставлять объект или его сущность одному из его существенных свойств – это уже неприемлемо.

Если сознание – это существенное свойство материи, оно является неотъемлемой стороной самой материи. Тогда противопоставление материи и сознания становится логически некорректным. В крайнем случае можно противопоставлять сознание другим сторонам материи, но не материи как таковой.

Если сознание – это существенная сторона материи, следует включить сознание в понятие материи в ленин-

ском определении. Тогда мы получим логически некорректное высказывание: «Материя (и в том числе сознание) – это объективная реальность, существующая независимо от сознания». Очевидно, что ленинское определение при любой его интерпретации несовместимо с трактовкой сознания в качестве существенного свойства материи.

Выводы. Подытожим всё сказанное. Ленинское определение материи и противопоставление материи и сознания в диамате имеют не только гносеологический, но и онтологический характер. Т. е. материя и сознание противопоставляются не только в рамках познавательного отношения, но и по существу. Ленинское определение материи является корректным только при одном из двух допущений: 1) трактовка человека и общества как несущественных сторон материи (натурализм; механистический материализм) или 2) отрицание реального влияния сознания на материю (психофизический дуализм; трактовка сознания как эпифеномена материи). Другими словами, ленинское определение логически несовместимо с признанием какого-либо существенного влияния сознания на материю. Между тем ряд положений самого диамата как раз предполагает такое влияние сознания на материю (например, классификация форм движения материи, где общество трактуется как закономерный и нередуцируемый – т. е. существенный – этап в развитии материи). Следовательно, ленинское определение материи неизбежно приводит к выводам, логически противоречащим положениям самого же диамата.

Тем не менее парадокс соотношения материи и сознания, указанный в начале нашей статьи, поддается решению. Решить его можно в том случае, если трактовать сознание как второстепенное, несущественное свойство материи. Такая концепция сознания совместима, в частности, с механистическим материализмом и трактовкой сознания как эпифеномена материи.

Однако в рамках диалектического материализма этот парадокс являет-

ся неразрешимым. Ведь в рамках теории отражения сознание трактуется как существенное свойство материи. Нельзя определять материю как нечто, существующее независимо от своего существенного свойства. Ленинское определение материи и теория отражения логически противоречат друг другу. Предложенная диалектикой трактовка соотношения материи и сознания является логически некорректной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров А.Г. Онтология смысла // Философская мысль. 2016. № 12. С. 36–43.
2. Ерахтин А.В. Проблема материи в западной и отечественной философии советского периода // Философия и общество. 2014. № 1. С. 55–74.
3. Копнин П.В. В защиту ленинского определения материи // Копнин П.В. Диалектика. Логика. Наука. М.: Наука, 1973. С. 347–355.
4. Краткий очерк истории философии / В.Ф. Асмус и др.; под ред. М.Т. Иовчука, Т.И. Ойзермана, И.Я. Щипанова. 4-е изд. М.: Мысль, 1981. 927 с.
5. Крюков В.В. Материя и бытие в диахронической версии. Новосибирск: НГТУ, 2008. 168 с.
6. “Реалистический поворот” в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы “круглого стола” / В.А. Лекторский и др. // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 5–38.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. 5-е изд. М.: Политиздат, 1968. 526 с.
8. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Сварог и Ко, 2000. 496 с.
9. Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 568 с.
10. Орлов В.В. Проблема материи в современной российской философии // Философия и общество. 2010. № 3. С. 22–39.
11. Пучков Д.Б. Идея индивидуального бытия человека и проблема абсурда // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия: Философия. 2009. № 3. Т. 1. С. 156–163.
12. Пушкин А.С. «Дар напрасный, дар случайный...» // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <http://ilibrary.ru/text/642/p.1/index.html> (дата обращения: 30.04.2018).
13. Тугаринов В.П. Соотношение категорий диалектического материализма. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1956. 122 с.
14. Франкл В.Э. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия. Новосибирск: Сибирского университета издательство, 2009. 105 с.

REFERENCES

1. Yegorov A.G. [Ontology of Meaning]. In: *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], 2016, no. 12, pp. 36–43.
2. Yerakhtin A.V. [The Problem of Matter in Western and Russian Philosophy of the Soviet Period]. In: *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2014, no. 1, pp. 55–74.

3. Kopnin P.V. [In Defence of Lenin]. In: Kopnin P.V. *Dialektika. Logika. Nauka* [Dialectic. Logic. Science]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 347–355.
4. Asmus V.F. et al. *Kratkii ocherk istorii filosofii* [A Brief Sketch of the History of Philosophy]. Moscow, Mysl' Publ., 1981. 927 p.
5. Kryukov V.V. *Materiya i bytie v diakhronicheskoi versii* [Matter and Being in Diachronic Perspective]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2008. 168 p.
6. Lektorskii V.A. et al. [A “Realistic Turn” in Contemporary Epistemology, Philosophy of Mind and Philosophy of Science? The Proceedings of the “Round Table”]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2017, no. 1, pp. 5–38.
7. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.: v 55 t. T. 18. Materializm i empiriokrititsizm* [Complete Collection of Works. Vol. 18. Materialism and Empiriocriticism]. Moscow, Politizdat Publ., 1968. 526 p.
8. Lossky N.O. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Svarog and C° Publ., 2000. 496 p.
9. Oizerman T.I. *Marksizm i utopizm* [Marxism and Utopianism]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 568 p.
10. Orlov V.V. [The Problem of Matter in Modern Russian Philosophy]. In: *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2010, no. 3, pp. 22–39.
11. Puchkov D.B. [The Idea of Individual Human Existence and the Problem of the Absurd]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Series: Philosophy], 2009, no. 3, vol. 1, pp. 156–163.
12. Pushkin A.S. [“Futile Gift, Random Gift...”]. In: *Internet-biblioteka Alekseya Komarova* [The Online Library of Alexey Komarov]. Available at: <http://ilibrary.ru/text/642/p.1/index.html> (accessed: 30.04.2018).
13. Tugarinov V.P. *Sootnoshenie kategorii dialekticheskogo materializma* [The Ratio of the Categories of Dialectical Materialism]. Leningrad, Publishing House of the Leningrad State University Publ., 1956. 122 p.
14. Frankl V.E. *Stradaniya ot bessmyslennosti zhizni. Aktual'naya psikhoterapiya* [Man's Search for Meaning. Practical Psychotherapy]. Novosibirsk, Siberian University Publ, 2009. 105 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пучков Дмитрий Борисович – кандидат философских наук, доцент Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I;
e-mail: poutchkov_dm@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii B. Puchkov – PhD in Philosophy, associate professor, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University;
e-mail: poutchkov_dm@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пучков Д.Б. Некорректность марксистско-ленинской трактовки соотношения материи и сознания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 17–27.
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-17-27

FOR CITATION

Puchkov D.B. The Incoherence of Marxist-Leninist Treatment of the Relation between Matter and Consciousness. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 2, pp. 17–27.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-17-27

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.42

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-28-37

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Буркова Л.В.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье на основе использования средств социально-философского анализа раскрывается проблема влияния глобальной информатизации на массовое сознание. Обосновывается идея, что массовое сознание в условиях глобальной информатизации не представляет собой единого целого, по меньшей мере оно обладает спецификой у тех, кто владеет новыми информационными технологиями, и тех, кто не владеет таковыми. Автор приходит к выводу, что глобальная информатизация оказывает двойственное влияние на массовое сознание: как позитивное (большая открытость информации для массового сознания, свобода самовыражения и пр.), так и негативное (наличие информационного шума, отсутствие чётких критериев для определения надёжности источника информации и пр.).

Ключевые слова: массовое сознание, информационные технологии, Интернет, глобализация, информатизация, виртуальная реальность, киберпространство.

THE INFLUENCE OF GLOBAL INFORMATIZATION ON MASS CONSCIOUSNESS

L. Burkova

*Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article reveals the problem of the influence of global informatization on mass consciousness on the basis of the use of socio-philosophical analysis. The author substantiates the idea that mass consciousness in the conditions of global informatization is not a single entity, it varies from one of those who use new information technologies to the consciousness of those who do not use them. It is concluded that global informatization has a dual effect on mass consciousness: both positive (greater access to information, freedom of expression, etc.) and negative (the presence of information noise, the lack of clear criteria for determining the reliability of the source of information, etc.).

© CC BY Буркова Л.В., 2018.

Key words: mass consciousness, information technologies, Internet, globalization, informatization, virtual reality, cyberspace.

В настоящее время проблему влияния процесса глобальной информатизации на массовое сознание трудно считать глубоко изученной, т. к. указанный процесс продолжается, и являются всё новые и новые его грани. Поэтому задачи настоящей статьи группируются вокруг раскрытия направлений влияния указанного процесса на массовое сознание.

Само понятие “массовое сознание” полисеманлично. В частности, можно выделить его расширительную трактовку, когда оно совпадает, по сути, с общественным сознанием. Однако такая трактовка не выделяет специфики массового сознания в его категориальном значении, а именно как феномена, порождённого индустриальным обществом, который стал активно проявлять себя в первой половине XX в. в связи с формированием массового общества и, соответственно, массовой культуры. Массовое общество (или потребительское общество) зиждется на определённой ступени общественного производства, обеспечивающего для каждого члена общества условия доступности комфорта, высокого уровня потребления и в конечном итоге уровня жизни, что выступило прообразом “общества всеобщего благоденствия”. Поэтому субъектной основой массового сознания выступает масса потребителей, аудитории СМИ и пр., которые хотя и неоднородны в социально-классовом, политическом, духовном отношениях, но объединены едиными стандартами образа жизни и образа мыслей. В связи с этим массовое сознание по своему социальному составу

представляется многослойным, “локутным” образованием. Поскольку масса в структуре общества локально не определена, постольку массовое сознание выступает как эстра-групповое сознание.

По мере развития общества и вступления его на постиндустриальную (информационную) стадию массовое сознание также меняется. Оно перестало быть фактически однородным, разделив его носителей на тех, кто владеет или не владеет современными информационными технологиями. Появилась новая онтология в виде виртуальной или дополненной реальностей, которая нашла отражение в массовом сознании. Наконец, были созданы новые информационные технологии, с помощью которых появились современные средства, способы воздействия на массовое сознание.

Изучение влияния глобальной информатизации на массовое сознание требует уточнения, в свою очередь, и самого понятия “информация”. Информация – один из тех феноменов, который трудно определить однозначным образом. Важнейшим атрибутивным признаком информации признана её способность снижать уровень неопределённости объекта исследования. В зависимости от науки, где используется термин “информация”, целей изучения информации раскрываются те или иные её признаки (в частности, при философском осмыслении этого понятия указываются такие признаки, как «форма, результат отражения одного объекта в другом», «обладание определённым смыслом», отражение

способностей материи быть воспринимаемой, рефлекслируемой [5]; в теории информации – это «некое идеальное сообщение, уменьшающее или полностью исключаящее неопределённость в выборе одной из нескольких возможных альтернатив» [12]; в российском праве информация трактуется как сведения, сообщения, данные независимо от формы их представления [21]. Хотя не все авторы согласны с отождествлением понятия “данные” (“сведения”) с понятием “информация”. Так, Р. Бон отмечал, что информация – это «данные, которые организованы и структурированы, т. е. помещены в контекст – и, таким образом, наделены смыслом» [25, р. 121]).

В условиях глобальной информатизации меняются не столько атрибутивные признаки понятия “информация”, сколько отношение к информации, которая, по Т. Стоуньеру, может считаться одним из источников богатства в обществе, стратегическим ресурсом [18, с. 394]. Информация рассматривается теперь как важнейший фактор производства и коммуникации (при этом понятие “информация” часто применяется в расширительной трактовке, характеризуя «не только формальную структуру технологической обработки разнообразного содержания, но и всю совокупность коммуникативных явлений» [22, с. 21]).

Анализ литературы по теме исследования показал, что нередко учёные делают диаметрально противоположные выводы относительно влияния глобальной информатизации, охватившей все сферы общественной жизни и большую часть человеческого сообщества, на массовое сознание. Одни из них полагают, что использование

информационных технологий чревато снижением творческих потенций человека, негативно влияет на массовое сознание [3], в то время как другие утверждают, что «информационная среда, формируемая новейшими технологиями, может способствовать развитию интуитивного и творческого мышления» [11, с. 260], а следовательно, позитивно влияет на массовое сознание. В связи с этим представляется необходимым избегать односторонних оценок при осмыслении проблемы влияния глобальной информатизации на массовое сознание людей. Требуется проведение значительного объёма исследований для формулировки обоснованных выводов.

К факторам, влияющим на формирование массового сознания в условиях глобальной информатизации, следует отнести создание с помощью информационных технологий особой виртуальной реальности (*Virtual Reality*, VR). В целях выделения виртуальной реальности, порождённой соответствующими информационными технологиями, некоторые авторы используют термин “электронная виртуальная реальность” [4]. Такая реальность является искусственной, сгенерированной информационными технологиями (в частности, технологией «трёхмерного информационного взаимодействия человека и компьютера» [8, с. 38], которая базируется на симуляции физических свойств (объём, движение и т. д.) реальных предметов, симуляции «их способности воздействия и самостоятельного присутствия в пространстве» [17, с. 176], при этом, как правило, используются специальные гаджеты – шлемы, очки и пр.), но одновременно создающей

видимость (имитация, аналог, симуляция) предметной реальности (эффект погружения, “Вау-эффект”) через различные ощущения, порождённые воздействиями виртуальных объектов, происходящими в реальном времени, что, собственно, и формирует эффект присутствия, предполагает интерактивность (включённость человека в эту реальность).

Поведение объектов в виртуальной реальности аналогично их поведению в физическом мире, хотя в ряде случаев оно может выходить за пределы последнего. Отсюда возникает необходимость философского осмысления онтологического статуса этой реальности [13; 14; 18]. В связи с таким осмыслением трудно согласиться с теми авторами, которые, например, формулируют следующее определение виртуальной реальности: «Под *виртуальной реальностью* следует понимать любую реальность, которая подменяет собою действительность» [2, с. 90]. Виртуальная реальность может не подменять действительности, а, например, сосуществовать с ней.

Важно отметить двойственность онтологического статуса виртуальной реальности: «с одной стороны, виртуальная реальность обладает свойствами актуальной реальности (пространство, время, движение, развитие, отражение и т. д.), с другой, ей присущи виртуально-специфические свойства: порождаемость, бестелесная предметность, автономность, интерактивность и др.» [13, с. 70]. Попадая в виртуальный мир, человек погружается внутрь «сгенерированного компьютером воображаемого мира» [10, с. 71]. Варианты развития событий в такой реальности разнообразны.

Помимо понятия “виртуальная реальность” в научной литературе используется понятие “виртуальная среда” (причём у некоторых авторов значение этих понятий совпадает [19]), под которым понимается «информационная среда, существующая внутри сгенерированного компьютером информационного пространства и включающая содержательные тексты, графические и видеоматериалы, звуковое оформление» [10, с. 72].

Виртуальная реальность, порождённая глобальной компьютерной сетью, получила название “киберпространство”, которое «представляет собой сложную глобальную компьютерную сеть, в которой свернуты виртуальные реальности» [13, с. 71]. Киберпространство – это, по определению Верховного суда США, «уникальная среда, не расположенная в географическом пространстве, но доступная каждому в любой точке мира посредством доступа в Интернет» [26].

Постепенно человек учится жить в таком киберпространстве, более того, он привыкает к нему, и нахождение в нём превращается для него в потребность (отсюда так называемая компьютерная аддикция). Погружаясь в киберпространство, человек получает, таким образом, определённую форму ухода от проблем, травмирующих ситуаций, которые существуют в реальном мире, что соответствует аддиктивному поведению личности. Погружение в киберпространство становится навязчивой целью, что может сопровождаться падением интереса к миру реальному.

При этом какие-то навыки, чувствования из киберпространства могут попадать в реальную жизнь. В этом

есть и реальная опасность. Убить другого человека в киберпространстве – легко, и человек постепенно привыкает к такой легкости. И остаётся один шаг, чтобы перенести такое поведение в реальную жизнь. Сохранятся ли при этом моральные устои – большой вопрос, особенно если они ещё не так прочны. Об этом свидетельствуют и результаты многочисленных исследований о влиянии компьютерных игр на агрессивность поведения подростков, чьи этические нормы ещё не столь устойчивы [16; 22; 23]. Поэтому проблема киберпространства – это, как представляется, проблема не столько техническая, сколько философская: и надо чётко представлять, как меняется человек, массовое сознание под влиянием киберпространства.

Одновременно следует избегать односторонних оценок электронной виртуальной реальности, т. к. она несёт с собой неоднозначные последствия для человека и массового сознания. Действительно, с одной стороны, у людей могут сформироваться, например, интернет-зависимость, уход от реальности, но, с другой стороны, виртуальная реальность даёт возможность релаксации, самореализации, коммуникации, «помогает людям чувствовать себя счастливыми», «усиливает ощущение безопасности, личной свободы и собственной значимости» [6, с. 19]; информационная среда может быть не средством для ухода от мира реального, а ресурсом для полноценного возвращения в эту реальность. «В виртуальной реальности осуществляется стимуляция органов чувств или мозга, которая максимально приближена к реальной, а часто выступает более сильной, комплексной» [15, с. 67].

Информационная среда привлекательна для массового сознания тем, что она удовлетворяет целый ряд потребностей его носителей: в предоставлении необходимой информации (через, например, поисковые системы), коммуникации (через, например, социальные сети, форумы и другие площадки для общения), самореализации, досуге, развлечении и пр. Так, получение “лайков” давно превратилось в форму социального одобрения, способную повысить самооценку интернет-пользователя. Но здесь есть и обратная сторона. Известен “синдром Снежаны”, названный так в связи со случаем, произошедшим с реальной девушкой, попавшей в психиатрическую больницу из-за того, что её друзья по соцсети не оценили её заметки в *Facebook*.

Массовое сознание проделало свой путь в соцсетях: от полной анонимности её пользователей до раскрытия их настоящих имён и фактов личной жизни (хотя и до сих пор для значительной части Интернет-пользователей общение остаётся анонимным). Поэтому частное, личностно-интимное нередко становится публичным, в том числе и для получения всё тех же пресловутых “лайков”.

Информационные технологии привели к возникновению и так называемой дополненной реальности (*Augmented Reality*, AR). Дополненная реальность не предполагает симуляции физической реальности, не заменяет её, а строится как дополнение к ней, внося (накладывая виртуальные объекты на изображения физического мира) определённые искусственные элементы (сенсорные данные, расширяющие поле зрения человека, «дополняя реальность модусной визу-

ализацией с помощью кибернетических систем и цифровых коммуникаций» [1]), генерируемые компьютером с помощью определённых технологий, сочетающая реальное и виртуальное и тем самым создавая «новый онтологический уровень реальности» [24]. Но в этом и негативные, и позитивные стороны такой технологии. С одной стороны, она даёт возможность улучшить восприятие реального мира, решить целый ряд практических задач, как то: наработка навыков, расширение опыта через игры, тренинги и пр. [24, р. 355]. С другой стороны, если в виртуальной реальности человек различает физический и виртуальный миры, в дополненной реальности такая грань, по сути, стирается, что может негативно повлиять на психику людей [7].

Новые информационные технологии подготовили ту среду, в которую погружено массовое сознание в условиях глобальной информатизации. Более того, «продуктом информационных технологий по необходимости является определённое состояние самого сознания» [9]. Безусловно, такая среда формирует особенности массового сознания в современном обществе. Как справедливо отмечает М. Кастельс, за последние годы произошёл «сдвиг от массовой коммуникации к массовой самокоммуникации, понимаемой как процесс интерактивной коммуникации, потенциально доступный для массовой аудитории, но в рамках которой производство сообщений осуществляется пользователем самостоятельно, как и обратный возврат сообщений, а восприятие и реструктурирование контента, полученного из электронных коммуникационных сетей, – произвольно» [6, с. 9].

Одновременно не следует забывать, что информатизация при всей её глобальности как мировой тенденции общественного развития тем не менее по-разному проявляется в разных странах: в частности, в экономически развитых государствах, в которых уровень информатизации достаточно высок и общество в которых можно с полным правом называть информационным, и в странах, где эти процессы только начались или ещё не достигли определённой степени развитости. Поэтому и особенности формирования массового сознания будут отличаться в государствах, которые воплощают информационное общество, и в странах, таковыми ещё не являющихся и находящихся на стадии индустриального развития.

При формировании массового сознания в условиях глобальной информатизации действуют локальные факторы, детерминируемые национальной спецификой, оказывающие непосредственное влияние на особенности такого сознания.

Подведя итоги, можно сделать вывод, что глобальная информатизация оказывает на массовое сознание двойственное влияние. С одной стороны, открытость доступа к информации, быстрота её получения, множественность источников информации, свобода самовыражения и свобода действий в виртуальном мире, расширяющиеся возможности учёта собственного голоса при решении проблем, имеющих социальную значимость, участие в формировании содержания информации, либерализм, демократизм, отсутствие или ограниченность цензуры, стирание границ в общении. Всё это порождает такие черты массового

сознания, как возросший уровень информированности, разделённость по признаку виртуальных сообществ, открытость инновациям, индивидуализация.

С другой стороны, неумение отделять ценную информацию от информационного шума, отсутствие чётких критериев для определения надёж-

ности источника информации, сосуществование разных потоков информации, потеря в ряде случаев границ реальности и уход в виртуальный мир, фрагментарность, клиповость мышления, превалирование визуального над смысловым, компьютерная зависимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Л.Д. Опыт философского осмысления “дополненной реальности” в онтологическом континууме “виртуальность – реальность” // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 4 (40). С. 59–62.
2. Воробьев Д.В., Сироткина А.А. Виртуальная реальность как категория социальной философии, или что такое виртуальная реальность? // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 4 (12). С. 89–94.
3. Еляков И.В. Информационная перегрузка людей // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 114–121.
4. Иванов А.Е. Виртуальная реальность // История философии. Энциклопедия. Минск: Книжный дом, 2002. С. 183–186.
5. Информация // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991. С. 166.
6. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Высшая школа экономики, 2017. 591 с.
7. Кобылянская А.И., Конькина Е.В. Особенности психического и личностного развития подростка под влиянием игр с дополненной реальностью // Современные образовательные технологии в подготовке педагога с учётом профессионального стандарта: сборник материалов Международной научно-практической конференции, г. Орехово-Зуево, 8 декабря 2016. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2017. С. 188–192.
8. Кубышкин С.А. Виртуальная реальность как социокультурный феномен // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013. № 2. С. 38–40.
9. Кузнецов Д.В. Роль современных коммуникаций в формировании массового сознания // Философия и общество. 2004. № 3. С. 92–105.
10. Ленсу Я.Ю. На пути к виртуальной реальности (из истории зарождения представления о виртуальной реальности) // Инновационные образовательные технологии. 2014. № 1 (37). С. 71–76.
11. Лысак И.В., Белов Д.П. Влияние информационно-коммуникационных технологий на особенности когнитивных процессов // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2013. С. 256–264.
12. Меркулов И.П. Информация // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+: Реабилитация, 2009. С. 311.
13. Моторина Л.Е., Сытник В.М. Фундаментальные отношения человека к миру // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 69–79.
14. Рузавин Г.Н. Виртуальность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Институт философии РАН, 2010. С. 404.

15. Селиванов В.В., Селиванова Л.Н. Влияние работы в виртуальной реальности на познавательные процессы и личностные особенности субъекта // Психология когнитивных процессов. 2017. № 3. С. 64–76.
16. Серебrenикова Ю.В. Влияние компьютерных игр на агрессивность у подростков 14–15 лет // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 1 (16). С. 192–196.
17. Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов и др. Минск: Книжный Дом, 2003. 1312 с.
18. Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 392–409.
19. Таратута Е.Е. Философия виртуальной реальности. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. 147 с.
20. Трещева Е.Е., Чеджемов Г.А. Эпоха постмодерна. Общество виртуальной реальности // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2017. № 1–1. С. 122–125.
21. Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798 (дата обращения: 30.04.2018).
22. Федосеева Н.Н. Термин “информация” в современной науке и законодательстве // Информационное право. 2008. № 2. С. 19–23.
23. Филатов А.Л., Пронюшкина Т.Г. Влияние компьютерных игр на агрессивное поведение подростков // Академическая публицистика. 2017. № 4. С. 284–287.
24. Azuma R.T. A Survey of Augmented Reality // Teleoperators and Virtual Environments. 2007 August. Vol. 6. No. 4. P. 355–385.
25. Bohn E. Measuring and managing technological knowledge // Sloan management review. 1994. Vol. 36. No. 1. P. 119–130.
26. Reno J. Attorney General of the United States [Электронный ресурс] // CIEC: [сайт]. URL: http://www.ciec.org/SC_appeal/opinion.shtml (дата обращения: 01.02.2018).

REFERENCES

1. Aleksandrova L.D. [An Experience of Philosophical Understanding of “Augmented Reality” in Ontological Continuum “Virtual – Reality”]. In: *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts], 2014, no. 4 (40), pp. 59–62.
2. Vorob'ev D.V., Sirotkina A.A. [Virtual Reality as a Category of Social Philosophy, or What is Virtual Reality?]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences], 2008, no. 4 (12), pp. 89–94.
3. Yelyakov I.V. [Information Overload]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2005, no. 5, pp. 114–121.
4. Ivanov A.E. [Virtual Reality]. In: *Istoriya filosofii* [The History of Philosophy]. Minsk, *Knizhnyy dom* Publ., 2002, pp. 183–186.
5. [Information]. In: Frolov I.T., ed. *Filosofskii slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow, *Politizdat* Publ., 1991, pp. 166.
6. Kastel's M. *Vlast' kommunikatsii* [The Power of Communication]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2017. 591 p.

7. Koblyanskaya A.I., Kon'kina E.V. [Teenager's Mental and Personal Development under the Influence of Games with Augmented Reality]. In: *Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii v podgotovke pedagoga s uchetom professional'nogo standarta: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Orekhovo-Zuevo, 8 dekabrya 2016 g.* [Modern Educational Technologies in Teacher Training with Regard to the Professional Standard: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference, Orekhovo-Zuevo, December 8, 2016]. Orekhovo-Zuevo, State University of Humanities and Technology Publ., 2017, pp. 188–192.
8. Kubyshkin S.A. [Virtual Reality as a Socio-cultural Phenomenon]. In: *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Maikop State Technological University], 2013, no. 2, pp. 38–40.
9. Kuznetsov D.V. [The Role of Modern Communication in Shaping Mass Consciousness]. In: *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2004, no. 3, pp. 92–105.
10. Lensu Ya.Yu. [On the Way to Virtual Reality (The History of the Origin Of Ideas about Virtual Reality)]. In: *Innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii* [Innovative Educational Technologies], 2014, no. 1 (37), pp. 71–76.
11. Lysak I.V., Belov D.P. [The Impact of Information and Communication Technologies on the Peculiarities of Cognitive Processes]. In: *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki.* [News of the Southern Federal University. Engineering Science, 2013, pp. 256–264.
12. Merkulov I.P. [Information]. In: *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow, Kanon+ Publ.: Reabilitatsiya Publ., 2009, pp. 311.
13. Motorina L.E., Sytnik V.M. [Man's Fundamental Attitudes to the World]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2017, no. 8, pp. 69–79.
14. Ruzavin G.N. [Virtuality]. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya. T. 1* [New Encyclopedia of Philosophy. Vol. 1]. pp. 404.
15. Selivanov V.V., Selivanova L.N. [The Impact of Virtual Reality on Cognitive Processes and Personal Characteristics of the Subject]. In: *Psikhologiya kognitivnykh protsessov* [Psychology of Cognitive Processes], 2017, no. 3, pp. 64–76.
16. Serebrenikova Yu.V. [The Influence of Computer Games on Aggression in Adolescents of 14–15 Years Old]. In: *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* [Vector of Science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology], 2014, no. 1 (16), pp. 192–196.
17. Gritsanov A.A. et al., eds. *Sotsiologiya* [Sociology]. Minsk: Knizhnyi dom Publ., 2003. 1312 p.
18. Stonier T. [The Wealth of Information: a Profile of the Post-industrial Economy]. In: *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [New Technocratic Wave in the West]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 392–409.
19. Taratuta E.E. *Filosofiya virtual'noi real'nosti* [The Philosophy of Virtual Reality]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 2007. 147 p.
20. Treshcheva E.E., Chedzhemov G.A. [The Postmodern Era. The Society of Virtual Reality]. In: *Nauka XXI veka: aktual'nye napravleniya razvitiya* [Science of the 21st Century: Current Directions of Development], 2017, no. 1–1, pp. 122–125.
21. [Federal Law of the Russian Federation dated 27.07.2006 № 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection” (latest edition)]. In: *Konsul'tantPlyus: spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference Legal System]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798 (accessed: 30.04.2018).

22. Fedoseyeva N.N. [The Term “information” in Modern Science and Legislation]. In: *Informatsionnoe pravo* [Information Law], 2008, no. 2, pp. 19–23.
 23. Filatov A.L., Pronyushkina T.G. [The Influence of Computer Games on Adolescents’ Aggressive Behavior]. In: *Akademicheskaya publitsistika* [Academic Publicism], 2017, no. 4, pp. 284–287.
 24. Azuma R.T. A Survey of Augmented Reality. In: *Teleoperators and Virtual Environments*, 2007, August, vol. 6, no. 4, pp. 355–385.
 25. Bohn E. Measuring and managing technological knowledge. In: *Sloan management review*, 1994, vol. 36, no. 1, pp. 119–130.
 26. Reno J. Attorney General of the United States. In: *CIEC*. Available at: http://www.ciec.org/SC_appeal/opinion.shtml (accessed: 01.02.2018).
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Буркова Людмила Владимировна – соискатель учёной степени кандидата наук Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;
e-mail: lvburk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila V. Burkova – PhD student in Philosophy at the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: lvburk@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Буркова Л.В. Влияние глобальной информатизации на массовое сознание // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 28–37.
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-28-37

FOR CITATION

Burkova L.V. The Influence of Global Informatization on Mass Consciousness. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 2, pp. 28–37.
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-28-37

УДК 13

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-38-48

ЧЕЛОВЕК МЕЖДУ ПРИРОДОЙ И ТЕХНИКОЙ

Воронов В.М.*Мурманский арктический государственный университет**183720, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается положение дел в сфере взаимоотношений человек–природа–техника в различных аспектах с социально-философской и философско-антропологической позиций. В качестве феноменологических и символических ключей для понимания сути техники и природы в их отношении к человеку автор обращается к образам “дома” и “леса”. Выявляются и критически анализируются две основные методологические слабости современного понимания сути техники: инструментализм и модернизм. Автор опирается на опыт феноменологического понимания “живой материи” (леса, ὕλη) В.В. Биbihина. Можно сделать вывод, что специфика человеческого бытия определяется в позиции между техническим (домом) и природным (лесом). Человеческая цивилизация развёртывалась, исходя из этого фактически пограничного положения человеческого существа. Суть положения дел состоит в том, что человеческое существо бытийствует в близости леса и одновременно в отстранении от него в техническом.

Ключевые слова: техника, природа, человек, экология, экологические проблемы, живая материя, лес, дом.

MAN BETWEEN NATURE AND TECHNOLOGY

V. Voronov*Murmansk Arctic State University**15, Captain Yegorov st., Murmansk, 183720, Russian Federation*

Abstract. The article considers various aspects of man–nature–technology relationship from social-philosophical and philosophical anthropology points of view. The author uses the images of “home” and “wood” as phenomenological and symbolical keys for understanding the essence of man’s ties with technology and nature. In course of the study two main methodological weaknesses in modern understanding of technology have been brought to light: instrumentalism and modernism. The author relies on the experience of phenomenological understanding of “live matter” (the woods, ὕλη) by V.V. Bibikhin. It is concluded that the specificity of human existence is determined by its position between technology (house) and nature (wood). This borderline position influenced the development of human civilization. The essence of the position is that man exists both in the vicinity of nature (in the world of) wood and at the same time at distance from it (in the world of technology).

Key words: technology, nature, man, ecology, environmental problems, live matter, “wood”, “home”.

Практико-экологические проблемы отношений человек–природа в современную эпоху

Общим моментом в социально-философской рефлексии является проблемно-негативная оценка характера взаимоотношений человека и природы в современную эпоху. Принято говорить о различных вызовах и рисках современной технократической цивилизации. Можно выделить четыре основных аспекта экспликации этой проблематики: 1. актуальные экологические проблемы; 2. ресурсные проблемы; 3. риски, которые несёт усиливающиеся отчуждение человека от природы; 4. возможные последствия дальнейшего развития технократической стороны человеческой цивилизации. Следует кратко прояснить авторское понимание указанных проблем.

Актуальные экологические проблемы – это те проблемы, которые мы видим прямо сейчас или можем (сможем) рассчитать в ближайшем будущем. Безусловно, часть этих проблем имеет дискуссионный характер. Достаточно вспомнить споры по поводу реальности или вымышленности антропогенной природы парникового эффекта как фактора глобального потепления. В научном сообществе господствующим является представление об антропогенной природе парникового эффекта как о реальности. Существуют широко известные политические решения, принятые на основе этих установок¹. Глобальный экологический разговор отчасти дискредитируется возможностью использования радикальных экологических организаций в качестве

средства борьбы в глобальной конкуренции. Например, и в российском властном дискурсе, и в общественном мнении существуют устойчивые скептические настроения по поводу этих организаций. Так, известная акция активистов Гринпис в Печерском море в 2013 г. на платформе «Приразломная» была воспринята в российском обществе с настороженностью. Популярной при этом являлась версия экономической борьбы против Российской Федерации внеэкономическими методами [4]. Вместе с тем практически очевидная сомнительность и даже двойственность конкретных действий радикальных экологических организаций не должна приводить к тотальной дискредитации экологической проблематики в целом.

Во втором аспекте речь идёт об актуальном возможном истощении тех природных элементов, которые используются и воспринимаются в современную эпоху в качестве ресурсов. Такому истощению и риску утраты могут подвергаться, например, пресная вода, нефть, минералы и др. Очень точно эта ситуация может быть передана метафорой костра у которого сидит человечество. Если в первобытную эпоху в качестве топлива для костра, использовалась непосредственно древесина, то в настоящее время в качестве топлива для костра глобального потребления выступают, например, углеводороды и ядерное топливо.

Отчуждение человека от природы является комплексной проблемой и может проявляться и в мировоззренческих ориентирах, и в экономико-политических решениях, и в повседневной действительности людей. При этом современная технократия гото-

¹ Достаточно вспомнить Киотский протокол, который предполагает квоты на выброс парниковых газов в атмосферу.

вит такие обозримые варианты возрастания отчуждённости, какие раньше могли быть рассмотрены только в формах литературной фантастики. Например, в будущем вполне могут быть осуществлены проекты кибернетизации человеческого тела или его генно-инженерной перестройки подобно конструированию технических изделий. В настоящее время прогресс в этой сфере связан с медико-биологическими практиками [11]. Однако весьма вероятной представляется возможность появления первых “кибердобровольцев”, которые могут захотеть поменять органы в добровольном порядке. Предельная возможность на этом пути – это трансгрессия человеческого существа в виртуальность путём переписывания сознания на технический носитель и конструирования искусственных тел.

Наконец, современный уровень технического развития несёт в себе угрозы, которые не являются прямыми следствиями планируемой и рассчитываемой деятельности, но происходят или могут происходить в результате различных форс-мажорных происшествий и обстоятельств. Диапазон этих возможностей достаточно широк – от локальных техногенных аварий до глобальных рисков, которые могут поставить под вопрос существование человечества в целом. Например, надо помнить о том, что обратной стороной современных медицинских достижений в сфере производства и применения антибиотиков является создание условий для выживания самых устойчивых штаммов возбудителей. В этом смысле технический прогресс имеет весомый элемент неподконтрольности и своеобразного “демонизма”.

Во многом с осмыслением этой проблематики связан интерес в современной социогуманитарной мысли к проблемам философии техники и философии природы.

Две методологические слабости современной философии техники: инструментализм и модернизм

В современных философских концепциях техники, предлагающих те или иные модели понимания истока проблемы и возможных стратегий их решения, можно выявить два основных слабых места: инструментализм и модернизм. **Инструментализм** – это шаблонное понимание сферы технического в качестве лишь средства для достижения поставленной цели. **Модернизм** – это увязывание комплекса проблем почти исключительно с современной (в широком смысле) эпохой.

Инструментальное понимание технического в качестве средства – общий момент, который характерен для большинства концепций философии техники. В общем виде основную идею инструментальной линии в понимании технического можно выразить следующим образом: техника выступает в качестве средства решения определённых задач, а проблемы, связанные с её развитием, вызваны её неадекватным использованием. В этом смысле инструменталистская позиция отличается как от технологического утопизма, так и от технологического алармизма.

В социально-философской мысли современности инструментальное видение проблемы чётко представлено в известной концепции К. Ясперса.

Согласно К. Ясперсу, сложности, связанные с развитием современной цивилизации, можно преодолеть, если человек сможет «духовно овладеть техникой», которая сама по себе представляется этически нейтральной [13]. В данном случае техника мыслится по аналогии с чем-то конкретно-техническим. Безусловно, если мы представим себе технику как некий гигантский молоток, проблемы его неадекватного использования, конечно, связаны с тем, “как” и “кто” его использует. Совершенно в духе здравого смысла можно сказать, что молоток следует давать в руки только тому, кто сможет его адекватно использовать, забивая гвозди, а не отбивая себе пальцы или пробивая голову соседу. Экстраполируя этот пример, можно сказать, что и атомный молоток стоит давать тому, кто сможет его адекватно использовать. В рамках такой логики можно метафорически повторить известный лозунг «спички детям не игрушка» и посоветовать человечеству, которое разожгло костёр глобальной экономики, научиться его контролировать. Однако насколько адекватна такая модель понимания технического?

Критика инструментализма наиболее наглядно представлена в философии техники М. Хайдеггера. Может быть, сложно согласится с предельно онтологической позицией М. Хайдеггера, согласно которой «в сущности техники нет ничего технического» [9, с. 247], но с альтернативой в лице инструментализма согласится ещё сложнее. Речь идёт о том, что целостный феномен не может рассматриваться как простая совокупность составных частей. Наглядно это проявляется в невозможности рассчитать долговре-

менные последствия решения любого значимого аспекта проблемы отношений человек–природа–техника. В частности, избегнув чрезмерной эксплуатации человека¹ в качестве придатка машины массового производства, современный социально-экономический порядок в каком-то смысле сделал его придатком машины массового потребления. Уровень потребления, как известно, определяет уровень энергопотребления, поэтому закономерно, что актуализуется проблема нехватки “дров” для глобального человеческого “костра”. Можно, конечно, пытаться понять новую конфигурацию проблем с помощью новых инструментальных концепций. В настоящее время имеется широкая палитра подобных теорий: от радикальных позиций, как неомальгузианство [2, с. 69–71] или неолуддизм [15], до прочно утвердившихся в научных и политических кругах, как, например, концепция *sustainable development* (англ.) [10]². Однако все подобные концепции ограничены инструментальным пониманием технического. Таким образом, первая методологическая опасность – это восприятие технического по аналогии с имеющимся в наличии инструментом.

Другая опасность – опасность модернизма, как уже указывалось, связанная с приписыванием почти всех проблем во взаимоотношении человек–природа исключительно современной цивилизации. Исток их при этом видится, например, в некоем изменении мировоззрения, утрате ар-

¹ По крайней мере, для привилегированных регионов мира (развитых стран, стран Запада, стран золотого миллиарда, Севера и т. д.).

² Принятый перевод на русский язык “концепция устойчивого развития” в настоящее время активно критикуется.

хаико-гармоничного отношения с природой. Экспликации такого мировоззрения связываются обычно с индустриальной цивилизацией, которая зарождается в эпоху Нового времени и постепенно распространяется по всему земному шару. Модернизм в этом смысле свойственен как инструменталистским концепциям, так и альтернативной им хайдеггеровской философии техники. Суть модернизма можно разобрать на примере последней. Согласно немецкому философу, принципиально различны две бытийно-исторических (*seynsgeschichtliche*, нем.) эпохи: поэзис и По-став (*Ge-stell*, нем.) [8, с. 49–60]. Поэзис – это время, когда создаваемые вещи (как ремесленные изделия, так и художественные творения) были самостоятельными произведениями человека-мастера. Принципиально отличной является ситуация современности. Любой современный продукт, который естественным образом понимается нами в своей материальной отдельности в качестве самостоятельного артефакта, на самом деле не может рассматриваться в качестве самостоятельной вещи. Адекватен здесь хайдеггеровский концепт *der Bestand* (нем.), который в поле русского философского языка может звучать как «поставленное» (распространённые варианты перевода – «наличный состав», «состоящее в наличии»). Современное изделие является следствием функционирования сложнейшей цепочки добычи ресурсов, производства, хранения, логистики, рекламы, маркетинга. Вместе эти цепи / сети образуют сложнейшую систему мирового производства и потребления. Природа в таком случае становится не чем иным, как объектом для встраивания

в эту систему. Проблемы в сфере отношений человек–природа объясняются в контексте того бытийного порядка, который утверждается в современную эпоху.

Модернистскому взгляду противостоят известные примеры негативного воздействия на природу доиндустриальных обществ. В частности, можно вспомнить: полную вырубку деревьев туземцами острова Пасхи, коз, “съевших могущество Греции”, опустынивание Сахары, которое во многом было вызвано хозяйственной деятельностью человека, роль человека в истреблении ледниковой мегафауны и др. Таким образом, преодолев инструментализм в понимании технического, мы сталкиваемся с проблемой модернизма. Соглашаясь со сформулированным В.М. Розиным принципом “установки на современность” в философии техники, следует признать, что она должна стремиться к пониманию актуальных проблем нашего времени [7, с. 10]. Однако это не означает, что она должна методологически замыкаться на современной эпохе. Следует заметить, что те характеристики технического, которые принято связывать только с современной эпохой, могут быть усмотрены и в прошлом. Так, по мысли Л. Мэмфорда, первый опыт машинной техники может быть увиден в организации многотысячных работ в древневосточных цивилизациях. Американский исследователь даже субстантивирует этот опыт, используя концепт Мегамшины и понимая под ней модель всех последующих машин в истории техники [6, с. 223]. Начало функционирования мировых сетей обмена и доставки ресурсов и изделий, по мнению некоторых исследователей,

может быть связано не с периодом индустриальной цивилизации, а уже с эпохой энеолита [14].

Природа как лес и техника как дом: феноменологический способ рассмотрения

Методологическое решение проблем инструментализма и модернизма возможно через обращение к феноменологической трактовке опыта взаимодействия с природой (живой материей) и опыта технического.

Проект понимания природы / живой материи был осуществлён современным русским философом В.В. Бибихиным [1]. В качестве конкретной чувственной основы, которая даёт человеческому существу феноменальный опыт природы, понимается *лес*. Лес в данном смысле трактуется в связи с одним из ключевых терминов философии Аристотеля – *ὑλη* (др.-греч.) [1, с. 3, 4, 15, 16]. Бибихин обращает внимание на то, что само слово *materia* (лат.) – это латинский термин для перевода греческого философского термина *ὑλη*, первое значение которого «лес». В свою очередь, в латинском языке привычное значение слова, скорее всего, тоже было вторичным по сравнению с его пониманием в качестве материала прежде всего горючего материала, и прежде всего опять-таки древесины, т. е. леса [1, с. 11–16]. Лес, таким образом, имплицитно присутствует в любом современном разговоре о материи и материальном. Материя входит в философский и обыденный язык в связи с человеческим опытом взаимодействия с миром как с источником ресурсов, например, как с поставщиком поглощаемой человеком

энергии (дрова в очаге). Примечательно, что такое понимание присутствует и в христианско-теологическом отношении к миру. Так, в «Откровении» Иоанна Богослова одно из божьих наказаний заключается в *сгорании* части мира из-за огня с неба [Откр. 8: 7].

Можно указать и на другие более интимные формы связи человека и леса, как сакрально-архаичные, так и непосредственно телесные. Опыт леса – это и волосы, растущие на теле, и символика креста, которая может быть связана с символикой мирового древа, и сакральная практика отношения к деревьям у представителей архаических культур, и мн. др. Таким образом, природа не может в данном случае мыслиться в контексте бинарной оппозиции “nature” – “culture” (лат.). В этом смысле природа «выгнанная через дверь может спокойно проникать в окно». В качестве “контрабандного” проникновения природы может рассматриваться тяга современного горожанина к превращённым формам леса – «вину, табаку, наркотику» [1, с. 5]. Неустрашимая близость леса является неким конститутивным моментом сборки человеческого существа.

Раскрытый выше феноменологический взгляд на природу нуждается в дополнении феноменологической трактовкой техники. Следует заметить, что любой (даже архаичный) опыт человеческого строится на отчуждении-отдалении от леса. Хорошую иллюстрацию этой мысли можно найти в романе Дж. Лондона «Белый клык» [5]. Белый клык – метис волчьей и собачьей породы, – подросший при удачном стечении обстоятельств сбегает из индейского посёлка. Однако отсутствие знаков человеческого при-

сутствия (голосов, запахов, вигвамов) тяготит и угнетает щенка. В итоге волчонок добровольно возвращается к людям уже одомашненным, а значит, своим псом. Волк в своре ездовых собак показывает не только архаическую близость леса, но и отдалённость (отчуждённость) от него. Отчуждение от леса открывает дорогу опыта дома и домашнего, который не совпадает с опытом жилища. В символических ключах это отчуждение может быть выражено образами “выхода из леса” и “обретения дома”.

Можно обратиться к практикам племён, ведущих традиционный образ жизни, которые, казалось бы, должны демонстрировать полную гармонию с природой. Например, австралийский абориген способен выжить в раскалённой пустыне без воды – путём зарывания себя в песок, что позволит организму усваивать через кожу ночную конденсатную влагу [12, с. 34]. Однако и в таких случаях выживание основывается на конкретном навыке, т. е. на чём-то техническом. Под техникой следует понимать не только совокупность орудий и материальных вещей, но и сам принцип человеческого отношения к миру. В этом аспекте техническое раскрывается в качестве расчёта и преобразования, которые являются принципами человеческого бытия в мире. Расчёт следует понимать в широком смысле принципа мышления и действия брать что-то под контроль, принимать во внимание. В этом смысле обусловленными расчётом являются как современные принципы маркетинга и логистики, так и наблюдения древнего охотника за тропами животных или знания древнего собирателя о растениях. В этом смысле ва-

жен и языковой опыт производности современного концепта “экономика” от древнегреческого *οικονόμος*, т. е. домозакония, домоводства, домоуправления.

Преобразование природы связано с подчинением её этому расчёту. Живая материя открывает человеку уникальный опыт самодвижущегося, самовоспроизводящегося начала. Например, этот опыт может быть замечен нами в вегетативности растений, размножении животных, инстинктивном поведении и др. Но важно то, что человек в своей деятельности разрывает самодвижущиеся целевые цепочки. Человек как бы навязывает остальному существу свои цели, приспособлявая и пристраивая его для себя и под себя. Эта человеческая особенность получает ценностные экспликации в философии, особенно в новоевропейской философии (в широком смысле), которая во многом продолжает определять наше сегодняшнее отношение к миру. Завершение осознания исключительности связано с современностью. Однако сама антропологическая ситуация “выхода из леса” начала развёртываться уже в первых палеолитических практиках.

Вновь обращаясь к образу лесного костра, стоит сказать, что зажжённый костёр уже сразу выделяет определённое место в лесу. Около него тепло, а в лесу может быть холодно, около него ярко, а в ночном лесу темно, около него относительно безопасно, а в лесу опасно, и др. Развитие техники создаёт возможности для освоения определённого места в мире, которое обособляется для человека. Если волосы, растущие на теле, можно “прочесать” как близость леса, то одежда, закры-

вающая тело, в свою очередь, является своего рода домом. Безусловно, здесь нельзя вести речь о простой бинарной оппозиции “чужое – своё”. Волосы не перестают быть своими, но в каком-то смысле отстраняются-отчуждаются через сокрытие их из виду и снятие утилитарной функции. Следует заметить, что и в практиках “погружения в лес” присутствует опыт дома. В качестве пояснения можно рассмотреть опыт приспособляемости, “встраиваемости” современных людей в природу. Такие практики “встраивания” в природу всегда оказываются связанными с техническим. Даже рюкзак, висящий за спиной у бывшего путешественника, который готов обойтись даже без спального мешка, говорит о близости и неустраимости феномена и символа дома. Опыт дома может быть понят в качестве символического и феноменологического ключа для сферы технического.

Безусловно, такое понимание сферы технического в качестве дома может вызывать возражения, связанные с идеей “вины” научно-технического прогресса за ту духовную ситуацию нашей эпохи, которую часто определяют как бездомность [9; 13]. Автор также ранее обращался к этой теме [3]. Отвечая на этот вопрос, надо выделить два проблемных момента. Во-первых, дом как антропологический феномен может быть определён только в хронологических параметрах, тогда как техника хотя и позволяет человеку иметь освоенное место в мире, не способна взять под контроль время. Практики, которые претендуют на это, связаны либо с освоением пространства и пути, либо с практиками организации времени, но не с ним самим. Они

же способствуют возрастанию беспокойства, суеты, спешки, замыканию на организации времени в работе и в развлечении и опосредованно способствуют разрыву с культурно-исторической традицией. Ситуация укоренённости, которая во многом определяет смысловую привязку человека к освоенному месту во времени, напротив, основывается на связи с традицией. Во-вторых, современная техника доводит ситуацию освоенности до степени крайнего “отступления леса”, а любая крайность имеет свойство переходить в свою противоположность. Крайность освоенного порождает отчуждённость, что проявляется в том числе и в тяге к превращённым формам опыта жизни.

Заключение

Таким образом, специфика человеческого бытия может быть определена в позиции между техническим (домом) и природным (лесом). Человеческая цивилизация развёртывалась, исходя из этого фактически пограничного положения человеческого существа. В этом смысле суть положения дел состоит в том, что человеческое существо бытийствует в близости леса и одновременно в отстранении от него в техническом. Техника позволяет человеку пребывать в доме как в освоенном месте в мире. При этом условные границы домашнего / технического и мира не могут совпасть до конца. Современное техническое развитие приводит к тому, что эти границы начинают активно раздвигаться, реализуя одну из интенций новоевропейской мысли – взять под расчёт весь мир. Нельзя однозначно определить, даёт

ли феноменологическое понимание природы и техники, развёрнутое в статье, ответ на вопрос: «способны ли мы как человеческие существа на принципиальный осмысленный пере-
смотр своего отношения к природе и технике»? Думается, что представлен-

ный взгляд на проблему позволяет прояснить, что решение не возможно в инструменталистском ключе, но может быть найдено в ходе осмысления человеком самого себя в качестве существа пограничного, между техникой и природой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биbihин В.В. Лес (hyle). СПб.: Наука, 2011. 425 с.
2. Блауг М. Мальтузианство сегодня // Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. С. 69–71.
3. Воронов В.М. Научно-технический прогресс и мировоззренческий кризис современности // Вестник Мурманского государственного университета. 2013 Т. 16. № 2. С. 271–274.
4. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2418 «Задержание активистов Greenpeace в Арктике: общественная оценка» [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114521> (дата обращения: 10.01.2018).
5. Лондон Дж. Белый клык // Лондон Дж. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Правда, 1976. С. 5–192.
6. Мэмфорд Л. Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1988. С. 225–239.
7. Розин В.М. Понятие и современные концепции техники. М., 2006. 256 с.
8. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1988. С. 45–66.
9. Хайдеггер М. Что зовётся мышлением? М.: Академический проект, 2010. 352 с.
10. Хартия Земли [Электронный ресурс] // Национальный экологический фонд [сайт]. URL: <http://nefrf.com/hartiya-zemli> (дата обращения: 19.01.2018).
11. Хмелевская С.А., Черниголо Е.С. Понятие “техническое” в ракурсе современных достижений регенеративной медицины // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 3. С. 116–121.
12. Чеснов Я.В. Народная культура: философско-антропологический подход. М.: Канон+: РОИИ Реабилитация, 2014. 496 с.
13. Ясперс К. Современная техника // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1988. С. 119–146.
14. Frank A., Gills B. The five thousand year world in theory and praxis [Электронный ресурс] // World-system history: the social science of long-term change / ed. by R. Denemark. ABUSS: [сайт]. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/WS/ws-history_intro.htm (дата обращения: 20.01.2018).
15. Glendinning C. Notes toward a Neo-Luddite Manifesto [Электронный ресурс] // The Anarchist Library: [сайт]. URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/chellis-glendinning-notes-toward-a-neo-luddite-manifesto> (дата обращения: 19.01.2018).

REFERENCES

1. Bibikhin V.V. *Les (hyle)* [The Wood (hyle)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011. 425 p.
2. Blaug M. [Malthusianism Today]. In: Blaug M. *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive* [Economic Thought in Retrospect]. Moscow, Delo Publ., 1994, pp. 69–71.

3. Voronov V.M. [Scientific and Technological Progress and Ideological Crisis of Modernity]. In: *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Murmansk State University], 2013, vol. 16, no. 2, pp. 271–274.
4. [VTSIOM. Press Release no. 2418 “Detention of Greenpeace Activists in the Arctic”: Public Assessment]. In: VTSIOM. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114521> (accessed: 10.01.2018).
5. London J. [White Fang]. In: London J. *Sobranie sochinenii. T. 3* [Works. Vol. 3]. Moscow, Pravda Publ., 1976, pp. 5–192.
6. Memford L. [Technology and Human Nature]. In: *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [New Technocratic Wave in the West]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 225–239.
7. Rozin V.M. *Ponyatie i sovremennye kontseptsii tekhniki* [The Concept and Modern Conceptions of Technology]. Moscow, 2006. 256 p.
8. Heidegger M. [The Question Concerning Technology]. In: *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [New Technocratic Wave in the West]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 45–66.
9. Heidegger M. *Chto zovetsya myshleniem?* [What is Called Thinking?]. Moscow, Academic Project Publ., 2010. 352 p.
10. [The Earth Charter]. In: *Natsional’nyi ekologicheskii fond* [The national Environmental Fund]. Available at: <http://nefrf.com/hartiya-zemli> (accessed: 19.01.2018).
11. Khmelevskaya S.A., Chernigolo E.S. [The Concept of “technical” from the Perspective of the Latest Achievements of Regenerative Medicine]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2015, no. 3, pp. 116–121.
12. Chesnov Ya.V. *Narodnaya kul’tura: filosofsko-antropologicheskii podkhod* [Popular Culture: Philosophical and Anthropological Approach]. Moscow, Kanon+ Publ., ROII Reabilitatsiya Publ., 2014. 496 p.
13. Jaspers K. [Modern Technology]. In: *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [New Technocratic Wave in the West]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 119–146.
14. Frank A., Gills B. The five thousand year world in theory and praxis. In: ABUSS. Available at: http://abuss.narod.ru/Biblio/WS/ws-history_intro.htm (accessed: 20.01.2018).
15. Glendinning C. Notes toward a Neo-Luddite Manifesto. In: *The Anarchist Library*. Available at: <https://theanarchistlibrary.org/library/chellis-glendinning-notes-toward-a-neo-luddite-manifesto> (accessed: 19.01.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронов Василий Михайлович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета;
e-mail: philosophvoronov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasily. M. Voronov – PhD in Philosophy, associate professor at the Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University;
e-mail: philosophvoronov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воронов В.М. Человек между природой и техникой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 38–48.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-38-48

FOR CITATION

Voronov V.M. Man Between Nature and Technology. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 2, pp. 38–48.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-38-48

УДК 316.33:165.823

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-49-58

К ПРОБЛЕМЕ ДВОЙСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА: ОПЫТ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ НА ОСНОВЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Глинский А.В.¹, Шачин С.В.²

¹Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

²Мурманский арктический государственный университет
183720, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется глобальный кризис человеческого мира, истоки которого лежат в кризисе субъекта модерна. Цель статьи состоит в выработке философского метода, который помог бы восстановить разумные способности субъекта и тем самым содействовать его интеграции. При этом автор опирается на результаты анализа современного немецкого философа Карен Джойстен, который был ею проведён с позиции экзистенциальной феноменологии. Джойстен предлагает экзистенциальную характеристику человека в результате исследования определённых форм самосознания: это жизнь в доме. Когда акцентируется жизнь в доме, в человеческом самосознании присутствуют такие феномены, как защищённость, покой и доверие. Авторы приходят к выводу, что предпринятое в статье диалектическое углубление характеристик человека заключается в перемене местами содержания противоположностей, выделенных Джойстен, с целью определения новых ориентиров в условиях кризиса субъективности.

Ключевые слова: субъект, смысл жизни, жизнь в доме, метод экзистенциальной феноменологии, диалектический метод.

TO THE PROBLEM OF MODERN MAN'S DUALITY: THE EXPERIENCE OF EXISTENTIAL PHENOMENOLOGY RETHINKING ON THE BASIS OF DIALECTICAL METHOD

A. Glinski¹, S. Shachin²

¹Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

²Murmansk Arctic State University
15, Captain Yegorov st., Murmansk, 183720, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the global crisis of the human world, the roots of which lie in the crisis of the subject of modernity. The purpose of the article is to develop a philosophical method that would help restore the subject's reasonable abilities and thereby promote its integration. At the same time, the authors draw on the results of the study by the modern German philosopher Karen Joysten, which she conducted from the standpoint of existential phenom-

enology. Joysten offers an existential characteristic of a person as a result of the study of certain forms of self-awareness: it is a "life in the house". When "life in the house" is emphasized, such phenomena as security, peace and trust emerge in human consciousness. The authors come to the conclusion that the dialectical deepening of the characteristics of a person undertaken in the article consists in the reversal of the content of the opposites identified by Joysten in order to determine new benchmarks in the conditions of the crisis of subjectivity.

Key words: subject, the meaning of life, new directions, "life in the house", method of existential phenomenology, dialectical method.

В настоящее время имеет место не просто всемирный экономический кризис или сравнительно локальный "цивилизационный" кризис (В. Лексин) нашего "русского мира" [1, с. 5–7], а происходит нечто более глубокое: кризис субъекта в его классическом новоевропейском понимании.

Союз между субъектом и человеком есть порождение модерна, они нерасторжимы только в условиях классического модерна, предполагающего "нормальное состояние" человеческого мира¹. Хорошо об этом написал Клаус-Юрген Брудер: «Обозримость и предсказуемость мира модерна обеспечивались различными стратегиями элиминирования случайности. Потеряв эти опоры, рационально оперирующий субъект Нового времени становится почти не способным к действиям. Субъект не в состоянии встретить процессуальность и событийность нашего мира, отрефлексировать изменённый мир высокой сложности, т. к. он привязан к пространственно-временному континууму Нового времени. Парадоксальность ситуации состоит в том, что концепт пространственно-временного континуума всё ещё остаётся руководящим для действий» [5]. Мир же при этом всё больше выскользает из-под кон-

троля, распадается связь времён, и нет человека, который ощущал бы свою миссию в том, чтобы её восстановить.

Если в условиях нормального состояния человеческого мира в философии акцентируется субъективность человека (каждый из нас – активный субъект, способный инициировать изменения в мире в соответствии с нашим жизненным проектом, индивидуальным или коллективным, если, конечно, сумеет познать природный и социальный миры и поставить себе на службу основные процессы в нём, к ним приспособившись), то в условиях кризиса на первое место выходят размышления о конечности человека и ненадёжности всех его начинаний. Оказывается, что конкретный человек не в состоянии вынести бесконечный субъект, причём ещё надо учитывать, что субъект-то нельзя приватизировать, он всегда предполагает множество других разумных существ, с которыми каждый человек связан на глубинном, онтологическом уровне. На самом деле кризис проистекает именно оттуда: из расстраивания связей между субъектами в силу того, что каждый из них начинает дезинтегрироваться, распадаться на изолированные моменты, превращаться во что-то нереальное. Становится неясным, что делать в условиях, когда сам путь пропадает в тумане, и люди не только не

¹ См. анализ новоевропейской субъективности в работах: [4, с. 159–162; 3, с. 211–213].

знают, куда они движутся и являются ли они субъектами [11, с. 205–207]? Какой смысл имеют все рассуждения о доме, если непонятно, кто в нём по-настоящему хозяин [7, с. 4–8]? Насколько можно положиться на отношения диалогичности, если связи с другими субъектами всё больше разрываются по мере того, как пропадают как раз те творческие силы, которые связывали человека с субъектом?¹ Например, к коммуникации человек оказывается мало способен, ибо сообщить принципиально нового другим он не может, все становятся всё больше похожими друг на друга, а всё непохожее оказывается изолированным и исторгнутым вовне, в область неосмысленного; нравственный поступок, ориентированный на внесение в мир нового смысла, оказывается идущим в пустоту, т. к. эти смыслы не входят в самосознание, а остаются как бы в потенциальном состоянии; способность

¹ Хорошо написал об этом Б.В. Марков: «Несмотря на бурно развивающуюся индустрию развлечений, современный человек испытывает не просто скуку, а глубочайшую меланхолию» [2, с. 114]; «Поскольку в обществе потребления покупки уже не связаны напрямую с естественными потребностями, постольку торговля во всё более широком масштабе прибегает к тому, что Ж. Делез и Ж. Бодрийар называют соблазном. Это только кажется, что покупают вещи или услуги, на самом деле происходит производство и продажа желаний, необходимых для поддержки современной экономики» [2, с. 115]; «Боюсь, что современные посетители музеев и выставочных залов смотрят на картины и экспонаты глазами телезрителя. Они уже не слушают или не воспринимают комментариев экскурсовода. Сегодня люди хотят не познавать и учиться, не исследовать и открывать, а развлекаться» [2, с. 115]; «Однако именно в условиях “общества благоденствия” обостряется проблема одиночества, наблюдается распад семьи и, как следствие, снижение рождаемости» [2, с. 116].

суждения лишается объективных критериев и низводится до чистой случайности или произвола; воображение становится плоским и уходит в воспроизведение внешних впечатлений вместо проникновения в суть бытия как потенциальной сокровищницы новых смыслов и т. п. Т. е. как вообще возможен субъект в условиях кризиса интерсубъективного мира?

Однако очевидно, что как раз такая ситуация и ставит философию на карту. Философия никогда не пряталась от реальности, а мужественно смотрела ей в лицо и могла противопоставить бесконечному напору реальности только усилие мысли, такой же бесконечной в своей потенциальности (которую ещё надо диалектически “развернуть”). Т. е. философия должна заново продумать категории конечности и бесконечности, и не в статике их взаимоотношений в ситуации нормальности, а в динамике необратимых изменений в самом человеческом бытии. При этом философия всегда антропологична, т. е. она обращена к человеческому бытию, чтобы найти в нём именно человеческий смысл. И, наконец, в ситуации изменений она должна быть диалектична, чтобы увидеть не только угрозы, но и новые возможности.

Именно такой сверхзадаче отвечает та характеристика человека, которую даёт немецкий философ из университета Майнца Карен Джойстен в книге «Философия Родины – Родина философии» [9], по материалам которой она написала статью, побуждающую нас к самостоятельным размышлениям [8]².

² Далее в тексте будут даваться ссылки именно на эту статью немецкого философа: Joisten Karen. Das Haus, die Tür und die Wege: Tole-

Итак, цитата: «Человек – это разделённое надвое существо, в котором обе стороны его самости противоречат друг другу. Соответственно, ему присуща двойная структура, для которой конститутивны жизнь в доме и движение, связывание себя и ориентирование на что-то. Эта структура конфликтна в самой себе, т. к. обе неразрывно связанные друг с другом стороны сущности человека противоположны друг другу. В то время как жизнь в доме выражает способность человека к домашнему бытию, благодаря которой он может, почуяв свои тенденции, найти свою колею, движение указывает на его способность быть в дороге, благодаря которой человеку возможно, сохраняя как бы у себя за спиной своё бытие связанности, отправиться в мир по проторенным и непроторенным дорогам. Например, человек может бродить на природе, пойти или поехать по улице, облететь на самолёте мир или погрузиться в Интернет. Каждая из этих дорог отвечает за специфический способ, которым человек относится к миру и его узнаёт. Смотри отсюда, мы понимаем: человек неустанно движется между направлениями внутрь и наружу, и он может совершать неустанные поиски подлинной середины, стремясь выдержать напряжение между этими обоими сторонами своей сущности» [8, с. 112].

Карен Джойстен при описании сущности человека акцентирует противоречие между двумя сторонами человека, в то время как дополнительность этих противоречий не констатируется

изначально, а предоставляется усилием самого человека в качестве задачи, которую необходимо решать каждому и каждый раз заново в конкретных условиях жизни. Тем самым Джойстен выражает специфику гуманитарного знания вообще, которая заключается в том, что без *усилий* самого человека невозможно достижение состояния, предвосхищаемого в качестве нормального. Ведь человек – всегда существо незавершённое, и ему требуются высокая пластичность и способность к концентрации, которые должны быть выражены в его реальных действиях, чтобы обрести самого себя в единстве своих диалектически / дополняющих сторон.

В этой статье будет рассмотрен только экзистенциальный анализ человека с позиции его жизни в доме и углублён с позиции диалектического метода. Дом – это место, которое интимно близко человеку, где везде выражается его субъективность при организации жилого пространства, при определении темпа и даже характера течения времени, где живут вместе с ним самые близкие ему люди, оказавшие воздействие на него в процессе социализации, или те, с кем он разделяет свою жизнь. Человек воплощает в своей жизни в доме свою тенденцию связывания себя, которая выражается в фундаментальных феноменах защищённости, покоя и доверия¹.

Что касается категории защищённости, она выражает связь между конечным и бесконечным, т. е. тот способ, которым бесконечный в своих возможностях и способностях субъект

ranzen des Menschen zwischen drinnen und draußen // *Studia hermeneutica*. Neue Folge. Band 1: Toleranz, Pluralismus, Lebenswelt. Berlin: Parerga-Verlag, 2004. S. 111–133.

¹ О домашней стороне человека в тексте Джойстен в целом – т. е. ссылка к двум последним абзацам данной статьи: [8, с. 113–116].

входит в ограниченный мир и тем самым осваивает какой-то участок пространства, оставаясь верным самому себе. Здесь имеется в виду, что в мире у каждого из нас всегда имеется неотъемлемо присущее нам место, находясь в котором, мы будем испытывать гармонию в себе и во взаимоотношениях с миром в целом. Пусть это пространство ограничено, но каждый человек может так повлиять на него, чтобы оно в целом и находящиеся там предметы в частности несли бы на себе какой-то отпечаток его неповторимой субъективности. С другой стороны, в защищённости выражается способность человека разрешить противоречие между двумя способами своего существования в пользу связывания самого себя (а не в пользу движения по дорогам). Т. е. только тот, кто сумел создать защищённое пространство, сможет успокоиться в процессе постоянного движения, и всё движение можно рассматривать как такое, которое рано или поздно должно привести к какому-то пространству защищённости, причём у каждого человека оно будет своим¹.

Другая категория – категория покоя – может рассматриваться как выражение свойственного человеку в домашнем бытии своеобразного отношения ко времени. Оно теперь будет течь не объективным образом, т. е. так, чтобы извне определять темп жизни, характер деятельности, обязанности человека по отношению к другим в рамках институциональных практик, а таким образом, чтобы человек смог сам и по-своему распорядиться этим

временем хотя бы в каких-то пределах. Человек может расположиться в глубоком и удобном кресле и очистить своё сознание от того, что он принёс с собой извне при движении по разнообразным дорогам. Человек может оживить своё прошлое, и оно заговорит с ним языком различных предметов, которые лежат в шкафах, стоят на полках или запечатлены в картинах, или фотографиях, или на изображениях, в том числе и в компьютере, чтобы лучше понять смысл своего субъективного жизненного проекта или целостность своей жизненной истории. Точно так же он может понять или актуализировать смысл своего будущего как того временного модуса, который ещё не совершён, но который может быть осуществлён благодаря его собственным усилиям, т. е. будущее может зависеть также и от самого человека (а не является продуктом безраздельного сцепления причинно-следственных связей)².

Наконец, отношение к другим людям предполагает вынесение человеком опять-таки разных способов своего бытия – интересубъективного и индивидуально-субъективного. Всегда имеется возможность разрыва между ними, что приведёт к разорванности сущности человека. Но только те из других людей, приходящих в дом извне, кто будет ощущать индивидуально-личностные тенденции хозяина дома или квартиры в организации пространства и неповторимые ритмы его субъективного времени, могут быть допущены внутрь. Если же от другого человека, стоящего на пороге дома, будет исходить угроза навязывания

¹ О защищённости человека в тексте Джойстен, т. е. ссылка ко всему абзацу нашей статьи: [8, s. 117, 118].

² О категории покоя в тексте Джойстен, т. е. ссылка ко всему абзацу: [8, s. 118, 119].

хозяину дома своего (т. е. пришлеца) способа бытия или своего собственного времени, он не будет впущен; а если непрошенный гость начнёт бесцеремонно возиться в вещах хозяина, присваивать их или же осмелится покуситься на предметы, благодаря которым хозяин дома может испытать покой и умиротворённость (например, кресло или кровать), он будет изгнан, коли уж он туда войдёт. Именно этот разрыв между “я” и “другим я” в пространстве домашней стороны человека до тех пор, пока он может быть им вынесен, и обозначается категорией толерантности. Она отмечает тот уровень, в соответствии с которым живущий в доме человек может допустить, чтобы его дом был упорядочен по логике того, что находится вовне, или размер того внешнего, что пока ещё может впустить внутрь хозяин дома. Естественно, у каждого человека такой уровень свой, и также многое зависит от гостя, насколько он относится к людям, интимно близким хозяину дома (последнему, конечно, может дозволяться то, что не дозволено чужаку)¹.

Таковы три категории, с помощью которых Карен Джойстен описывает домашнюю сторону каждого человека, чтобы затем сравнить её с динамичной стороной. Нам осталось проверить, насколько этот подход работает в условиях кризиса человеческого мира в его комплексности, как об этом писалось в начале статьи, т. е. кризиса самого новоевропейского субъекта и интерсубъективности (как следствие первого). Мы постоянно наталкиваемся на

границы этого подхода: например, если человек столкнётся за порогом его дома с такими ситуациями, которые не оставят места для проявления его свободы, для творческой самореализации, он вынужден будет впустить в дом всё то, что может и разрушить защищённость, и нарушить течение индивидуального времени (подчинив его логике времени коллективного). Тогда разрыв между “я” и “другим я” может разрастись до таких размеров, что может грозить исчезновением самого “я” и его растворением в некоем “я коллективном” (которое чаще всего является псевдо-я, продуктом массовой манипуляции и массовой растерянности в условиях кризиса). И у человека остаются две возможности: либо покинуть свой дом и оказаться в ситуации вечного кочевника, нигде надолго не укореняющегося и даже не понимающего, каким образом можно рассчитывать на какие-то устойчивые связи с другими, на какую-то защищённость и покой и т. п. Либо вторая возможность: человек будет вынужден запереться в своём собственном доме и остаться в нём изолированным по отношению к быстро меняющимся процессам снаружи, которые он рассматривает как для себя разрушительные, до тех пор, пока у него будет достаточно средств, чтобы выдержать осаду реальности. Т. е. если человек не сумеет найти приемлемое равновесие между домашней и дорожной стороной своего существа, между связыванием самого себя и ориентированием на что-то, он окажется несоответствующим своей задаче, которая как раз и состоит в стремлении к обретению гармонии. А тогда связь между человеком и субъектом всё больше начнёт разрываться, и его спо-

¹ О категории доверия в тексте Джойстен: [8, с. 119, 120]. О вырастающей отсюда проблеме толерантности: [8, с. 120–123]. Эта ссылка относится ко всему абзацу нашей статьи.

собности будут всё больше “зарываться в землю”, говоря образным языком.

Но, может быть, выход будет найден как раз не в стремлении к затуплению этого конфликта, а через его максимальное обострение? Это предполагает вовсе не снятие границ между домом и окружающим миром, в результате чего человек окажется неприкаянным кочевником, и не постоянные движения в сторону места работы и обратно, в результате которых у человека будет оставаться только один выходной день на то, чтобы элементарно отоспаться, а другое состояние: человек может пребывать в постоянных разъездах для того, чтобы уже там, куда он едет, творчески проявить свою субъективность. Такие места, куда будут притягиваться близкие по духу другие, могут привести к эпизодическим опытам глубинной коммуникации, причём именно в созвучии своих мыслей, переживаний, своего духовного состояния с тем же самым у других людей человек сможет расслышать мотивы иного рода защищённости, чем та, которая им ощущается только в его собственном доме. Т. е. защищённым можно стать потому, что ты оказываешься вместе с другими, и для того, чтобы найти таких близких тебе людей, можно совершать путешествия (причём как физически в пространстве, так и виртуально, с использованием возможностей разного рода сетей). Карен Джойстен права в своём обосновании, так сказать, субъективной стороны защищённости, но не учла, что у последней может быть и интересубъективная сторона. Как в дальнейшем будет развит этот опыт созвучия и возникающего отсюда сотрудничества, предсказать невозмож-

но до совершения этих опытов. Однако очевидно, что сам человек будет хранить в своём доме свидетельства о таких опытах, испытанных им за пределами дома, и дом тем самым будет наполнен не такими вещами, что можно купить в окрестных магазинах, как у большинства людей, мало выезжавших и мало общавшихся “по душам” с другими, а теми, которые действительно будут проявлять его субъективность в том смысле, что у человека есть неповторимый жизненный путь в совокупности тех дорог, что он прошёл вместе с другими. Эти предметы можно получить, только находясь в пути.

И покой можно будет испытать не только через пребывание в неподвижности, а в моменты высшего напряжения деятельности, когда испытывается описанное созвучие, когда понимаешь, что дело, которым ты занимаешься, кому-то нужно, а также понимаешь, что и ты можешь другим помочь в том, что касается роста их субъективности. Время начнёт по-особому течь у человека не только в его доме, но и на таких встречах в пространстве глубинной коммуникации, а отсюда могут быть выходы на философское обоснование особого коммуникативного пространства и времени, в котором каждый человек обогащается переживанием своеобразного покоя в интенсивной деятельности. И встреча с другим будет совершаться не на пороге своего дома, а там, где сама логика общения породит публичное пространство, что будет отличаться от “обычных” рабочих мест, где происходит только мимолётное общение в рамках институциональных правил, и будет подразумевать взаимное обогащение и сотрудничество при осуществлении коллективной цели или

разрешении сложной задачи. Т. е. если мы попробуем впустить путь в дом и увидеть в доме уже пройденный и будущий путь, появятся новые смыслы как ориентиры для человека в условиях кризиса, когда из-под ног уходят привычные формы межличностных отношений и дезинтегрируется привычная форма субъективности. Но только тот сможет найти эти смыслы, кто отправится за ними в путь...

Вот такая диалектика может творчески продолжить экзистенциальную феноменологию Карен Джойстен и даже указать нам на путь обретения новых ценностей в условиях кризиса: для этого мы должны чаще отправляться в дорогу, ибо кризис расторгает многие социальные связи, которые привязывали нас к жёстким социальным структурам, привычным формам

и способам деятельности. В дороге мы можем найти что-то новое, неопределённое, и тем самым на это новое может отозваться резонансом какая-то новая, неизвестная нам самим, способность в нас как субъектах. Т. е. в кризис само бытие заставляет нас жить по-новому, на что мы не всегда оказываемся способными, желая начать жизнь, например, с понедельника. Но для этого мы должны отдаться динамической диалектике домашней и дорожной сторон человека, а не подчинять путь оседлости или же не считать всех кочевниками, сорванными кризисом с места. Надо уезжать далеко, но возвращаться всё равно к дому, как это сделал когда-то Одиссей... И выход из кризиса будет завершением такой Одиссеи уже на коллективном уровне интересубъективности...

ЛИТЕРАТУРА

1. Лексин В.И. Цивилизационный кризис и его российские последствия // *Общественные науки и современность*. 2009. № 6. С. 5–18.
2. Марков Б.В. Человек в условиях современности // *История философии XX века. Современная зарубежная философия: учебник и практикум для современного бакалавриата* / под ред. А.С. Колесникова. М.: Юрайт, 2016. С. 113–117.
3. Перов Ю.В. Кант о способности суждения в контексте природы и свободы, сущего и должного // Перов Ю.В., Сергеев К.А., Слинин Я.А. *Очерки истории классического немецкого идеализма*. СПб.: Наука, 2000. С. 207–267.
4. Хайдеггер М. *Время картины мира* // Хайдеггер М. *Работы и размышления разных лет* / сост., пер. А.В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. С. 148–162.
5. Bruder K.-J. Das postmoderne Subjekt [Электронный ресурс] // FU-Berline: [сайт]. URL: http://web.fu-berlin.de/postmoderne-psych/berichte1/bruder_pomo_subjekt.htm (дата обращения: 18.03.2018).
6. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. 4. Aufl. Bd. 2. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1987. 800 S.
7. Hall S. Die Frage der kulturellen Identität [Электронный ресурс] // Google: [site]. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=17&ved=0ahUKewjrk_O6nKzXAhXnB5oKHUm6A1s4ChAWCEswBg&url=http%3A%2F%2Fwww.thomasbauer.at%2Ftab%2Fmedia%2Frezensionen_medpaed%2F5aa9d40b252c23de.doc&usg=AOvVaw2yQrJoAGRI3JMSfPnYy4a (дата обращения: 18.03.2018).
8. Joisten K. *Das Haus, die Tür und die Wege: Toleranzen des Menschen zwischen drinnen und draußen*. // *Studia hermeneutica*. Neue Folge. Band 1: Toleranz, Pluralismus, Lebenswelt. / Hrsg. E. Hufnagel, und Ju. Zovko. Berlin: Parerga-Verlag, 2004. S. 111–133.

9. Joisten K. Philosophie der Heimat – Heimat der Philosophie. Berlin: Akademie–Verlag, 2003. 369 S.
10. Paulus M. Die Stellung des Subjekts bei Foucault und Habermas [Электронный ресурс] // Tabula Rasa: [сайт]. URL: <http://www.tabularasa.de/38/Paulus.php> (дата обращения: 18.03.2018).
11. Wagner P. Versuch, das Endspiel zu verstehen: Gesellschaftstheorie als Kapitalismusanalyse // Dialektik der Freiheit: Frankfurter Adorno–Konferenz 2003. / Hrsg. von A. Honneth. Frankfurt am Main: Suhrkamp–Verlag, 2005. S. 205–234.

REFERENCES

1. Leksin V.I. [Crisis of Civilization and Its Consequences]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2009, no. 6, pp. 5–18.
2. Markov B.V. *Chelovek v usloviyakh sovremennosti* [Man in the Conditions of Modernity]. In: Kolesnikov A.S., ed. *Istoriya filosofii XX veka. Sovremennaya zarubezhnaya filosofiya* [History of Philosophy of the Twentieth Century. Modern Foreign Philosophy]. Moscow, Yurait Publ., 2016, pp. 113–117.
3. Perov Yu.V. [Kant on Judgment in the Context of Nature and Freedom, What Exists and What Should Be]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 207–267.
4. Heidegger M. [The Age of World Picture]. In: Heidegger M. *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and Thoughts of Different Years]. Moscow, Gnozis Publ., 1993, pp. 148–162.
5. Bruder K.-J. Das postmoderne Subjekt. In: *FU-Berline*. Available at: http://web.fu-berlin.de/postmoderne-psych/berichte1/bruder_pomo_subjekt.htm (accessed: 18.03.2018).
6. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. In: 4. Aufl. Frankfurt am Main, Suhrkamp–Verlag, 1987. Bd. 2. 800 p.
7. Hall S. Die Frage der kulturellen Identität. In: *Google*. Available at: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=17&ved=0ahUKEwjrk_O6nKzXAhXnB5oKHUm6A1s4ChAWCEswBg&url=http%3A%2F%2Fwww.thomasbauer.at%2Ftab%2Fmedia%2Frezensionen_medpaed%2F5aa9d40b252c23de.doc&usg=AOvVaw2yQrJoAGRI3JMSfPnNY4a (accessed: 18.03.2018).
8. Joisten K. Das Haus, die Tür und die Wege: Toleranzen des Menschen zwischen drinnen und draußen. In: Huhnagel E., Zovko Iu., hrsg. *Studia hermeneutica. Neue Folge. Band 1. Toleranz, Pluralismus, Lebenswelt* Berlin, Parerga–Verlag, 2004, pp. 111–133.
9. Joisten K. Philosophie der Heimat – Heimat der Philosophie. Berlin, Akademie–Verlag, 2003. 369 s.
10. Paulus M. Die Stellung des Subjekts bei Foucault und Habermas. In: *Tabula Rasa*. Available at: <http://www.tabularasa.de/38/Paulus.php> (accessed: 18.03.2018).
11. Wagner P. Versuch, das Endspiel zu verstehen: Gesellschaftstheorie als Kapitalismusanalyse. In: Honneth A., hrsg. *Dialektik der Freiheit: Frankfurter Adorno–Konferenz, 2003*. Frankfurt am Main, Suhrkamp–Verlag, 2005, pp. 205–234.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глинский Андрей Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: a.v.glinsky@gmail.com

Шачин Святослав Вячеславович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета;
e-mail: s_shachin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrew V. Glinski – PhD in Philosophy, associate professor at the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: a.v.glinsky@gmail.com

Sviatoslav V. Shachin – PhD in Philosophy, associated professor at of Department of Philosophy, Murmansk Arctic State University;
e-mail: s_shachin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Глинский А.В., Шачин С.В. К проблеме двойственности современного человека: опыт переосмысления экзистенциальной феноменологии на основе диалектического метода // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 49–58.
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-49-58

FOR CITATION

Glinski A.V., Shachin S.V. To the Problem of Modern Man's Duality: The Experience of Existential Phenomenology Rethinking on the Basis of Dialectical Method. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 2, pp. 49–58.
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-49-58

УДК 101.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-59-68

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ “ШВЕДСКОСТЬ” В ВОПРОСЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА ШВЕЦИИ

Дианина С.Ю., Катушева Е.К.

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел России

119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации национальной идентичности в современном обществе Швеции и в связи с этим анализу такого понятия, как “шведскость”. Актуальность исследования вызвана тем, что дебаты, посвященные значению и изменению этого понятия и сохранявшие свою остроту на протяжении последних лет, вновь получили широкое распространение в стране в настоящее время. Авторы исследования акцентируют внимание на серьёзном давлении со стороны глобальных процессов (рост иммиграции, крах политики мультикультурализма и др.), оказывающем влияние на ход интеграции и ассимиляции. Проведённый анализ демонстрирует отсутствие единства во мнении о трактовке понятия “шведскость” у различных членов и кругов общества, что создаёт условия для формирования “новой” идентичности и способствует мирному поиску путей решения этого вопроса в обществе.

Ключевые слова: Швеция, “шведскость”, национальная идентичность, ценности, интеграция, глобализация.

THE ACTUALIZATION OF “SWEDISHNESS” IN MODERN SWEDISH SOCIETY’S NATIONAL IDENTIFICATION

S. Dianina, E. Katusheva

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadsky ave., Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the transformation of national identity in modern Swedish society and the analysis of such a concept as “Swedishness”. The relevance of the study is rooted in the fact that the debates on the significance and alternation of this concept are becoming widespread in Sweden at present. The authors focus their attention on the serious pressures of global processes (the growth of immigration, the collapse of multiculturalism, etc.) that have an impact on the course of integration and assimilation. The analysis shows the lack of unity in regarding the interpretation of the notion “Swedishness” in various communities and social circles, which creates conditions for the formation of a “new” identity and facilitates a peaceful search for the ways to solve this problem.

Key words: Sweden, “Swedishness”, national identity, values, integration, globalization.

За последние десятилетия мир подвергся глобальным изменениям, в ходе которых противопоставляются друг другу тенденции стандартов мультикультурализма и ценностей национальной культурно-религиозной идентичности. С одной стороны, мы можем наблюдать интенсификацию процессов интеграции стран, их объединения в политические и экономические союзы, взаимозависимость национальных экономик, но, с другой стороны, существует стремление к сохранению традиционных национальных и религиозных ценностей.

В связи с этим национальная идентичность испытывает серьёзное давление со стороны глобальных процессов (рост иммиграции, крах политики мультикультурализма, темпы европейской интеграции). Это нередко доказывает столкновение национальной идентичности с массовыми инокультурными или инациональными воздействиями, которые оказывают влияние на соотношение в ней традиционного и приобретённого, национального и новаторского. Имеет место своеобразная “ценностная диффузия”, трансформирующая в том числе свойственное той или иной культуре самосознание, понимание ею собственной национальной идентичности [4; 7; 10]. Процесс трансформации национальной идентичности включает в себя несколько этапов, при которых происходят разрушение или замещение национальных идентификаторов, расширение её функциональной роли.

Так, ранее понятие “шведскость” (“svenskhet”) было предметом обсуждения и исследований в первую очередь

этнологов, но глобальность процессов, описанных выше, привела к тому, что оно вышло за научные рамки и стало темой общественных дебатов. И если для национал-консерваторов это понятие нередко остаётся одним из основных биологических критериев, эталоном для “измерения” критериев, по которым человек является интегрированным в шведское общество, то для других это не более чем графа в паспорте, гражданство. Значит, одни видят в этом переход на более высокий уровень влияния, другие, наоборот, опасаются кризиса идентичности. Обосновывая тезис о глобальном характере кризиса идентичности, С. Хантингтон писал: «Японцы никак не могут решить, относятся ли они к Азии (вследствие географического положения островов, истории и культуры) или к западной цивилизации, с которой их связывают экономическое процветание, демократия и современный технический уровень. Иранцев нередко описывают как “народ в поисках идентичности”, теми же поисками увлечена Южная Африка, а Китай ведёт “борьбу за национальную идентичность” с Тайванем, поглощённым задачей разложения и переформирования национальной идентичности». [9, с. 35, 36].

Нельзя сказать, что вопрос национальной идентичности стал актуален для Швеции только в настоящее время – он уже на протяжении нескольких лет является объектом острых дискуссий на самых различных уровнях. Этому во многом способствовал успех националистической партии «Шведские демократы», прошедшей в риксдаг по итогам выборов 2010 г. и

не примкнувшей ни к одному из блоков. Предпосылками к популярности партии «Шведские демократы» часто называют демографический кризис и негативный опыт интеграционной политики в рамках мультикультурной модели. Представляется необходимым в рамках данного исследования обратить внимание на трансформацию определения партией термина «нация». Партийная программа 1999 г. трактует его как защищённое, стабильное общество, единение людей в котором строится на базе общности культуры, религии, языка и истории [6, с. 86]. А если обратиться к действующей Программе принципов, здесь базисными составляющими понятия «нация» являются язык и традиции. Это означает, что принцип «открытой шведскости» (*öppen svenskhet*), подразумевающий, что носителем шведской культуры может стать любой человек вне зависимости от расы и страны происхождения, принявший шведские ценности и культурные нормы, получил распространение [17].

Но как поступить с утверждением, что любые ценности и нормы общества формируются путём социального опыта? Разве для того чтобы понять их, не необходимо понимать старые шведские традиции, учитывать исторические события, национальный характер, чувства и убеждения прежних поколений, их жизненный опыт и предпочтения? Выделение самостоятельной области «ценностей» из ткани исторической действительности и последующая объективация этого «экстракта» – феномен, связанный не столько с деятельностью рефлексивного или предрефлексивного общественного сознания, сколько, скорее,

со своеобразным автоматизмом коллективного бессознательного. Таким образом, очевидно, что внимание к ценностному вектору исторического знания предполагает, как минимум, попытку углубиться в знание действительного положения дел, соответствующего известным историческим фактам [2, с. 39].

Интересен тот факт, что всё большее число молодых людей в Швеции (в их числе и представители иммигрантского сообщества) не согласны, что традиции и взгляды прежних поколений играют очень значительную роль. Но при этом они признают необходимость построения единства, наличия общей идеи, связывающей целую нацию воедино. Так, шведский писатель Кайсар Махмуд, анализируя понятие «шведскость», считает, что «поймать» его невозможно, но не потому, что его не существует, а потому, что оно «летуче» и «переменчиво». «То, что образует связывающую нить между индивидами в обществе, постоянно меняется даже в процессе их обычных ежедневных разговоров друг с другом» [13], – утверждает он. При этом роль здесь могут играть не только ценностные ориентиры, но и другие факторы, например различия в эмпатической склонности, а знания о «ценностной аксиоматике» культуры способно эффективно содействовать развенчанию негативных стереотипов на глубинном уровне [8, с. 85]. Основываясь на своих наблюдениях, Махмуд предлагает собственные принципы «шведскости для всех в десяти заповедях», направленные на выявление и принятие ценностей шведского общества:

– Подчинение принятым юридическим законам (То, что не регла-

ментируется законом, имеет вариативность по выполнению).

– Существование общей базы ценностей, но постоянно изменяющейся (Неписанные нормы составляют основу ценностей общества. «Наша общая ценность – компас, который указывает нам, как поступать в той или иной ситуации, но многие здесь совершают ошибку, считая этот процесс статичным, но даже самое очевидное меняется время от времени» [13]).

– Готовность принять тот факт, что вы не будете делать то, что делали всегда привычным способом (Некоторые воспринимают чей-либо стиль жизни как “нешведский”, а другие считают его вообще неприемлемым, мы должны быть терпимее к разным подходам).

– Любопытство по отношению к “другому” (В обществе, состоящем из людей разных национальностей и культур, нужно задавать вопросы, если вы видите, что кто-то совершает действие или поступок, который вы не понимаете. В качестве примера Махмуд приводит поклон или жест поднесения руки к сердцу при приветствии кого-либо).

– Человек не должен чувствовать себя оскорблённым (В современном обществе, где существуют небольшое “общее” пространство и большое, в котором человек может вести себя, как сам захочет (так называемая “серая зона”, не регламентируемая законами, лишь условными социальными кодексами), важно не обижаться на вопросы, комментарии, обращённые к вам рассуждения других людей, иначе жить становится невыносимо сложно. Но, как признаёт писатель, повседневность в многонациональном обществе

каждый день даёт человеку множество поводов разозлиться).

– Не нужно воспринимать образ жизни других как угрозу своему собственному (Многие из иммигрантов, в свою очередь, отмечают, что шведская культура имеет такое свойство, как этноцентризм, т. е. шведы придерживаются того мнения, что всё положительное и позитивное может быть исключительно шведским: «Чем меньше сходства со шведской культурой, чем дальше от нее, тем хуже» [3, с. 129]).

– Не боритесь с потребностью входить в группу, быть общностью с кем-либо (При этом легко можно сохранять личную индивидуальность).

– Необходимо принять тот факт, что всегда будет существовать мышление, построенное по принципу “мы” – “они” (Согласно мнению Махмуда, человек по своей природе считает лучшим то, что связано с ним самим, чем с тем, кто отличается от него, и различия вызывают скептицизм).

– Включённость в несколько разных “мы” (Некоторые полагают, что необходим отказ от концепции идентичности в сингулярности, т. к. она больше не является актуальной. Индийский экономист Амартия Сен, например, выступает за идентичность во множественности, при которой самооценка человека состоит из нескольких разных проявлений его личности в разных условиях).

– Термин “шведскость” носит разное значение для разных людей (Сам Махмуд даёт различия по регионам Швеции, считая, что те, кто проводит летний отпуск в определённом регионе, представляют один тип “шведскости”, который отличается от типа в другой части Швеции).

Как можно отметить на основе вышеперечисленных принципов, писатель наделяет идентичность такими свойствами, как переменчивость [14], стремясь представить людей в качестве отдельных лиц, но при этом в составе нескольких групп. По мнению некоторых, это способствует поддержанию открытого общества, но также нередко отмечается, что именно этот принцип был нарушен в ходе проведения интеграционной политики в последние несколько лет.

Шведский журналист Александра Босканин полагает, что люди должны быть непосредственно включены в процесс визуализации ценностей, которые распространены в обществе Швеции: «Для тех, кто приезжает в Швецию из другой страны, период вступления в шведское общество часто занимает много времени. Причиной является не только трудность поиска работы и изучения шведского языка, но и важный навык без труда понимать шведскую культуру, неписанные правила. Считаю, что помимо следования законам мы можем “требовать” от иммигрантов приспособления к нашим реалиям, но, однако, и мы, шведы, не будем содействовать этому процессу, если будем заявлять, что шведских ценностей не существует» [11].

Без сомнения, журналисты следят за ходом общественных дебатов на эту тему и не могли не отметить парадоксальной, по мнению многих, точки зрения, что шведская идентичность на базе ценностей – миф. Так, профессор теории прикладной этики в Университете Линчёпинга Йоран Колсте в ходе дискуссии, посвящённой вопросам шведских ценностей, заявил, что ценности – это понятие универсальное,

и их не существует уникальных для Швеции: «Речь о шведских ценностях – пустая риторика, целью которой является разъединение людей!» [11].

Безусловно, существуют и те, кто с таким мнением согласиться не может. Так, шведский журналист Томас Гюр в своей статье для газеты “Göteborgs-Posten” осенью 2016 г. писал, что, по его мнению, существует комбинация параметров, которая образует уникальнейшую шведскую ценностную среду. «Что делает ценности шведскими и отличает их от ценностей других стран и культур? Два взаимодополняющих элемента. Первый – уникальная комбинация в Швеции и в шведском контексте разных ценностей, возможно даже из других культур, второй – это историческая и культурная среда, в которой эти ценности установлены» [12]. Возможно, эта комбинация функционирует именно потому, что шведы нередко руководствуются правилом Махмуда о знакомстве с иным и предпринимают попытки построения отношений с культурой или религией, базирующейся на другой парадигме, какой, например, является арабо-исламская. Социальная активность мусульман в шведском обществе, безусловно, вызывает у консервативных шведов беспокойство, но при этом существует и интерес к исламской культуре и нормам шариата, нередко основанный на желании лучше понять мотивацию и поведение представителей ислама. Как отмечает А.В. Попов, «Восток смотрит на Запад уже не со стороны, а изнутри самого Запада», и эффекты общности-отличия носят всё более эмоциональный характер, что представляет особую угрозу [5, с. 81].

Все эти процессы формируют в странах Запада, и в частности в Скандинавии, многосложный симбиоз различных идеологий, ценностей и традиций. Поликультурное общество – это результат регулируемого процесса обмена различиями, что материализуется в тезисе “интеграция без ассимиляции”. В основе такой культурной политики находится либеральная идеология, которая исходит из признания плюралистичности общества, которое основано на равенстве прав и свобод, толерантности, диалоге культур. Вообще идея максимально широко понимаемой толерантности является краеугольным камнем либерализма, но данный либеральный проект нередко встречает критику как со стороны традиционных противников – консерваторов, так и со стороны представителей ряда других направлений. Ж. Бодрийяр дал следующее определение данного либерального проекта: «Различию нет разумного применения ... Универсум различия повсюду оказывается в полном тупике, который является тупиком самого понятия универсум. Различие вернулось к нам в неузнаваемом обличье – исламском, расистском, в качестве иррационального, неумолимого отличия» [1, с. 193]. По мнению Бодрийяра, другие культуры не стремились ни к универсальности, ни к различию, их базис составляли свои собственные ритуалы и ценности, и это охраняемое своеобразие не нуждалось ни в каких заимствованиях и интеграции [1, с. 195].

Так, по мнению молодёжного представителя Швеции в ЕС Даны Поркумейлян, слово «интеграция» не предполагает ассимиляции, и для успеха проводимой политики необходимо

отказаться от идеи национального государства и национальности как носителя идентичности, т. к. это является основной причиной существования концепции разделения общества на нас (“мы”) и других (“они”) [15]. «Часть населения, которая постоянно указывает на “ценность всего шведского”, лишь оправдывает этим закрытие своих границ и дегуманизирует тех, кто находится “на другой стороне”, – считает Поркумейлян, – Работа по прекращению связывания нации с носителем идентичности займёт продолжительное время, несколько поколений, но поможет построить Швецию, готовую к циркуляции людей, и предотвратить настоящую катастрофу» [15].

Не все могут полностью согласиться с такой точкой зрения, в частности, позицию либералов по этому вопросу озвучивает Карл-Винсент Реймерс, журналист, полагающий, что путь отказа от идентичности, который предлагает Дана Поркумейлян, приведёт к возникновению вакуума, и подчёркивает, что Швеция является одной из самых “однородных” стран Европы по этническим признакам и культуре и что национальная концепция сформирована с их учётом. «В отличие от США или Франции, где национализм основан скорее на политических ценностях, чем на этнокультурных характеристиках, мы наблюдаем обратное в Швеции, – заявляет Реймерс, – «В то же время исторически чёткая формулировка понятия “шведскость” уже не совместима с сегодняшним шведским населением» [16].

Ошибка заключается в том, что любое указание на “шведскость” автоматически означает “исключение” и “закрытость”. Идея, что национальная

идентичность строится только на этнической принадлежности и фольклоре, является слишком консервативной. Будущее за национальной идентичностью, основанной на правах и свободах конституции, что, в свою очередь, является хорошей базой для политического сообщества.

Если удастся развить понятие “шведскость”, учитывая фактор изменения национальности, в сторону открытости и многообразия, это будет являться настоящим поводом для гордости шведского общества – страна, которая имеет не только моральную способность приветствовать новых мигрантов, но и политическую возможность предоставить им новую идентичность.

Нужно отметить, что дебаты о “шведскости” активно ведутся и в политических кругах, в частности в парламенте, достигнув пика после прихода в риксдаг партии «Шведские демократы» в 2010 г. и в 2012 г. при обсуждении законопроектов, касающихся миграционной политики. В настоящее время вопрос шведской идентичности актуален среди политиков вновь, что доказывает съезд представителей политических партий в Альмедалене в 2016 г., в ходе которого премьер-министр Стефан Лёвен произнёс свою речь, упомянув слово “Швеция” 28 раз [15].

Проведённый анализ показал, что в настоящее время в обществе Швеции существует несколько трактовок понятия “шведскость”: для одних она не имеет связи с этносом, другие уточняют, что при этом её можно “приобрести”, приняв так называемый шведский социальный код, третьи полагают, что для ассимиляции потока беженцев и предотвращения гуманитарных катастроф необходимо вообще перестать обращаться к подобным терминам. Этот процесс происходит во многом по причине “размывания” “старой” шведской идентичности и её конфликта с “новой”, процесс формирования и становления которой усиливает процесс культурной диффузии, интенсификации взаимообмена и заимствования. Безусловно, в современном обществе происходят глобальные изменения, традиции и инновации неразрывно существуют друг с другом, что в ряде случаев приводит к столкновениям культур и религий. В этих условиях сложно говорить о возможности однозначного решения такого дискуссионного вопроса, как формирование новой “шведскости”. Вместе с тем основные пути её трансформации уже могут быть сегодня, но необходимо способствовать мирному поиску путей решения и стабилизации социального климата в обществе.

ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. М.: Добросвет, 2000. 258 с.
2. Глаголев В.С. Эпистемологические парадоксы исторической науки // Философия и методология истории: сборник научных статей VI Всероссийской научной конференции, Коломна, 27–28 ноября 2015 г. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2015. С. 36–42.
3. Дианина С.Ю. Мусульмане в СМК Швеции: проблемы и метаморфозы восприятия // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 9. С. 127–135.

4. Бирюков Н.И., Зарубина Н.Н., Зонова Т.В. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации: учеб. пособие / под ред. В.С. Глаголева; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 199 с.
5. Попов А.В. Мультикультурализм и национальная идентичность в контексте современности // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. Т. 199. С. 73–84.
6. Рябиченко А. Национальная идентичность как предмет политических дискуссий в современной Швеции // Власть. 2013. № 7. С. 86–89.
7. Силантьева М.В. Мультикультурализм и национальная идентичность: сценарии взаимодействия в процессе межкультурной коммуникации // Диалог культур в условиях глобализации. XI Международные Лихачевские научные чтения. 2011. С. 391–392.
8. Халиль А.М. Аксиологическая компетентность как основа успешной межкультурной коммуникации // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 3. С. 82–90.
9. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. 635 с.
10. Шестопал А.В., Силантьева М.В. Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов // Межкультурная коммуникация: современная теория и практика: материалы VII Конвента РАМИ, сентябрь 2012 г. М.: Аспект-Пресс, 2013. С. 10–16.
11. Boscanin A. Svenskhhet är mer än blodsband [Электронный ресурс] // GP: [сайт]. URL: <http://www.gp.se/ledare/svenskhhet-%C3%A4r-mer-%C3%A4n-blodsband-1.4040815> (дата обращения: 17.01.2018).
12. Gür T. Visst finns det svenska värderingar [Электронный ресурс] // GP: [site]. URL: <http://www.gp.se/ledare/visst-finns-det-svenska-v%C3%A4rderingar-1.3851142> (дата обращения: 30.01.2018).
13. Mahmood Q. En svenskhet för alla i tio budord [Электронный ресурс] // Svenska Dagbladet: [site]. URL: <https://www.svd.se/en-svenskhhet-for-alla-i-tio-budord> (дата обращения: 17.01.2018).
14. Mahmood Q. Jakten pe svenskheten [Электронный ресурс] // Svenska Dagbladet: [сайт]. URL: <https://www.svd.se/jakten-pa-svenskheten-slutar-i-mangfalden> (дата обращения: 17.01.2018).
15. Pourkomeylian D. Nu peger slaget om svenskheten [Электронный ресурс] // Svenska Dagbladet: [сайт]. URL: <https://www.svd.se/nu-pagar-slaget-om-svenskheten> (дата обращения: 29.01.2018).
16. Reimers C.V. Svenskhhet dr vad vi fyller den med [Электронный ресурс] // Svenska Dagbladet: [сайт]. URL: <https://www.svd.se/svenskhett-ar-vad-vi-fyller-den-med> (дата обращения: 29.01.2018).
17. Sverigedemokraterna. Kulturpolitik [Электронный ресурс]. URL: <https://sd.se/var-politik/kulturpolitik> (дата обращения: 12.01.2018).

REFERENCES

1. Baudrillard J. *Prozrachnost' zla* [The Transparency of Evil]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 258 p.
2. Glagolev V.S. [The Epistemological Paradoxes of Historical Science]. In: *Filosofiya i metodologiya istorii: sbornik nauchnykh statei VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Kolomna, 27–28 noyabrya 2015 g.* [Philosophy and Methodology of History: The Proceedings of the 6th All-Russian Scientific Conference, Kolomna, November 27–28, 2015]. Kolomna, State Social and Humanitarian University Publ., 2015, pp. 36–42.

3. Dianina S.Yu. [Muslims in the QMS Sweden: Problems and Change in Perception]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies], 2014, vol. 9, pp. 127–135.
4. Biryukov N.I., Zarubina N.N., Zonova T.V. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v usloviyakh globalizatsii* [Intercultural Communication in the Context of Globalization]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 199 p.
5. Popov A.V. [Multiculturalism and National Identity in the Context of Modernity]. In: *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [The Works of St. Petersburg State University of Culture and Arts], 2013, vol. 199, pp. 73–84.
6. Ryabichenko A. [National Identity as a Subject of Political Discussion in Modern Sweden]. In: *Vlast'*, 2013, no. 7, pp. 86–89.
7. Silant'eva M.V. [Multiculturalism and National Identity: Scenarios of Interaction in the Process of Intercultural Communication]. In: *Dialog kul'tur v usloviyakh globalizatsii. XI Mezhdunarodnyye Likhachevskiyе nauchnyye chteniya* [Dialogue of Cultures in the Conditions of Globalization. The 11th International Likhachev Scientific Readings]. 2011. pp. 391–392.
8. Khalil A.M. [Axiological Competence as the Basis for Successful Intercultural Communication]. In: *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: Philosophy, Religion, Culture], 2017, no. 3, pp. 82–90.
9. Huntington S. *Kto my?: Vyzovy amerikanskoi natsional'noi identichnosti* [Who are We?: The Challenges to America's National Identity]. Moscow, AST Publ., Tranzitkniga Publ., 2004. 635 p.
10. Shestopal A.V., Silant'eva M.V. [Intercultural Communication in the Light of Contemporary Modernization Processes]. In: *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: sovremennaya teoriya i praktika: materialy VII Konventa RAMI, Sentyabr' 2012 g.* [Intercultural Communication: Contemporary Theory and Practice. The Proceedings of the 8th RISA Convention, September 2012]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2013, pp. 10–16.
11. Boscanin A. Svenskhet är mer än blodsband. In: *GP*. Available at: <http://www.gp.se/ledare/svenskhet-%C3%A4r-mer-%C3%A4n-blodsband-1.4040815> (accessed: 17.01.2018).
12. Gür T. Visst finns det svenska värderingar. In: *GP*. Available at: <http://www.gp.se/ledare/visst-finns-det-svenska-v%C3%A4rderingar-1.3851142> (accessed: 30.01.2018).
13. Mahmood Q. En svenskhet för alla i tio budord. In: *Svenska Dagbladet*. Available at: <https://www.svd.se/en-svenskhet-for-alla-i-tio-budord> (accessed: 17.01.2018).
14. Mahmood Q. Jakten på svenskheten. In: *Svenska Dagbladet*. Available at: <https://www.svd.se/jakten-pa-svenskheten-sutar-i-mangfalden> (accessed: 17.01.2018).
15. Pourkomeylian D. Nu pågår slaget om svenskheten. In: *Svenska Dagbladet*. Available at: <https://www.svd.se/nu-pagar-slaget-om-svenskheten> (accessed: 29.01.2018).
16. Reimers C.V. Svenskhet är vad vi fyller den med. In: *Svenska Dagbladet*. Available at: <https://www.svd.se/svenskhet-ar-vad-vi-fyller-den-med> (accessed: 29.01.2018).
17. Sverigedemokraterna. Kulturpolitik. Available at: <https://sd.se/var-politik/kulturpolitik> (accessed: 12.01.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дианина Светлана Юрьевна – кандидат философских наук, преподаватель кафедры языков стран Северной Европы и Балтии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России;
e-mail: dianina.svetlana@gmail.com

Катушева Елена Константиновна – старший преподаватель кафедры языков стран Северной Европы и Балтии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России;
e-mail: katusheva@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana Yu. Dianina – PhD in Philosophy, lecturer at the Department of North European and Baltic Languages, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: dianina.svetlana@gmail.com

Elena K. Katusheva – senior lecturer at the Department of North European and Baltic Languages, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: katusheva@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дианина С.Ю., Катушева Е.К. Актуализация понятия “шведскость” в вопросе национальной идентичности современного общества Швеции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 59–68.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-59-68

FOR CITATION

Dianina S.Yu., Katusheva E.K. The Actualization of “Swedishness” in Modern Swedish Society’s National Identification. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 2, pp. 59–68.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-59-68

УДК 316:101.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-69-76

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЁННОСТЬ В ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМАХ

Ерастов В.В., Киселев В.И.

*Новокузнецкий филиал институт Кемеровского государственного университета
644041, Кемеровская обл., г. Новокузнецк, ул. Циолковского, д. 23,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье с позиции системного подхода в контексте межпредметных связей, не выходя при этом за рамки умеренного позитивизма, показано, что социальная напряжённость в общественных системах является характеристикой усилий субъектов совместной деятельности с противоположными интересами. Опираясь на фундаментальные положения как естественных, так и обществоведческих наук, раскрывают двойственную природу социальной напряжённости. Научно обоснованный метод измерения социальной напряжённости даёт реальную возможность её коррекции. Авторы приходят к выводу, что проблема социальной напряжённости в общественных системах, актуальность которой трудно переоценить, занимает особое место в социальных науках, т. к. напрямую связана с возможностью управления обществом.

Ключевые слова: социальная напряжённость, совместная деятельность, условия совместной деятельности, потребность, интерес.

SOCIAL TENSION IN PUBLIC SYSTEMS

V. Yerastov, V. Kiselyov

*Novokuznetsk Institute, the Branch of Kemerovo State University
23, Tsiolkovsky st., Novokuznetsk, 654041, Russian Federation*

Abstract. From the viewpoint of the systemic approach in the context of interdisciplinary relations, without going beyond the framework of moderate positivism, it is shown that social tension in public systems is a characteristic of the joint activity of subjects with opposite interests. Based on the fundamental provisions of both natural and social science, the dual nature of social tension is revealed. A scientifically grounded method of measuring social tension gives a real possibility of its correction. The authors come to the conclusion that the problem of social tension in public systems, which is highly relevant, occupies a special place in social sciences, since it is directly related to the possibility of governing the society.

Key words: social tension, joint activities, conditions for joint activity, need, interest.

Различия целей и требований к языковой модели понятия “социальная напряжённость”, отражающей совместную деятельность с позиции какой-либо конкретной сферы общественной жизни, приводят к различным толкованиям, что отражено в многочисленных научных публикациях [7]. Естественно, возник-

кает задача сформировать единый, системный подход к определению социальной напряжённости с целью универсализации понятия. Иными словами, для познания специфики конкретного необходимо знание общего, т. к. оно даёт нам отправную точку для глубокого познания конкретного [5]. Такая возможность вполне осуществима с позиции социальной философии, выполняющей интегрирующую функцию: с одной стороны, объединяя подходы различных дисциплин, с другой, формируя общий концептуальный базис, позволяющий переносить смысловую нагрузку понятия (языковой модели) из одной научной дисциплины в другую, не теряя сущностной основы [6].

Как известно, каждая философская категория существует только в системной взаимосвязи с другими категориями. Однако и система категорий имеет свою основу. Стало быть, разрабатывать понятие “социальная напряжённость” как категорию следует в определённой последовательности и в единстве с такими категориями, как совместная деятельность, потребность, интерес.

Начнём с того, что любое существо, живущее на земле, будь то растение или животное, полноценно живёт или существует только при соблюдении им определённых условий. Эти условия создают некое согласие (консенсус), которое ощущается живым существом, т. е. состояние, при котором его фундаментальные потребности (питание, продолжение рода, признание) максимально удовлетворены. Условия совместной деятельности, при которых удовлетворяются потребности, и формируют у того или иного отдельно-

го субъекта совместной деятельности определённый интерес, назовём его “коренным”. Если коренной интерес субъекта, например наёмного работника, реализуется при данных условиях совместной деятельности, его деятельность согласуется при взаимодействии с другим субъектом, социально неравным ему, а именно с деятельностью организатора (руководителя, предпринимателя), коренной интерес которого, диаметрально противоположен. Со всей очевидностью коренной интерес наёмного работника – получить как можно больше заработной платы при минимальной затрате энергии, т. е. напряжённости труда. Интерес предпринимателя – напряжённость труда наёмного работника при минимальной оплате его труда. Здесь, в противоречии интересов, следует сделать акцент на том, что процесс взаимодействия (соединения усилий) различных субъектов совместной деятельности не “терпит” крайности. В деятельности человека крайний альтруизм неестественен, крайний эгоизм – бессмыслен [4], поэтому общественная жизнь удивительным образом объединяет, казалось бы, “несоединимое”, более того, сложные системы живой природы могут самоорганизовываться [8].

Есть все основания утверждать, что любое объединение людей с целью максимального и в то же время рационального удовлетворения фундаментальных потребностей определённым образом организовано, структурировано. Однако даже самая примитивная организация немыслима без разнополюсных субъектов: организатора и исполнителя (работодателя и наёмного работника). Какого бы уровня развития (формации) общество

не достигло, в нём всегда будет дифференцирована совместная деятельность: с одной стороны, организаторская, с другой – исполнительная. Нет и не может быть в принципе совместной деятельности без наличия основных её субъектов – организатора и исполнителя. Совместная деятельность без организатора – такая же бессмыслица, как и совместная деятельность без непосредственных исполнителей. Социальное неравенство, таким образом, генетически заложено в процесс совместной деятельности [1]. Являясь атрибутом совместной деятельности, неравенство является и источником движущей силы развития как самой совместной деятельности в целом, так и её субъектов в частности (социальное неравенство в материальном и правовом отношениях мы вынуждены, в силу ограниченности размера статьи, оставить за её рамками).

Как известно, вся наша деятельность, независимо от господства той или иной общественной формации и нашей статусной принадлежности, направлена на улучшение нашего материально-духовного, или, другими словами, нравственно-волевого состояния. Вследствие согласованности интересов путём сложной комбинаторики соединения, уподобления, обмена усилиями (энергией) удовлетворяются наши фундаментальные потребности, обеспечивая нормальную, т. е. удовлетворительную жизнедеятельность. Однако эта же причина (удовлетворение фундаментальных потребностей) лежит в основе и конфликта (рассогласованности интересов) – несогласия одной из сторон совместной деятельности с её условиями, а конкретно с количественным и качественным пара-

метром удовлетворения потребностей. Такое состояние неудовлетворённости условиями совместной деятельности фиксируется исследователями как социальная напряжённость. Причём иногда отмечается и её позитивное значение, но в решении исключительно конфликтных сложных социальных проблем, не придавая социальной напряжённости атрибутивного значения, как необходимого элемента системы совместной деятельности [10]. При таком одностороннем и негативном подходе к определению социальной напряжённости, где не учитывается её позитивная сторона, отражающая развитие как совместной деятельности, так и самих субъектов деятельности, естественным образом даётся неполная “ущербная” интерпретация понятия “социальная напряжённость”, роль которой в современном обществе как на микро-, так и макроуровне огромна. В этой связи встаёт настоятельная необходимость овладения философией управления совместной деятельностью людей, т. е. принятие выверенных рациональных решений [2].

В последние годы в научной литературе возросло количество публикаций, рассматривающих различные аспекты проблем общественной жизни как со стороны оптимизации совместной деятельности между субъектами общества, так и со стороны непосредственной активизации их деятельности. В своей совокупности исследования должны дать такое теоретическое описание совместной деятельности, которое обеспечило бы на практике её устойчивость (стабильность). Однако до настоящего времени принципиально не определены и не сформулированы основополагающие подходы

к управляемости совместной деятельностью в прогнозировании наличия и изменения социального напряжения, что приводит впоследствии к появлению острых проблем в политической, экономической и социальной сферах. В связи с этим закономерно встаёт вопрос об объяснении самой природы социальной напряжённости, которая имеет широкую предметную область изучения и практически во всех исследованиях трактуется как серьёзная проблема совместной деятельности.

В совместной деятельности мы намеряем определённые цели, но пути их достижения определяет, если можно так выразиться, человеческая «природа». Реализовать поставленную цель, таким образом, можно, только соподчиняя и используя естественные свойства, в нашем случае, разностатусных субъектов совместной деятельности – организатора и исполнителя. Разность отношений к условиям совместной деятельности и формирует ту или иную (негативную или позитивную) их активность [3], или, другими словами, положительную или отрицательную социальную напряжённость.

Говоря о сущности *социальной напряжённости*, её роли и значении в общественной жизни, необходимо обратить внимание на не прояснённую до конца ситуацию, создавшуюся в кругу исследователей, работающих над поиском интерпретации, наиболее точно отражающей, по мнению большинства, «феномен» социальной напряжённости. Подбирая наиболее точные определения, отражающие неудовлетворённость условиями совместной деятельности, и характеризуя одну – негативно-конфликтную – сторону, а вернее, признак совместной

деятельности многие исследователи за рамками характеристики оставляют сам характеризуемый объект, а именно *социальное напряжение*. Т. е. упускается при определении главное свойство совместной деятельности – **усилие** разнополюсных субъектов (организатора и исполнителя) в процессе их взаимодействия как реальный источник, движущая сила. Причём, и это следует особо подчеркнуть, усилия – напряжённость субъектов – носят *атрибутивный* характер. Обладая всеобщностью, понятие «социальная напряжённость» приобретает смысл философской категории, которой можно дать определение фундаментального понятия в социальной философии, также как и понятию «энергия» в физике. Следует только «разводить» понятия: «социальное напряжение» – атрибут системы совместной деятельности, и «социальная напряжённость» – характеристика атрибута.

В большинстве случаев в отечественной справочной, научной и учебной литературе по психологии напряжённость рассматривается (а то и отождествляется) как стресс, например в «Психологическом словаре» под редакцией Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко: «Стресс – состояние психического напряжения, возникающее у человека в процессе *деятельности* в наиболее сложных, трудных условиях, как в повседневной жизни, так и при особых обстоятельствах...» [11]. У других авторов несколько иные интерпретации, но практически все они, говоря о стрессе и напряжённости, ссылаются на Р. Селье, который пишет следующее: «...напряжение (стресс) носит не только отрицательное значение, но и положительное, включающее

в себя приятные переживания, радости, достижения самовыражения» [9, с. 127].

Физиологическое напряжение (стресс) связано с приятными и неприятными переживаниями. Уровень физиологического стресса наиболее низок в минуту равнодушия, как утверждает Р. Селье, но никогда не равен нулю [9, с. 34]. «Даже в состоянии полного расслабления спящий человек испытывает некоторый стресс. Сердце продолжает перекачивать кровь, кишечник переваривать вчерашний ужин, а дыхательные мышцы обеспечивают движение грудной клетки. Даже мозг не полностью отдыхает в периоды сна-видений. ... Полная свобода от стресса означает смерть» [9, с. 34]. Значит, стационарное равновесие (полный покой) есть смерть. В реальной системе (динамической неравновесной) всегда есть напряжение, т. е. стремление вернуться в исходное равновесное состояние (покой). Поэтому социальное напряжение не является состоянием в строгом смысле этого слова.

Форма смыслового объёма рассматриваемого понятия несколько шире, напряжение есть положение неустойчивости вследствие вывода из равновесного состояния или разность внутренней и внешней среды. В частности, для живой системы *напряжение* – это *общий признак жизни*, противоположное – покой – признак смерти, т. е. абсолютное равновесное состояние внутренней и внешней среды [12]. Однако покой как собственный момент движения и в то же время относительно обособленный выступает как диалектическая противоположность

изменчивости. Отсюда *социальное напряжение* есть разница отношений индивидов (и социальных групп) к условиям совместной деятельности. В таком случае социальная напряжённость является характеристикой социального напряжения, процесса совместной деятельности.

Как цифровое выражение показателя температуры, давления и т. п. характеризует состояние нормы или патологии организма человека, так и показатель социальной напряжённости будет характеризовать положительное состояние согласия удовлетворённости или отрицательное несогласия конфликта процесса совместной деятельности. Отсюда сущностью социальной напряжённости является характеристика взаимодействия разнополюсных субъектов (организатора и исполнителя) совместной деятельности, которую следует трактовать как *нравственно-волевою характеристику совместной деятельности индивидов в определённом поле совместной деятельности*. Социальное же напряжение, таким образом, есть *разность отношений субъектов к условиям их совместной деятельности*, играющая роль источника развития и имеющая атрибутивное (природное) значение в общественных системах. Одностороннее негативное восприятие понятия «социальная напряжённость», как возрастающая неудовлетворенность у субъектов совместной деятельности, стало быть, «удобно» с позиции здравого смысла, однако не совсем корректно с позиции её теоретического осмысления и последующего толкования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенок А.А., Каира Ю.В., Бараночников В.А. Социальное неравенство и социальная напряженность: науч. монография. Орёл: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2016. 244 с.
2. Диев В.С. Рациональные решения: критерии, модели, парадоксы // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 4–11.
3. Каира Ю.В. Социальная напряжённость и протестная активность населения региона // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 2. С. 20–28.
4. Киселев В.И. Взаимодействие как основа соединения усилий организатора и исполнителя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 2. С. 40–47.
5. Кравченко С.А. Новации в социологическом знании: по итогам XIII конференции ЕСА // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 18–24.
6. Курочко М.М. Сущность философии и её роль в истории и современном мире // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 14–22.
7. Меркулов П.А. Проказина Н.В. Методологические подходы к анализу протестной деятельности молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 1. С. 15–23.
8. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс. 1986. 432 с.
9. Селье Р. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1982. 127 с.
10. Соловченков С.А. Совместная протестная активность как один из показателей социальной безопасности региона // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2013. Т. 11. Вып. 3. С. 95–102.
11. Стресс // Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Психологический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. М.: АСТ; АСТ-Москва: Прайм-Еврознак, 2008. С. 324.
12. Canter L.W. Environmental Impact Assessment. 2nd ed. New York: McGraw-Hill, 1996. 480 p.

REFERENCES

1. Alekseenok A.A., Kaira Yu.V., Baranochnikov V.A. *Sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya napryazhennost'* [Social Inequality and Social Tension]. Orel, The Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation Publ., 2016. 244 p.
2. Diev V.S. [Rational Decisions: Criteria, Models, Paradoxes]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2013, no. 8, pp. 4–11.
3. Kaira Yu.V. [Social Unrest and Protest of the Region's Population]. In: *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Herald of Social Sciences], 2017, vol. 12, no. 2, pp. 20–28.
4. Kiselev V.I. [Interaction as the Basis of Joint Efforts of Organizer and Performer]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2014, no. 2, pp. 40–47.
5. Kravchenko S.A. [Innovations in Sociological Knowledge: the Outcomes of the 13th Conference of the ECA]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2018, no. 2, pp. 18–24.
6. Kurochko M.M. [The Essence of Philosophy and Its Role in History and Modern World]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 2, pp. 14–22.

7. Merkulov P.A., Prokazina N.V. [Methodological Approaches to the Analysis of Youth's Protest]. In: *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Herald of Social Sciences], 2017, vol. 12, no. 1, pp. 15–23.
 8. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa. Novyi dialog cheloveka s prirodo* [Order out of Chaos. Man]. Moscow, Progress Publ., 1986. 432 p.
 9. Selye R. *Stress bez distressa* [Stress without Distress]. Moscow, Progress Publ., 1982. 127 p.
 10. Solovchenkov S.A. [Joint Protest Activity as One of the Indicators of Social Security in the Region]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy], 2013, vol. 11, no. 3, pp. 95–102.
 11. [Stress]. In: Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. *Psikhologicheskii slovar'* [Psychological dictionary]. Moscow, AST, AST-Moskva Publ.; Prain-Evroznak Publ., 2008, pp. 324.
 12. Canter L.W. *Environmental Impact Assessment*. New York, McGraw-Hill, 1996. 480 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ерастов Виктор Васильевич – доктор технических наук, профессор, исполняющий обязанности заведующего кафедрой технологии, профессионального обучения и общетехнических дисциплин Новокузнецкого института филиала Кемеровского государственного университета;
e-mail: nkzerastov@mail.ru

Киселев Виктор Ильич – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики и сервиса Новокузнецкого института филиала Кемеровского государственного университета;
e-mail: ilichsteel@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Victor V. Yerastov – Doctor of Engineering, professor, acting head of the Department of Technology, Professional Training and General Technical Disciplines, Novokuznetsk Institute, a Branch of Kemerovo State University;
e-mail: nkzerastov@mail.ru

Victor I. Kiselev – PhD in Sociology, associate professor at the Department of Economics and Service, Novokuznetsk Institute, a Branch of Kemerovo State University;
e-mail: ilichsteel@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ерастов В.В., Киселев В.И. Социальная напряжённость в общественных системах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 69–76.
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-69-76

FOR CITATION

Yerastov V.V., Kiselyov V.I. Social Tension in Public Systems. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 2, pp. 69–76.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-69-76

УДК 316.65

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-77-84

ПАТРИОТИЗМ, НАЦИОНАЛИЗМ – ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ильченко Д.А.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос влияния патриотизма и национализма на общественное сознание в России. Существование и функционирование общественного сознания обусловлено многими факторами: это и общественное бытие, интересы и потребности людей, уровень их политической культуры, сознания, уровень патриотизма, национальное самоопределение. Автором был проведён анализ исследования «Состояние военно-патриотического воспитания». По итогам анализа сделан вывод, что патриотизм и национализм оказывают влияние на развитие общественного сознания в современной России, являясь неотъемлемыми и чётко сформированными понятиями в современной молодёжи.

Ключевые слова: патриотизм, национализм, общественное сознание, воспитание, образование, молодёжь, государственная политика.

PATRIOTISM, NATIONALISM – IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF THE FORMATION OF PUBLIC CONSCIOUSNESS IN CONTEMPORARY RUSSIA

D. Ilchenko*Moscow Region State University**10A, Radio st., 105005, Moscow, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the influence of patriotism and nationalism on public consciousness in Russia. The existence and functioning of public consciousness is conditioned by many factors: social existence, interests and needs of people, level of their political culture, consciousness, level of patriotism, national self-determination. The author analyzed the study “The State of Military-Patriotic Education”. It was concluded that patriotism and nationalism influence the development of social consciousness in contemporary Russia being an integral and well-established concepts of today’s youth.

Key words: patriotism, nationalism, public consciousness, education, youth, state policy.

Проблемы сущности, формирование, определение роли и места “общественного сознания” в политико-культурной жизни общества основательно начали изучаться только в XIX в. Однако определённые наработки научного исследования такого понятия имеют многовековую историю. Так, первые попытки осмысления общественной мысли, общественного сознания как одной из составляю-

щих демократической жизни появляются ещё во времена античности в трудах Протагора и Аристотеля.

В начале Нового времени важное место в эволюции взглядов на роль общественного мнения принадлежит Н. Макиавелли, Ш. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо, Ж. Кондорсе. Идеи об условиях формирования и функционирования общественного мнения высказывались П. Гольбахом и К. Гельвецием. Значительная роль в разработке целостной теоретической концепции общественного мнения принадлежит немецкому философу Г. Гегелю [4, с. 73].

Только на рубеже XIX–XX вв. появляются фундаментальные исследования, направленные на рассмотрение феномена общественного мнения и проблематики, связанной с этим понятием. Так, стоит отметить труд французского социолога Г. Тарда «Общественное мнение и толпа», немецкого юриста Ф. Гольцендорфа «Роль общественного мнения в государственной жизни» и более поздние работы: американских исследователей В. Липмана «Общественное мнение», П. Лазерфельда, немецких учёных – Э. Ноэль-Нойман – и, частично, работы Ю. Хабермаса. В советской историографии работы, в которых поставлена цель раскрытия содержания понятия “общественное мнение”, принадлежат Б. Грушину [7, с. 5].

Итак, с одной стороны, общественное сознание – это совокупность суждений и оценок, которые представляют синтезированную позицию социума. С другой, существуют противоположные взгляды – в частности, известный французский социолог Пьер Бурдьё считает, что большое количество точек

зрения невозможно привести к общему знаменателю и называть “общественным мнением” или “общественным сознанием”. Поэтому, отмечает он, общественного мнения (сознания) как консолидированной позиции общества в целом быть не может [3, с. 177].

Среди исследователей концепции общественной мысли конца XIX – начала XX вв. весомый вклад внёс французский социолог Г. Тард. В своей работе «Общественное мнение и толпа» (1901 г.) Тард предлагает основы настоящего социологического анализа общественного мнения, порывая с нормативным подходом к этому феномену. Социальную основу подъёма общественного мнения он видит в появлении и развитии “общественности”, что само по себе является результатом нового способа объединения людей, характеризующего современное общество. Г. Тард описывает в негативном ракурсе традиционные массовые движения, которые принадлежат прошлому, они отмирают, и на смену им приходит новая общественная группа – общественность. В отличие от толпы, общественность существует только благодаря прессе и для неё. Общественность действует при посредничестве прессы, «...она демонстрирует себя с её помощью, навязывает себя политическим деятелям, которые становятся её исполнителями. Именно это называется силой общественно-го мнения» [8, с. 30]. Общественное бытие (в философском смысле) представляет собой факты, закономерности, существующие объективно, вне человеческого сознания (всё, что есть в пределах человеческого сознания, считать субъективным). А общественное сознание – это совокупность идей,

теорий, взглядов, порождённых условиями бытия, т. е. это бытие экстраполировано сквозь призму человеческого сознания [1; 2; 6; 9].

Современное существование и функционирование общественного мнения обусловлено многими факторами: это и общественное бытие, интересы и потребности людей, уровень их политической культуры, сознания, уровень патриотизма, национальное самоопределение и т. п. Кроме того, общественное сознание – явление достаточно условное, поскольку объективно оно не является суммой точек зрения определённого количества людей. Всё это приводит исследователей к разносторонним подходам в определении его сущности.

В современный период развития общественного сознания главными ключевыми факторами являются патриотизм и национализм. Слово “патриотизм” происходит от греческого *πατρίς* (родина) и означает моральный принцип, суть которого проявляется в любви к Родине, готовности поступиться своими частными интересами в пользу её интересов. Это также подразумевает преданность своей родине, своей нации, гордость своей культурой и языком, сознательную идентификацию себя с ними. Это также и политический принцип, ведь патриотизм на протяжении тысячелетий играл объединяющую роль в борьбе русского народа (Родины) с врагами. Таким образом, патриотизм приобретает практический принцип “деятельности” – определённый образ действий, через который и проявляется любовь к Родине.

Вопрос о соотношении патриотизма и национализма освещён в научном

дискурсе в плоскости идентификации патриотизма и национализма как полярных, даже антагонистических понятий и одновременно определения их как тождественных эмоционально-мировоззренческих ценностей. Решение проблемы соотношения патриотизма и национализма опирается на классические труды Г. Кона, К. Дойча, Е. Кедури, Е. Смита, Д. Брейли, Е. Геллнера, Е. Гобсбаума, Б. Андерсон, Л. Гринфельд и др. Эти авторы впервые на большом историческом материале всесторонне рассмотрели условия и факторы возникновения национализма в Европе, дали свои определения национализма, предложили варианты его классификации. Определённый научный интерес вызывают исследования современных российских социологов и политологов, в которых раскрыты проблемы национализма и его влияния на формирование концепции патриотического воспитания в Российской Федерации. Можно выделить исследования таких авторов, как В. Тишков, В. Коротеева, Л. Дибичева, М. Мнацакян, И. Мусав, В. Шнирельман, которые комплексно рассматривают национализм как социально-политическое движение, идеологию, общественно-политическую практику. В целом представители современного периода в русской науке исследуют патриотизм в условиях строительства новых политических государственных образований и международного кризиса толерантности и терпимости. Политкорректность в европейском сознании нивелирует и уничтожает понятия национализма, с одной стороны, например, в отношении коренного населения Германии, но, с другой стороны, чутко охраняет

национальное самоопределение иммигрантов-переселенцев, запрещая оскорбительные высказывания по национальному признаку.

В то же время генезис и развитие отечественного патриотизма в Российской Федерации является сверхсложным и противоречивым процессом, который, с одной стороны, объективно несёт в себе константы его советской модели, с другой – испытывает сильное влияние духовных ценностей в условиях глобализации, а с третьей – необходимость учитывать многонациональный состав государства и интересы всех народов Российской Федерации. Поэтому существует актуальная проблема определения оптимального соотношения духовных констант национального, националистического и интернационального в построении сбалансированной перспективной модели патриотизма в общественном сознании современной России [10].

Патриотизм, или любовь к своей земле и народу на самом деле поддерживает и практическую цель – ощущение отнесения себя к чему-то большему – нации, даёт возможность отождествлять себя и друг друга как “собратьев”. Эта черта общественного сознания делает народ более сильным и менее уязвимым к угрозам общественной стабильности: как внутренним, так и внешним.

К внешним атрибутам и символам национальной принадлежности, благодаря которым для нации становится возможным отстаивание своей идентичности, относятся флаг и гимн государства. Как объясняет французский социолог и историк Д. Шнаппер, цель таких ритуалов, как гимн, национальный праздник или флаг, состоит в

сохранении чувства сообщества, принадлежности к одной группе и веры в непохожесть, особенность и величие национальных ценностей [11, с. 144, 145]. Это представляет собой непосредственное воплощение природной привязанности людей к родной земле и этнической или семейной общине, внутри которой они выросли. Всё, что касается семьи, приобретает для человека признаки ценности. Условием для появления патриотических чувств является распространение этого спонтанного чувства на всё абстрактное по своей природе историческое сообщество и политическую организацию [5, с. 16]. Важность подобных практик Д. Шнаппер связывает с тем, что «от Аристотеля до Джона Стюарта Милля однородность, или гомогенность, населения считалась одним из главных условий стабильности политических единиц» [11, с. 146]. Размышляя над вопросом национального единства, достаточно вспомнить фразу, высказанную итальянским государственным деятелем д’Адзельо Массимо: «Мы создали Италию, теперь нужно создать итальянцев» [8, с. 307].

Влияние патриотизма и национализма на развитие формирования общественного сознания в современной России неразрывно связано с процессом воспитания и обучения подрастающего поколения. Минобрнауки России вынесло на общественное обсуждение программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». В настоящее время проект размещён в свободном доступе на сайте *regulation.gov.ru*.

Целью программы является обеспечение необходимых условий для повышения гражданской ответствен-

ности за судьбу страны, готовности граждан к защите Родины, повышение уровня консолидации общества для решения задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации, вовлечение граждан в процесс защиты, сбережения и укрепления могущества Российской Федерации, обеспечение преемственности поколений россиян, укрепление чувства сопричастности граждан к истории и культуре России.

Определение патриотизма в Программе сформулировано как любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность к его защите. Программа состоит из пяти предметных разделов, отражающих важность приоритетов совершенствования системы патриотического воспитания:

- научно-исследовательское и научно-методическое сопровождение системы патриотического воспитания;
- совершенствование форм и методов реализации направлений патриотического воспитания;
- совершенствование военно-патриотического воспитания детей и молодёжи, практики шефства воинских частей над образовательными организациями;
- совершенствование форм и методов работы по развитию волонтерского движения как одной из основ гражданско-патриотического воспитания;
- совершенствование информационного обеспечения патриотического воспитания;
- создание благоприятных условий для средств массовой информации по освещению вопросов сферы патриотизма.

В плане практического исследования влияния патриотизма и национализма на формирование общественного сознания молодого поколения нами был проведён анализ социологического исследования «Состояние военно-патриотического воспитания», которое осуществил в декабре 2017 г. многофункциональный молодежный центр «Шанс» (г. Тольятти) среди подростков 15–17 лет. Для выяснения представления о патриотизме как социально-психологическом явлении в анкету был включён вопрос «Что для Вас значит понятие “патриотизм”?». Распределение ответов на этот вопрос показывает, что для большей части респондентов слово “патриотизм” означает верность гражданскому и воинскому долгу (54,81%) и любовь к Родине (53,44%). Около трети опрошенных в содержание понятия “патриотизм” вкладывают уважение к патриотическим и боевым традициям народа (30,16%), чувство долга перед своими родными и близкими (29,06%), способность отдать жизнь за Родину (27,22%). Каждый седьмой респондент понимает “патриотизм” как любовь к родному языку, заботу нации (государстве) о каждом гражданине, ощущение причастности к прошлому и настоящему страны. При ответе на вопрос анкеты «Что для Вас является предметом гордости за свою страну, свой народ?» молодые люди прежде называли место, где родились и выросли (47,53%) и прошлое страны, её историю (39,10%). В несколько меньшей степени вызывают гордость национальные песни, праздники, обычаи (27,56%), родной язык (22,71%). Почти каждый второй респондент гордится флагом, гербом, гимном государства (55,48%), Воору-

жёнными Силами РФ (53,83%), национальными героями (33,28%), литературой и искусством (32,27%) и верой, религией своего народа (52%).

Таким образом, основу патриотизма общественного мнения на примере молодёжи составляют такие ценности, как *верность гражданскому и воинскому долгу, любовь к Родине и способность отдать за неё жизнь*. Следовательно, их представления о патриотизме совпадают с общепринятым его пониманием как общественного и морального принципа, что характеризует отношение граждан к своей стране. Важнейшим показателем наличия патриотических качеств у молодых людей является их морально-психологическая готовность защищать Россию.

Для общей самооценки этой составляющей респондентам был предложен вопрос: «Как Вы оцениваете свою морально-психологическую готовность защищать Россию от опасностей (военной угрозы со стороны других стран, террористических актов, последствий природных катаклизмов), если это представляет угрозу Вашей жизни?». Абсолютное большинство (92%) декларировали варианты «полностью готов» и «скорее готов, чем нет».

Таким образом, патриотизм и национализм оказывают влияние на развитие формирования общественного сознания в современной России, являясь неотъемлемыми и чётко сформированными понятиями у современной молодёжи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемов Г.П. Политическая социология: учеб. пособие. М.: Логос, 2002. 280 с.
2. Батанина И.А., Коннова З.И. Особенности социальной дифференциации массовых групп современного российского общества // Известия Тульского гуманитарного университета. Гуманитарные науки. 2012. Вып. 2. С. 203–212.
3. Бурдые П. Социология и политика. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
4. Гегель Г. Философия права / пер. с нем.; ред., сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц; вступ. ст., примеч. В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
5. Гобсбаум Е. Введение: изобретения традиций // Гобсбаум Е. Изобретение традиции / под ред. Е. Гобсбаума, Т. Рейнджеры; пер. с англ. М. Климчука. М.: Ника-Центр, 2010. С. 12–28.
6. Гобсбаум Е. Массовое создание традиций Европа, 1870–1914 [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2015. № 6 (104). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/104/massovoe-proizvodstvo-tradicij-evropa-18701914.html> (дата обращения: 30.04.2018).
7. Грушин Б.А. Мнение о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. М. Политиздание, 1967. 400 с.
8. Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / под общ. ред. И.И. Мюрберг. М.: Весь Мир, 2003. 784 с.
9. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
10. Майкова В.П. Социально-философские проблемы динамики общественного сознания в современной философии. М.: МГУЛ, 2013. 385 с.
11. Шнаппер Д. Сообщество граждан: о модерне концепции нации / пер. с фр. Р.В. Мардера. Харьков: Фолио, 2007. 223 с.

REFERENCES

1. Artemov G.P. *Politicheskaya sotsiologiya* [Political Sociology]. Moscow, Logos Publ., 2002. 280 p.
2. Batanina I.A., Konnova Z.I. [Features of Social Differentiation of the Mass Groups of Russian Contemporary Society]. In: *Izvestiya Tull'skogo gumanitarnogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tula University for Humanities. Humanities], 2012, no. 2, pp. 203–212.
3. Bourdieu P. *Sotsiologiya i politika* [Sociology and Politics]. Moscow, Socio-Logos Publ., 1993. 336 p.
4. Hegel G. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 524 p.
5. Hobsbawm E. [Introduction: The Invention of Tradition]. In: Hobsbawm E. *Izobretenie traditsii* [The Invention of Tradition]. Moscow, Nika-Tsentr Publ., 2010, pp. 12–28.
6. Hobsbawm E. [Mass Creation of Traditions, Europe, 1870–1914]. In: *Neprikosnovennyi zapas*. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/104/massovoe-proizvodstvo-tradicij-evropa-18701914.html> (accessed: 30.04.2018).
7. Grushin B.A. *Mnenie o mire i mir mnenii. Problemy metodologii issledovaniya obshchestvennogo mneniya* [Opinion on the World and the World of Opinions. The Problems of Methodology on Public Opinion Research]. Moscow, Political Publishing Publ., 1967. 400 p.
8. Cohen J.L., Arato E. *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya* [Civil Society and Political Theory]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2003. 784 p.
9. Lippmann W. *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion]. Moscow, Institute of the “Public Opinion” Foundation Publ., 2004. 384 p.
10. Maikova V.P. *Sotsial'no-filosofskie problemy dinamiki obshchestvennogo soznaniya v sovremennoi filosofii* [Socio-Philosophical Problems of the Dynamics of Social Consciousness in Modern Philosophy]. Moscow, MSFU Publ., 2013. 385 p.
11. Shnapper D. *Soobshchestvo grazhdan: o moderne kontseptsii natsii* [Community of Citizens: on Modern Concept of Nation]. Kharkov, Folio Publ., 2007. 223 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильченко Дмитрий Александрович – аспирант кафедры философии Московского государственного областного университета;

e-mail: ida052015@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii A. Ilchenko – postgraduate student at the Department of Philosophy, Moscow Region State University;

e-mail: ida052015@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ильченко Д.А. Патриотизм, национализм – влияние на развитие формирования общественного сознания в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 77–84.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-77-84

FOR CITATION

Ilchenko D.A. Patriotism, Nationalism – Impact on the Development of the Formation of Public Consciousness in Contemporary Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 2, pp. 77–84.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-77-84

УДК 172.12

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-85-94

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ: ПУТЬ К НОВОМУ ПОНИМАНИЮ

Песоцкий В.А.¹, Жебит В.А.²

¹Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

²Всероссийский институт научной и технической информации Российской академии наук (ВИНИТИ РАН)

125190, г. Москва, А-190, ул. Усиевича, д. 20, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрываются суть представлений о времени, господствующих с незапамятных веков, роль времени в постижении мира, научном прогрессе и развитии цивилизации. Проведённый анализ выявил метафорическую основу таких представлений, что вылилось в создание столь важного аналитического инструмента, как время. Однако абсолютизация этого понятия не должна приводить к утрате важного аспекта связи феномена времени с фактором наблюдателя, раскрывающего когнитивный смысл времени в динамике процессов окружающего мира.

Ключевые слова: время, пространство-время, социальное время, социальная динамика.

SOCIAL TIME: THE WAY TO A NEW UNDERSTANDING

V. Pesotsky¹, V. Zhebit²

¹Moscow Region State University

10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

²All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences (VINITI RAS)

20, Usievich st., A-190, Moscow, 125190, Russian Federation

Abstract. The article reveals the essence of the concept of Time that has been dominating since time immemorial, the role of Time in comprehending the world, scientific progress and the development of civilization. The analysis revealed a metaphorical basis of the ideas which formed such an important analytical tool as Time. However, the absolutization of this concept should not lead to the loss of an important connection between the phenomenon of Time and the Observer Factor that reveals the cognitive meaning of Time in the dynamics of the processes of the surrounding world.

Key words: time, space-time, social time, social dynamics.

Парадокс социального времени

В истории человеческой цивилизации в отношении к понятию “время” всегда господствовал метафорический взгляд. Время представлялось и как поток, в который нельзя войти дважды, и как песок, струящийся в колбе песочных часов,

и как лента, которую можно перематывать вперёд и назад.

Появление первых представлений о феномене времени следует отнести к периоду эволюции первобытного социума в связи с попытками визуальной фиксации явлений, имеющих повторяющийся характер. Это имело чисто утилитарные причины, связанные с хозяйственной деятельностью, требующей примитивной алгоритмизации процессов, связанных с жизнеобеспечением первобытного социума. В качестве объектов контроля первоначально рассматривались такие явления, как суточный солнечный цикл, сезонные циклы, жизненные циклы людей и животных, отдельные природные явления, служащие вехами, удобными для отсчёта событий.

Фиксируемая повторяемость природных явлений привела к появлению примитивных календарей, построенных по циклическому принципу, позволяющих привести эти явления к единой системе. С помощью календарей был создан формат, ставший первым инструментом фиксации событий, имеющих в первую очередь объективный характер, что имело значение цивилизационного масштаба. Календари не только позволяли фиксировать соотношение разных событий благодаря привязке к единой базе отсчёта, но и способствовали развитию культуры летописания. Одним из важнейших свойств календарей явилось удобство использования их как инструмента, позволяющего прогнозировать события. Примитивные календари были способны полностью обеспечить потребность инструментального контроля событий на ранних этапах цивилизации.

Появление первых устройств хронометрии, таких как солнечные и песочные часы, стало революционным шагом, давшим инструмент и формат текущего контроля, что коренным образом изменило культуру, хозяйственный уклад, мировоззрение и образ цивилизации в целом. Но главное – появилось метафорическое представление о времени как сущности, обладающей свойством “текучести”. Постепенно эту сущность стали представлять как физический феномен, что, благодаря учёным, позволило достаточно быстро превратить её в абсолют. Понятие “время”, как результат действия хронометрических приборов, перешло в разряд причины возникновения этих приборов, т. е. случилась смена причинно-следственной зависимости. Человечество не обратило внимания на то, что произошла незаметная трансформация картины мира, повлёкшая развитие цивилизации по иному сценарию, ибо новая парадигма познания приняла абсолют времени и сделала его фундаментальным понятием и философской категорией. С этого момента любые процессы и их динамические свойства стали рассматриваться как функции времени. С появлением хронометрических приборов непрерывного отсчёта появилась возможность привязки к общей системе времени, а следовательно, возникла необходимость согласования этих приборов. В результате время окончательно становится социальным феноменом, а общепринятый формат времени становится важнейшим инструментом социализации.

Принятие универсального формата – 12 (24)-часовой циклической шкалы – стало революционным событием

цивилизационного масштаба, во многом объединившим всё человечество.

Использование координаты времени позволило рассматривать динамические свойства любых процессов – от физических до социальных. Приняв единую базу отсчёта событий в виде временной шкалы, человечество получило инструмент согласования деятельности и картин мира между социальными участниками, инструмент коммуникации в различных формах социализации.

Будучи принятым в качестве фундаментального понятия, время стремительно становилось неотъемлемым элементом многочисленных научных и миросозерцательных теоретизирований. Временной абсолют стал точкой опоры для беспрецедентного прорыва в познании мира, породившего множество новых учений, теорий, научных направлений. В теориях космизма представление об абсолюте времени привело к появлению концепций “разбегавшейся Вселенной”, теории “Большого взрыва”, утверждающих существование Начала и Конца материальной Вселенной, раскладывающих её существование на циклы, эры, эоны, что оказывало большое влияние на развитие научной мысли и социальное мышление. Подобные подходы явились порождением господствующего типа мышления, так называемого “конечного” мышления, основанного на представлениях о 3-мерном изотропном и изоморфном пространстве, в котором у всего своё начало и свой конец.

С появлением специальной теории относительности (СТО) А. Эйнштейна и А. Пуанкаре перед учёным сообществом открылось пространство иных

образов и явлений, не похожее на ньютоново-картезианскую Вселенную. Здесь время теряло роль абсолюта, становясь рядовым параметром, всецело зависящим от скорости перемещения объектов. В это же время в научном обороте появляется понятие *пространство-время*.

Понятие пространство-время было рождено идеей существования четырёхмерного пространства (пространства Минковского). Пространство Минковского представляет собой пространственно-временной континуум, в котором трёхмерная система координат Декарта совмещена с координатой времени, по которой идёт отсчёт величин времени, умноженных на скорость света. Концепция четырёхмерного пространства-времени символизировала отказ от прежних представлений о мире, открывая новые горизонты познания.

Новые представления о пространстве и времени позволили выйти за жёсткие рамки механистического мира И. Ньютона и Р. Декарта, оставив их в мире низких скоростей, упругих столкновений и слабых взаимодействий, в котором время может существовать как константа.

Хотя эти события и привели к мировоззренческой революции, отклонив абсолют времени, общая теория относительности (ОТО) не посягнула на общепринятое представление о времени, оставив место комплиментарному отношению к классическим парадигмам. ОТО не только создала основу для рождения новой релятивистской парадигмы в физической науке, но и дала новые возможности развитию плюрализма во всех научных сферах.

Динамические свойства социального времени

Проблеме социального времени посвящено достаточно большое число исследований, умножившихся к концу прошлого века, в частности, благодаря новым идеям, привнесённым синергетическими представлениями о социальных процессах. Достаточно широкий перечень концептуальных разработок, осуществлённых с позиции различных философских парадигм, посвящён теме зависимости социального времени и социальных динамик.

Среди таковых выделяются исследования таких авторов, как З. Бауман, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Дж. Урри, в работах которых социальное время рассматривается с точек зрения его разнообразных проявлений в социальных средах.

В своих работах И. Валлерстайн, рассматривая динамические свойства социального времени, опирается на зависимости циклического порядка. Здесь и социальные процессы проявляют характер цикличности, аналогично циклам Кондратьева, переходя от периодов нестабильности к равновесию, и, наоборот, столь характерных для динамик неравновесных систем [2].

В своих работах И. Валерстайн использует такие понятия, как “время события”, “циклическое время”, “структурное время”, “вечное время”, отказавшись от представления времени как абсолюта, столь характерного для классической парадигмы. В историческом плане его представления о динамиках процессов связываются с понятием *циклического времени* [2].

Э. Гидденс рассматривает динамику социального времени как процесс с присущими ему свойствами *рекурсивности* и *сериальности*, при этом *рекурсивность* обуславливает определённый формат (ритм) социального времени, организуя социальные процессы так, чтобы не нарушалась устойчивость социальной системы, в частности сохранялось воспроизводство социальных институтов и ряда иных социальных образований. *Сериальность* связывается с текущими социальными взаимодействиями, включёнными в *непрерывный поток деятельности*, при этом время представлено как функция, определяемая социальной динамикой [4].

У З. Баумана время не связано с пространством и является независимым параметром социальных процессов, например, таких как развитие технологий. Здесь нет места таким понятиям, ассоциирующимся с временем, как продолжительность, длительность, течение. Существует только момент времени, что лишает смысла понятия движения и направления времени, равно как и стрелы времени [1].

В представлении Дж. Урри время наличествует в нескольких проявлениях – *мгновенное, часовое, жизненное и ледниковое* – существующих параллельно или в суперпозициях. В данной концепции время является нелинейным понятием, обладающим свойством так называемого синхронного времени, что переключается с моделью эвереттовского мира, в котором все события уже произошли и существуют одновременно, образуя так называемый *временной коллаж* [13].

Сегодня в социологической науке, в исследованиях динамик социально-

го времени имеют место три основных подхода. С позиции одного из них динамика социального времени способна влиять на формы и содержание социальных процессов. С другой стороны, эта динамика может проявлять себя в целом ряде параметров социальных процессов, в частности, направленность, скорость, ритм, период, где она проявляется в процессах, связанных с какими-либо изменениями, развитием и этапностью развития. В данном подходе социальные процессы могут рассматриваться на основе их временных характеристик, направлений развития, движущих сил, внешних и внутренних факторов влияния. Третий подход заключается в изучении динамических характеристик социального времени, таких как ускорение, сжатие, растяжение, режимы. Указанные подходы, являющиеся взаимодополняющими, дают достаточно законченное представление о динамике социального времени. В совокупности этих аспектов социальное время предстаёт как многомерный и многоаспектный феномен. Множественность определений динамики социального времени не отрицает определённых свойств, заключающихся в собственно понятии *динамика*. Таким свойством может являться *текучесть* времени. Именно поэтому наряду с множеством иных определений *текущее* социальное время продолжает быть важным инструментом сравнительного анализа.

Следует отметить, что уход от классических представлений о пространственно-временном континууме как неподвижно устойчивом образовании, и приход к парадигме *текущего* пространства был отражён в работах В.И. Вернадского ещё на заре прошлого

века [3].

Различия динамик проявляют себя при сравнении социальных времён, например, таких как время социума и время культуры. Г. Осборн отмечает это в своей гипотезе существования так называемого культурного лага, которую он формулирует в известной фразе об ускоренной эволюции материальной сферы и замедленной эволюции ценностной [5]. Это умозаключение перекликается с мнением П.А. Сорокина, которое он высказывает в своих трудах, сравнивая динамики социальной и культурной сфер. Однако он это делает на основании иного результата, в его понимании материальная сфера должна отставать от развития духовной [12].

Активно развивающаяся социальная жизнь приносит в социально-философскую сферу всё новые идеи, связанные с особенностями социальной динамики. Вероятно, поэтому критерийный арсенал исследователей непрерывно пополняется. В частности, в актуальных публикациях, содержащих оценки уровней развития социальных образований, можно выделить такие параметры, как:

- состояние материальной и производственной сфер;
- развитие производства и сферы обслуживания;
- социальное развитие личности;
- сложность социальной организации;
- рационализация социальных отношений;
- социальная свободы личности;
- нравственное совершенство общества.

Формализм нелинейности

Одна из причин того, что огромное число научных проблем остаётся неразрешённым, видится в “конечном” типе мышления, характерном для большинства учёных и мыслителей на всём протяжении истории, по крайней мере, от Р. Декарта. Привычка, ставшая алгоритмом, рассматривать мир как пространство трёх измерений, где всё имеет свои начало и конец, а также бинарный алгоритм анализа причин и следствий неизбежно приводят к абсолютизации времени. На протяжении веков сложившаяся модель механистического мира позволяла успешно решать задачи в областях, ограниченных материалистической парадигмой.

Впервые идея рассматривать время как функцию процессов была сформулирована одним из авторов этой статьи в его методологии “формализма нелинейности”, которая уходит от абсолютизации понятий и отводит понятию “время” крайне зависимую позицию (в качестве исключения остаётся только специально сформулированное понятие Абсолюта, ассоциированное с представлениями о Высшей сущности и Вселенском разуме).

Такой подход к понятию “время” был основан на актуальной в последнее время энергетической (энергоинформационной) парадигме и заключал в себе нижеследующие предположения.

Однако здесь следует сделать некоторое отступление.

Если исходить из парадигмы энергетической природы материального мира, *время* как физический феномен неизбежно было бы связано с энергией.

Однако в актуальной формуле А. Эйнштейна ($E = mc^2$), где энергия выражена как произведение материальной массы на вторую степень скорости света, параметр *время* отсутствует. Время не может браться в расчёт даже в математическом выражении *скорости света*, поскольку она константна, не имеет динамических свойств и в представленном квадратичном виде может рассматриваться как своего рода коэффициент. Таким образом, энергия и масса демонстрируют свою эквивалентность, что можно трактовать как *материя есть энергия*.

Это умозаключение находит подтверждение в теории стоячих волн (солитонов), рассматривающей такие волны как сгустки среды, образующие основу структур материи. Согласно теории, некая гипотетическая среда образует волновые процессы, где в некоторых случаях рождаются стоячие волны, которые становятся основой формирования элементарных частиц – строительного материала материального вещества. Известная формула Френкеля–Конторовой описывает зависимость энергии и скорости таких волн [14].

$$E = m_0 \frac{V_0^2}{\sqrt{1 - V^2/V_0^2}}$$

В представленном выражении m_0 – масса солитона, рассматриваемая как масса частицы в вакууме, V – скорость солитона, движущегося в гипотетической среде, V_0 – скорость распространения обычных синусоидальных волн малой амплитуды в данной гипотетической среде.

Если представить, что некий наблюдатель движется параллельно солитону с той же скоростью, относительно него скорость солитона равна нулю. В этом случае формула Френкеля–Конторовой превращается в рассмотренную выше формулу А. Эйнштейна для энергии и массы, что подтверждает отсутствие параметра времени в описании энергии.

Из всего вышесказанного в методологическом плане можно заключить, что время как феномен проявляет себя с появлением наблюдателя, позиция которого в пространстве становится центром системы наблюдения любых окружающих его процессов. В когнитивном смысле каждый наблюдатель может быть рассмотрен в качестве центра Вселенной независимо от его положения в пространстве бесконечной протяжённости. Это предположение заставляет по-новому оценить роль индивидуального сознания в постижении материального мира [7].

Появившаяся в период 2000–2001 гг. Теория нелинейной коммуникации, согласно которой во всех процессах усматривается энергоинформационный обмен, являющийся коммуникационной основой вселенского порядка, представляет понятие *время* в новом ракурсе. Новая парадигма уходит от абсолютизации представлений, ранее считавшихся фундаментальными, отрицая жёсткие причинно-следственные зависимости, предлагая новые трактовки факторов детерминации процессов – от физических до социальных.

Выстроенный на этой основе методологический подход использован в попытке совмещения научного и мировоззренческого аспектов для откры-

тия новых когнитивных позиций.

В новой методологии ключевым субъектом анализа рассматривается индивид, занимающий позицию условного наблюдателя относительно окружающего мира. Важнейшими функциями наблюдателя признаются формирование его собственной картины мира и согласование её с другими социальными участниками, являющимися такими же наблюдателями [8].

В Теории нелинейной коммуникации именно согласование картин мира утверждается в качестве основной цели социальной коммуникации, ибо только при наличии такой согласованности можно говорить о всех прочих видах социально целесообразной деятельности. Согласование картин мира осуществляется сознательно и бессознательно, на разных уровнях, способствуя развитию разнообразия форм познания и аккумуляции опыта.

Новая методология предлагает своё представление роли наблюдателя в процессе формирования социальной реальности и места социального времени в этом процессе. В соответствии с этим *время* как феномен проявляет себя с появлением наблюдателя, играя роль инструмента познания мира через динамику процессов, идущих в этом мире. Таким образом, динамика процессов проявляет себя во времени исключительно в сознании наблюдателя [6; 10].

В этой трактовке социальная реальность проявляет себя в качестве реальности субъективной, что позволяет определить в качестве ключевой позицию наблюдателя в структуре миропознания. Это приводит к предположению, что причиной развития тех или иных событий могут быть ошибки их

восприятия и понимания индивидами, при этом ошибочные предположения способны порождать новые социальные процессы [9; 11].

Несмотря на множественность критериев, используемых в анализе общественного развития, единство проявляется во взгляде на социальный прогресс как движение к более совер-

шенным формам социальной жизни. Тем не менее существующие критерии социального совершенства продолжают множиться, поскольку большинство существующих современных концепций пока ещё обуславливает социальное совершенство в первую очередь технологическим прогрессом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Валлерстайн И. *Конец знакомого мира: Социология XXI века* / пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004. 368 с.
3. Вернадский В.И. *Научная мысль как планетное явление*. М.: Наука, 1991. 271 с.
4. Гидденс Э. *Устроение общества: очерк теории структуризации* / пер. с англ. И. Тюриной. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
5. Ерасов Б.С. *Социальная культурология: учеб. для студентов высших учебных заведений*. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2000. 591 с.
6. Жебит В.А. *Время: от физического абсолюта к социальному феномену* // Социальная политика и социология. 2015. № 4. С. 113–120.
7. Жебит В.А. Гипотеза о ключевом парадоксе сознания и поиск её подтверждения с помощью логики Гёделя // *Учёные записки Российского государственного социального университета*. 2013. Т. 1. № 1 (112). С. 72–76.
8. Жебит В.А. «Квантовый коллапс» – механизм рождения образов в человеческом сознании // *Учёные записки Российского государственного социального университета*. 2015. Т. 14. № 3 (130). С. 79–87.
9. Жебит В.А. «Квантовая» логика и «нелинейная коммуникация» // *Государственное управление и развитие России: модели и проекты: сборник статей Международной научно-практической конференции*, Т. III. Москва, 19–20 мая 2016 г. М.: Проспект, 2017. С. 39–41.
10. Жебит В.А. *Новые ресурсы нелинейного формата времени* // *Пилотируемые полёты в космос: материалы XI Международной научно-практической конференции*. 10–12 ноября 2015 г. С. 390–393.
11. Жебит В.А. *Энергетический мир человеческого сознания: монография*. М.: Спутник+, 2014. 230 с.
12. Сорокин П.А. *Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений* / пер. с англ. В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 2000. 1054 с.
13. Урри Дом. *Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия* / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Высшая школа экономики, 2012. 336 с.
14. Филиппов А.Т. *Многоликий солитон*. 2-е изд., перераб. и доп.. М.: Наука, 1990. 288 с.

REFERENCES

1. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p.

2. Vallerstain I. *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka* [The End of the Familiar World: Sociology of the 21st Century]. Moscow, Logos Publ., 2004. 368 p.
3. Vernadsky V.I. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 271 p.
4. Giddens A. *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2005. 528 p.
5. Erasov B.S. *Sotsial'naya kul'turologiya* [Social Cultural Studies]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. 591 p.
6. Zhebit V.A. [Time: from Absolute Social Phenomenon]. In: *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology], 2015, no. 4, pp. 113–120.
7. Zhebit V.A. [The Hypothesis about the Key Paradox of Consciousness and the Search for Its Verification Using Gödel's Logic]. In: *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [Scientific Notes of the Russian State Social University], 2013, vol. 1, no. 1 (112), pp. 72–76.
8. Zhebit V.A. ["Quantum collapse" – the Mechanism of a Birth of Images in Human Mind]. In: *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [Scientific Notes of the Russian State Social University], 2015, vol. 14, no. 3 (130), pp. 79–87.
9. Zhebit V.A. ["Quantum" Logic and "Non-Linear Communication"]. In: *Gosudarstvennoe upravlenie i razvitie Rossii: modeli i proekty: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 19–20 maya 2016 g. T. III*. [Public Administration and Development in Russia: Models and Designs: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, May 19–20, 2016. Vol. III]. Moscow, Prospekt Publ., 2017, pp. 39–41.
10. Zhebit V.A. [New Resources of Non-Linear Time Format]. In: *Pilotiruemye polety v kosmos: Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 10–12 noyabrya 2015 g.* [Manned Spaceflight: Proceedings of the 11th International Scientific and Practical Conference, November, 10–12 2015], pp. 390–393.
11. Zhebit V.A. *Energeticheskii mir chelovecheskogo soznaniya* [The Energy World of Human Consciousness]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2014. 230 p.
12. Sorokin P.A. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika: issledovanie izmenenii v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnoshenii* [Social and Cultural Dynamics: A Study of Changes in Large Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Public Relations]. St. Petersburg, RKH SI Publ., 2000. 1054 p.
13. Urry J. *Sotsiologiya za predelami obshchestv. Vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology Beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century]. Moscow, High School of Economics Publ., 2012. 336 p.
14. Filippov A.T. *Mnogolikii soliton* [Multi-facet Soliton]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 288 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Песоцкий Владислав Анатольевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета;
e-mail: vlad2008@yandex.ru

Жебит Владимир Александрович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Отделения научной информации по проблемам энергетики и

металлургии Всероссийского института научной и технической информации Российской академии наук (ВИНИТИ РАН);
e-mail: zhebit@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladislav A. Pesotsky – Doctor of Philosophy, professor, head of the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: vlad2008@yandex.ru

Vladimir A. Zhebit – PhD in Psychology, senior researcher, Department of Scientific Information on Energy and Metallurgy, All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences (VINITI RAS);
e-mail: zhebit@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Песоцкий В.А., Жебит В.А. Социальное время: путь к новому пониманию // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 85–94.
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-85-94

FOR CITATION

Pesotsky V.A., Zhebit V.A. Social Time: the Way to a New Understanding. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 2, pp. 85–94.
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-85-94

УДК 1(091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-95-101

РОЛЬ СЕМЬИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ В ФИЛОСОФИИ И.А. ИЛЬИНА

Потапенко Т.В.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрена позиция русского философа И.А. Ильина по проблеме аксиологических основ патриотического воспитания и роли семьи в формировании человека как личности, в становлении его взглядов и убеждений, в воспитании любви к отечеству. Именно в детстве закладывается духовно-нравственный фундамент личности, именно с семьи начинается любовь к Родине. Дан анализ представлений И.А. Ильина о проблеме воспитания посредством таких ценностей, как язык, сказка, песня, жития святых и героев, молитва, поэзия, история, армия, территория, хозяйство. В статье сделаны выводы о первостепенности семьи в патриотическом воспитании. Автором статьи использованы методы историко-философского анализа: сравнительного философского анализа, историко-философской реконструкции, интерпретации.

Ключевые слова: патриотизм, духовность, личность, семья, воспитание, Родина.

I.A. ILYIN'S PHILOSOPHICAL CONCEPTION ABOUT THE ROLE OF THE FAMILY IN PATRIOTIC EDUCATION

T. Potapenko*Moscow Region State University**10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article considers the views of the Russian philosopher I.A. Ilyin on the problem of axiological foundations of patriotic education and the role of the family in the formation of man as a person, his views, beliefs and love for the Motherland. It is in childhood that the spiritual and moral foundation of the individual is laid, it is with the family that love for the Motherland begins. The author of the article studied I.A. Ilyin's ideas on the problem of education through such values as language, fairy tales, songs, lives of saints and heroes, prayers, poetry, history, army, territory, and economy. The article draws a conclusion about the primacy of the family in patriotic education. The author of the article used the methods of historical-philosophical analysis: a comparative philosophical analysis, historical-philosophical reconstruction, and the method of interpretation.

Key words: patriotism, spirituality, personality, family, upbringing, homeland.

Семья играет немаловажную роль в формировании патриотизма. Это колыбель его становления. Именно в семье происходит формирование первого

духовного опыта ребёнка, который в дальнейшем станет фундаментом его мировоззрения, его отношения к окружающему миру, к Родине. Семья должна строиться на любви, вере и свободе, это союз, который должен научить «... первым *совестным* движениям сердца и подняться от него к дальнейшим формам человеческого духовного единения – *родине и государству*» [7, с. 135].

Будущее человека определяется в его раннем детстве. Конечно, многое зависит от того, какие у каждого есть врождённые способности и таланты, но смогут ли они расцвести или погибнуть, определяется именно в раннем возрасте. «Мир не только строится в детской, но и разрушается из неё; здесь прокладываются не только пути спасения, но и пути гибели» [7, с. 136]. Семья – это “первичное лоно человеческой культуры”. На ней лежит огромная ответственность за все действия или бездействия по воспитанию подрастающего поколения. Это высокое искусство воспитания детей, по большому счёту, недооценивается и воспринимается как общедоступное и не требующее особых усилий занятие [1–6; 8–10].

Не прорастёт “дивный цвет” детской души, если его воспитывать в душевной атмосфере несчастной семьи, её бездуховного прозябания, в отсутствии уважения её членов друг к другу. Почувствовать единение со своим народом можно, «...только испытав это единство в своей семье, а не почувствовав этого всенародного единства, он не станет живым органом своего народа и верным сыном своей родины. Только духовное пламя здорового семейного очага может дать человеческому серд-

цу *накалённый уголь духовности*, который будет и греть его, и светить ему в течение всей его дальнейшей жизни» [7, с. 146].

В семье ребёнок с молоком матери впитывает в себя любовь близких, их страдания, терпение и умение жертвовать собой во благо семьи, заботиться о своей семье, помогать ей. В семье передаются из поколения в поколение «*духовно-религиозные и отечественные традиции*», «...семья создала и выносила культуру национального чувства и патриотической верности» [7, с. 147].

Именно поэтому одной из важнейших задач в национальном семейном воспитании личности является передача таких сокровищ, как:

1. *Язык*. Это живое воплощение народа, его душа. «Язык вмещает в себе таинственным и сосредоточенным образом всю душу, всё прошлое, весь духовный уклад и все творческие замыслы народа» [7, с. 210]. На нём передаются из поколения в поколение всё богатство национальной души, её история, сказки, былины, песни, поэзия, весь богатый этнос народа. Сохранение родного языка, его идентичности, не искажение и не засорение его дурными словами, а бережное сохранение и передача подрастающему поколению – это одна из основных задач семьи. Ребёнок с раннего детства прежде всего должен слышать родную речь, и пока он не научится мыслить и выражать свои мысли на родном языке, его не следует учить чужим языкам, это особенно важно в первые годы жизни ребёнка. Любовь к родному языку складывается из наблюдения за родными и в особенности за самыми близкими – за родителями: то, как они

общаются между собой и с детьми, как выражают свои мысли и чувства, на каком языке они скорбят и радуются – всё это должно *пробуждать самосознание и личностную память* ребёнка. В семье необходимо уделять особое внимание беседам о преимуществе родного языка, его неисчерпаемости, богатстве и благозвучии, о его истоках. В семейном окружении ребёнка, среди его родных и близких должен царить *культ родного языка*.

2. *Сказка*. Ничто не может рассказать лучше о народе, его традициях и укладе, чем сказка. Она пленяет душу и будоражит воображение. В ней происходит постепенное и незаметное знакомство с жизнью: «сказка ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок». В сказках передаются народная мудрость, народный юмор, смекалка, его опасения и надежды, его мужество и верность, его прошлое и устремление в будущее. Читая сказки, дети в ненавязчивой форме учатся различать правду и ложь, доблесть и предательство, искренность и коварство, сопереживать героям. Воспитание, и в первую очередь патриотическое воспитание, не может обойтись без сказок собственного народа, своих национальных сказок. «Ребёнок, никогда не мечтавший в сказках своего народа, легко отрывается от него и незаметно вступает на путь интернационализации» [7, с. 213]. Это вовсе не означает, что детям не нужны сказки других народов, но первые сказки, с которыми ребёнок должен познакомиться, должны быть сказками своего народа. Ибо то, с чем сталкивается человек впервые, наиболее памятно.

3. *Песня*. Песня, как и сказка – это душа народа. И услышать её ре-

бёнок должен ещё в утробе матери. «Русская песня глубока, как человеческое страдание, искренна, как молитва, сладостна, как любовь и утешение; в наши чёрные дни, как под игом татар, она даст детской душе исход из грозящего озлобления и каменения» [7, с. 212]. В песне передаётся вся полнота эмоций, она пробуждает чувства и способна проникнуть в самые потаённые уголки души, заставляя её трепетать. В песнях передаются из уст в уста история, наказания, сказания о ратных подвигах и подлостях, предостережения. И если написанное можно стереть, уничтожить, заставить забыть, то песню нельзя ни задушить, ни убить. Даже если она будет запрещена, она всё равно, словно тоненький ручеек с прохладной водой, будет утолять жажду тихим напевом, пробиваясь сквозь время и разливаясь бурным потоком в другие времена.

4. *Жития святых и героев*. Знакомство с живыми примерами святости и героизма пробудят в детской душе стремление к лучшему, желанию подражать и гордиться своим народом и его историей. «Образы героизма пробудят в нём самом волю к доблести, пробудят его великодушие, его правосознание, жажду подвига и служения, готовность терпеть и бороться, а русскость героя – даст ему непоколебимую веру в духовные силы своего народа. Все это вместе взятое есть настоящая школа русского национально-го характера» [7, с. 213]. И чем раньше начнётся это знакомство, тем сильнее ребёнок будет проникнут национальными образами, они станут частью его жизни, образа его мышления, примерами для подражания и его жизненной позиции, его поступков.

5. *Молитва* – это источник *духовной силы и духовной гармонии*, дающий религиозный опыт и религиозную очевидность. Это источник сосредоточения чувств и воли на совершенном – на обращении к Богу. У каждого народа молитва звучит по-своему. «Живое многогласие и многохваление Господа, идущее от мира, требует, чтобы каждый народ молился самобытно; и эту *самобытную молитву* надо вдохнуть ребенку с первых лет жизни» [7, с. 212]. Семья, научив молиться, откроет ребенку путь в церковь, для которой он станет надёжной опорой, истинной русской опорой церкви. Ребёнок откроет для себя пути, идущие в глубину русской истории, и встанет на путь созидания, а не разрушения своей родины. «Неправославный может быть верным русским патриотом и доблестным русским гражданином, но человек, враждебный Православию, не найдёт доступа к священным тайникам русского духа и русского миропонимания, он останется чужеродным в стране, своего рода внутренним “неприятелем”» [7, с. 212].

6. *Поэзия*. Русская поэзия уникальна и неповторима, её многообразие и богатство передаваемых образов таит в себе магическую, притягательную силу, пленяющую своей гармонией душу. «Русский поэт одновременно – национальный пророк и национальный музыкант» [7, с. 214]. Привить ребёнку любовь к русской поэзии – значит пробудить в нём чувство духовного восторга, раскрыть перед ним огромное сокровище духовного созерцания окружающего его мира. Ребёнок проникается душой своего народа, своей Родины, ещё в утробе матери внимая русской поэзии через

уста матери, потом, когда научится говорить, учит её наизусть, декламируя осмысленно, с искренним чувством, читает самостоятельно и пытается творить – сам «русский человек, с детства влюбившийся в русский стих, никогда не денационализируется» [7, с. 214].

7. *История*. История русского народа богата и наполнена как великими событиями, внушающими огромную гордость за свою страну, так и трагическими, забывать о которых – значит повторить ошибки прошлого. Искжая историю, делая её выборочной, нельзя в полной мере научить ребёнка любить свою Родину. Ибо «душа русского человека должна раскрыть в себе простор, вмещающий всю русскую историю так, чтобы инстинкт его принял в себя всё прошлое своего народа, чтобы воображение его увидело всю его вековую даль, чтобы сердце его полюбило все события русской истории...» [7, с. 215]. Воспитывая ребенка, родители с самого начала должны ему внушить, что он – сын своего русского народа, его неотъемлемая часть, он – продолжение многовековой истории, которую надо принять со всеми её достоинствами и недостатками. При этом стоит ограждать ребёнка от «*националистического самомнения и от всеосмеивающего самоунижения*» [7, с. 215]. Первое рождает эгоизм, второе презрение. Не стоит утаивать слабые стороны национального характера, но не стоит забывать и о национальном достоинстве, славе своего народа, его источниках духовной силы.

8. *Армия*. Армия – это оплот государства. Если народ не уважает свою армию, он не чтит своего государства, а это, в свою очередь, приводит к распаду. «Ребёнок должен научиться пере-

живать успех своей национальной армии как свой личный успех; его сердце должно сжиматься от её неудачи; её вожди должны быть его героями; её знамена – его святынею» [7, с. 216]. Без армии, стоящей на страже спокойствия своей страны как внутри, так и снаружи, отчизна останется без защиты и станет лёгкой добычей для врагов, а нация будет обречена на гибель. В современном мире это особенно наглядно демонстрируется на примере многих стран. Неуважение к собственной армии, пренебрежение ею становятся причиной захвата власти, политического, экономического и социального кризиса. Армия – это визитная карточка любой страны, по отношению народа к ней можно сказать о крепости государства.

9. *Территория.* Это не просто пространство, заселённое людьми, это земля, которая досталась нам от предков, пропитанная их потом и кровью. Это наш многонациональный народ с его неповторимыми традициями и укладом, наши богатые природные ресурсы, наш уникальный климат. Русский ребёнок должен с ранних лет прочувствовать простор нашей необъятной Родины. Родная земля ему должна быть необходима как воздух, на ней жили его предки и будут жить его потомки. Родители должны научить ребёнка бережному отношению к своей родине. Ребёнок должен чувствовать свою ответственность перед последу-

ющими поколениями за то наследие, которое останется после него.

10. *Хозяйство.* С ранних лет необходимо воспитывать любовь и уважение к труду. Не стоит чересчур баловать ребёнка, ограждая его от труда, делая из него трутня. Труд не должен восприниматься как попытка порабощения. Необходимо постепенно приучать ребёнка к труду: сначала помогать родителям, потом возложить на него свои собственные обязанности. Это поможет пробудить в нём ответственность, «живой интерес к русскому национальному хозяйству» и заложит стремление и волю к преумножению национального богатства и достояния в качестве источника «духовной независимости и духовного расцвета русского народа». Заложить в нём эти качества – значит создать крепкий фундамент «*духовной почвенности и хозяйственного патриотизма*» [7, с. 217].

Когда ребёнок появляется на свет, первое, что его окружает, – это его семья. В ней он учится любви, состраданию, соучастию, а также и ненависти, жестокости, безразличию – в зависимости от воспитания. Таким образом, семья играет очень важную роль в становлении личности и патриотическом воспитании. От того, как в семье смогут научить ребёнка любить свою Родину, во многом зависит его дальнейшая судьба и судьба его Отечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барковская Т.В. Философское осмысление патриотизма в работах И.А. Ильина // Информационная среда вуза. 2015. № 1. С. 555–564.
2. Бондарева Я.В. Антропологические основы русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 75–82.

3. Бондарева Я.В. Единство веры и знания как базовый гносеологический принцип русской религиозной философии середины XIX – первой половины XX веков (статья вторая) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. № 1. С. 23–27.
4. Базалук О.А. Патриотическое воспитание в философии образования Ивана Ильина // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 2. С. 182–191.
5. Гринер Ф.Т. Ильин о патриотизме как всечеловеческой ценности // Культурологический журнал. 2015. № 4 (22). С. 8.
6. Ильин И.А. О сущности правосознания / подгот. текста, вступ. ст. И.Н. Смирнова. М.: Парогъ, 1993. 235 с.
7. Ильин И.А. Россия. Путь к возрождению. М.: РИПОЛ Классик, 2018. 768 с.
8. Каримов Р.Р. Патриотизм как форма общегражданской идентификации россиян: на основе учений И.А. Ильина // Вопросы политологии. 2012. № 4 (8). С. 104–111.
9. Станкевич А.Р. Нравственные принципы и проблема становления личности в философии И.А. Ильина: дис. ... канд. филос. наук. СПб, 2010. 144 с.
10. Уфандеева А.Ю. Патриотизм и духовное воспитание в концепции И.А. Ильина // Экономика и социум. 2017. № 5–2 (36). С. 751–754.

REFERENCES

1. Barkovskaya T.V. [Philosophical Understanding of Patriotism in the Works of I.A. Ilyin]. In: *Informatsionnaya sreda vuza* [Information Environment of the University], 2015, no. 1, pp. 555–564.
2. Bondareva Ya. V. [Anthropological Foundations of Russian Religious Philosophy]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 1, pp. 75–82.
3. Bondareva Ya. V. [The Unity of Faith and Knowledge as the Basic Epistemological Principle of Russian Religious Philosophy of Mid-19th – Early 20th (the second article)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2010, no. 1, pp. 23–27.
4. Bazaluk O.A. [Patriotic Education in Educational Philosophy of Ivan Ilyin]. In: *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in Psychological and Pedagogical Studies], 2014, no. 2, pp. 182–191.
5. Griner F.T. [Ilyin's View of Patriotism as a Universal Human Value]. In: *Kul'turologicheskii zhurnal* [Culture Studies Journal], 2015, no. 4 (22), pp. 8.
6. Ilyin I.A. *O sushchnosti pravosoznaniya* [On the Nature of Justice]. Moscow, Rarog Publ., 1993. 235 p.
7. Ilyin I.A. *Rossiya. Put' k vrozozhdeniyu* [Russia. The Path to Recovery]. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 2018. 768 p.
8. Karimov R.R. [Patriotism as a Form of Russians' Civil Identity: on the Basis of the Teachings of Ivan Ilyin]. In: *Voprosy politologii* [Issues of Political Science], 2012, no. 4 (8), pp. 104–111.
9. Stankevich A.R. *Nravstvennye printsipy i problema stanovleniya lichnosti v filosofii I.A. Ilyina: dis. ... kand. filos. nauk* [Moral Principles and the Problem of Personality In I.A. Ilyin's Philosophy: PhD Thesis in Philosophy]. St. Petersburg, 2010. 144 p.
10. Ufandeyeva A.Yu. [Patriotism and Moral Education in I.A. Ilyin's Concept]. In: *Ekonomika i sotsium* [Economy and Society], 2017, no. 5–2 (36), pp. 751–754.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Потапенко Татьяна Владимировна – аспирант кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: vestimo@progtech.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Potapenko – postgraduate student at the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: vestimo@progtech.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Потапенко Т.В. Роль семьи в патриотическом воспитании в философии И.А. Ильина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 95–101.
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-95-101

FOR CITATION

Potapenko T.V. I.A. Ilyin's Philosophical Conception about the Role of the Family in Patriotic Education. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 2, pp. 95–101.
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-95-101

УДК 316.614

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-102-108

ДИНАМИЧЕСКИЙ И СТАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ НАРУШЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ДИАЛОГА ПОКОЛЕНИЙ

Ростова А.Т.*Институт сервиса, туризма и дизайна –**филиал Северо-Кавказского федерального университета**357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. 40 лет Октября, д. 56,**Российская Федерация*

Аннотация. Процесс социального воспроизводства, связанный с передачей моделей поведения, ценностных установок и векторов развития, чрезвычайно важен для сохранения стабильности и целостности социальной структуры. Молодёжь является наиболее активной, динамично развивающейся социальной группой, и от её характеристик во многом зависит будущее общества. В статье проводится аналитическое рассмотрение основных проблем, связанных с реализацией процесса социального воспроизводства. Рассмотрено значение индивидуалистических и коллективистских социальных установок как факторов передачи социальных традиций. Определены статические и динамические факторы нарушения преемственности социальных ценностей. Проведён общий обзор текущих тенденций развития общества и определены приоритетные направления оптимизации ситуации.

Ключевые слова: общество, социальное воспроизводство, нарушение преемственности, индивидуализм, коллективизм, социальная динамика, социальная статика, диалог поколений.

DYNAMIC AND STATIC FACTORS CAUSING A BREAK IN THE CONTINUITY OF SOCIAL VALUES IN COURSE OF GENERATION DIALOGUE

A. Rostova*Institute of Service, Tourism and Design. Branch of the North-Caucasian Federal University**56, 40 years of October ave., Stavropol Territory, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation*

Abstract. The process of social reproduction connected with a transfer of behavior models, value attitudes and vectors of development is extremely important for maintaining stability and integrity of the social structure. Young people are the most active, dynamically developing social group, and the future of society in many respects depends on their characteristics. This article is concerned with basic problems connected with the process of social reproduction. The role of individualistic and collectivist social attitudes as factors of transferring social traditions is examined. The static and dynamic factors causing a break in continuity of social values are determined. Current tendencies in social development are generally reviewed and the directions in which the situation could be improved are determined.

Key words: society, social reproduction, a break in continuity, individualism, collectivism, social dynamics, social statics, generation dialogue.

Диалог поколений – сложный процесс уже как минимум по той причине, что речь идёт о взаимодействии членов общества, обладающих различной социальной определённой. Это связано как с различиями в ролевой определённости членов семейной группы и в модели взаимодействия “родители – дети”, так и с различиями в уровне и характере опыта социального становления, характерного для представителей различных возрастных групп. Одна из основных проблем, которые связаны с характером протекания диалога поколений, состоит в оценке эффективности передачи социальных ценностей, моделей поведения и векторов развития. И здесь проблема приобретает двойственный характер: с одной стороны, проблематично само эффективное построение взаимодействия, которое гарантировало бы эффективное воспроизводство социальных ценностей, с другой – неоднозначны применяемые критерии оценки уровня преемственности. Последнее связано с тем, что в процессе оценки личного пути, проходимого молодыми людьми, представители старшего поколения ориентируются на результат собственного развития, конечную форму мировоззрения. Социальная прагматика взрослого человека отличается от области приоритетов молодёжи, и потому актуализирующиеся противоречия зачастую объясняются не усугублением ситуации, но неприятием отдельных характеристик молодых людей как социальной группы, обладающей собственной спецификой развития [6].

Вместе с тем необходимо признать, что проблема воспроизводства социальных ценностей стоит чрезвычайно остро. И причина подобной констатации заключается не в личных оценках представителей старшего поколения – скорее, можно было бы сказать о том, что современный этап развития общества предполагает интенсивное изменение всех социальных сфер, и молодёжь как наиболее пластичная в мировоззренческом плане социальная прослойка оказывается в наибольшей степени подвержена тенденциям деформации общественного сознания [5]. В этом смысле категория преемственности социальных ценностей, обеспечивающая эффективность воспроизводства структуры социальных отношений, актуализируется прямо пропорционально росту деформирующих тенденций.

Следует сказать несколько слов о том, почему так важны сохранение системы социальных ценностей и её воспроизводство на уровне младших поколений. Общество представляет собой сложную систему, в которой процесс регуляции осуществляется на институциональном уровне (имеется ввиду самостоятельное развитие отдельных социальных институтов), которая реализуется в рамках управленческой деятельности государственных структур, а также производится на уровне социальных установок отдельных людей [3]. И от того, насколько соответствуют друг другу институциональная сфера, характер государственного регулирования и социальные установки граждан, во многом зависят

стабильность и целостность общественной структуры. Кардинальное изменение какой-либо одной из перечисленных сфер неминуемо влечёт за собой необходимость адаптации двух других, в противном случае возникнут противоречия, выраженные в снижении эффективности общественного процесса, росте конфликтности и актуализации широкого спектра социальных проблем.

Общественное сознание, поскольку оно в существенной мере связано с динамичной информационно-коммуникативной средой, представляет собой один из наиболее подверженных изменению аспектов общественной жизни [1]. И тот факт, что молодёжь обладает высокой степенью пластичности мировоззрения, актуализирует необходимость вытеснения сторонних социальных установок принятыми в обществе ценностями, приоритетами и моделями взаимодействия. При этом глубина укоренённости социальных установок, соответствующих принятой в обществе системе отношений, определяет устойчивость социальной системы к внешним воздействиям. И в этом отношении чрезвычайно важно понимать, какие факторы и условия способствуют нарушению процесса воспроизводства структуры социальных отношений. Это знание имеет приоритетное значение для формирования конструктивных регулятивных действий, направленных на улучшение ситуации. По этой причине нами будет проанализирована проблема нарушения процесса воспроизводства социальных ценностей в ходе взаимодействия старшего поколения и молодёжи как одна из наиболее приоритетных в современном социальном процессе.

Первое, на что необходимо обратить внимание – это основания расхождения в мировоззренческих установках старшего поколения и молодёжи. Схематически можно выделить две основные разновидности факторов, определяющих нарушение процесса воспроизводства социальных ценностей. Это статические факторы, присущие большинству социальных систем независимо от структуры и динамики общественного процесса, и динамические факторы, связанные с изменением характеристик общества, а также реализуемых на его уровне процессов и явлений.

В первую очередь рассмотрим те факторы усложнения реализации межпоколенческого диалога, которые не связаны с изменением общества. Первое, на что необходимо обратить внимание, – это различия в статусно-ролевой определённости представителей молодёжи и старшего поколения. Констатируемые с завидной регулярностью упадок нравов, отход от традиций и общее падение качества воспитания представляют собой явление, характерное для многих исторических этапов развития общества, в том числе и характеризующихся стабильностью и отсутствием значимых социальных сдвигов. В данном случае определяющее значение приобретает то, что социальные модели, приемлемые для молодёжи, зачастую проходят стадии деактуализации для взрослых людей, оценивших как положительные, так и отрицательные их стороны. В результате то, что воспринимается на уровне личного опыта как пройденный этап, может однозначно оцениваться как ошибочный путь. Вторым значимым моментом является то, что задачи, сто-

ящие перед представителями различных поколений, также существенно различаются: в то время как задачей старших членов семьи является направление, оказание конструктивного формирующего воздействия, одна из основных целей молодых людей – обретение самостоятельности, освобождение от внешней социальной определённости. Это определяет конфликт, основание которого лежит в стремлении старшего поколения к сохранению влияния, и в частности к возможности определять выбор направления развития молодых людей, и одновременно – в наличии у представителей молодёжи стремления к самоутверждению личности через обретение личной свободы. В данном случае самостоятельность рассматривается как атрибут взросления, становления личности.

Следует обратить внимание на то, что передача моделей социальной активности производится не только напрямую, в процессе реализации внутрисемейных механизмов социального контроля, но и посредством постепенной смены характера ролевой определённости молодых людей, результатом которой становится актуализация необходимости соответствия выполняемой роли. Это является тем основанием, которое определяет сохранение структуры социальных отношений, поскольку приобретение новых ролей приводит к актуализации переданного в ходе межпоколенческого диалога социального опыта.

Рассматривая конфликт, связанный со стремлением к достижению самостоятельности молодыми людьми, следует обратить внимание на то, что характер его протекания, и в частности, интенсивность, во многом зависит от

культурных установок, принятых в обществе. Сама по себе идея социального становления через обособление характерна для индивидуалистической традиции, в которой преобладающее значение приобретают интересы отдельной личности и степень её веса в общественной среде. С точки зрения индивидуализма быть зависимым от внешней оценки, не проявлять самостоятельности в принятии решений – значит быть инструментом, служащим целям другой личности и, следовательно, самоопределяться через неё, что не рассматривается в качестве сильной позиции. Индивидуализм предполагает момент обособленности, отчуждённости личности от её социального окружения. Это противопоставление человека миру определяет интенсивность стремления к обособлению, которое активно проявляет молодёжь в обществах, в которых индивидуализм представляет собой развитую культурную установку. В этом отношении закономерно, что индивидуализм противоречит идее сохранения социальных традиций, поскольку ориентирован на самостоятельное, критическое отношение к общественной реальности.

Совершенно иная картина вырисовывается в ситуации, когда в обществе развиты установки коллективизма. Здесь процесс самоопределения реализуется через среду, в которую вписан человек. Соответственно, интересы семьи как одного из базовых коллективных объединений приобретают преобладающее значение, что определяет актуализацию идеи соответствия интересам, социальным оценкам и воле родственников. Что характерно, естественной установкой коллективизма является иерархичность социального

статуса внутри коллектива, в соответствии с чем люди с более низким социальным статусом подчиняются воле тех, кто уже добился уважения и высокой внешней оценки. По этой причине в обществах с традиционным укладом (где в наибольшей степени сохранились коллективистские установки) проблема межпоколенческого диалога имеет значительно меньшую интенсивность, нежели, например, в западном обществе, для которого характерно преобладание индивидуалистической традиции.

Здесь мы переходим к рассмотрению динамического аспекта воспроизводства социальных ценностей в ходе диалога поколений. Как уже было показано выше, существуют значимые культурные детерминанты, которые определяют эффективность передачи знаний и социальных установок. Соответственно, чем выше уровень индивидуалистических установок, тем сильнее актуализируется проблема социальной преемственности, и напротив, чем более развиты коллективные установки, тем выше эффективность обозначенного явления [2; 4].

Очевидно, что общество меняется, и изменения эти затрагивают как структуру социальной системы, так и характер культурных установок, активно транслируемых в ней. В этом отношении одним из факторов, существенно усложняющих процесс воспитания молодёжи, является изменение актуального поля культуры, ввиду чего исходные базисы мировоззрения молодых людей и старшего поколения существенно различаются. Примером подобного рода расхождения может являться проблематичность установления диалога между уроженцами

СССР, получившими воспитание в советский период, и детьми девяностых и “нулевых” годов, представления которых об окружающем социальном мире существенно отличаются. Ещё одним проблематичным моментом, связанным с бурным развитием общественной структуры, становится проблема сохранения старшим поколением авторитета. Последнее связано с тем, что активное изменение социальной среды приводит к изменению условий трудоустройства, повышению престижности одних профессий и деактуализации других. На этом фоне происходит возникновение широкого спектра областей профессиональной деятельности, имеющих высокую степень привлекательности, однако недоступных представителям старшего поколения ввиду отсутствия соответствующего образования. Актуальная для молодёжи онлайн-коммуникация, знание разнообразных гаджетов – эти сферы интересов молодёжи зачастую находятся за рамками понимания представителей старшего поколения, что приводит к снижению числа “точек пересечения”.

Одной из основных проблем, связанных с социальным воспроизводством, является та, что интенсивность изменения основных сфер общественной жизни чрезвычайно велика, и потому социальные установки, актуальные на момент личностного становления старшего поколения, утрачивают свою значимость на уровне текущей ситуации. В результате, чем более высокой становится интенсивность трансформационных процессов, тем более серьёзная пропасть простирается между представителями старшего поколения и молодёжью.

Здесь мы видим двойственный процесс: с одной стороны, высокий уровень социальной преемственности способствует снижению уровня динамики общественной трансформации. С другой стороны, чрезвычайно интенсивная социальная динамика приводит к нарушению преемственности социальных ценностей, принятию молодёжью привнесённых извне социальных установок и, как следствие, усугублению текущей ситуации.

Помимо интенсивного изменения социальной среды в данном контексте следует обратить внимание на активную информационную коммуникацию, в результате которой члены общества приобретают возможность взаимодействия с носителями альтернативных культурных установок. В результате проникновение сторонних социальных установок становится чрезвычайно интенсивным, чему способствуют активное возникновение информационной продукции и её ин-

тенсивное распространение. Таким образом, по основным позициям обнаруживается неутешительная тенденция интенсификации факторов нарушения социальной преемственности.

В этих условиях приобретает актуальность обращение к основным факторам, определяющим сохранение социальных традиций. К их числу относятся, с одной стороны, повышение значимости коллективных ценностей в общественном сознании (таких как патриотизм, семейные ценности, значимость дружбы и взаимопомощи в рабочем коллективе и т. д.), с другой – повышение гибкости социальной позиции представителей старшего поколения, что позволит частично нивелировать нарождающиеся конфликтные тенденции. Кроме того, необходимо внедрение в социальное мировоззрение установок, способствующих деактуализации ролевого конфликта между родителями и детьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вассерман В.И. Трансформация ценностных ориентиров студенческой молодежи нового поколения // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4–2. С. 54–58.
2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
3. Нарыков Н.В., Фатальникова Е.В. Ценностный и объективистский подходы в социологическом анализе явлений культуры. Краснодар: Краснодарский университет, 2006. 129 с.
4. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. 2-е изд. М.: Наука, 2003. 231 с.
5. Шурбе В.З. Диалог поколений: цели одни, а задачи разные? // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2010. № 7. С. 55–59.
6. Emirbekova Ye.E., Narykov N.V., Samygin S.I., Samygin P.S., Rachipa A.V. Power as a social phenomenon: the nature and importance in the construction of the all-Russian identity // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Vol. 9. No. 5. P. 87–593.

REFERENCES

1. Vasserman V.I. [The Transformation of Value Orientations of a New generation of Students]. In: *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts], 2014, no. 4–2, pp. 54–58.
2. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, AST: AST MOSCOW Publ., KHRANITEL Publ., 2006. 873 p.
3. Narykov N.V., Fatal'nikova E.V. *Tsennostnyi i ob'ektivistskii podkhody v sotsiologicheskoy analize yavlenii kul'tury* [Values and Objectivist Approaches in the Sociological Analysis of Culture Phenomena]. Krasnodar, Krasnodar University Publ., 2006. 129 p.
4. Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Williams K. *Molodezh' v obshchestve riska* [Young People in Risk Society]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 231 p.
5. Shurbe V.Z. [Generation Dialogue: Common Goals but Different Objectives?]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Problemy sotsial'no-gumanitarnogo znaniya* [Bulletin of Volgograd State Technical University. Series: Problems of Social and Humanitarian Knowledge], 2010, no. 7, pp. 55–59.
6. Emirbekova Ye.E., Narykov N.V., Samygin S.I., Samygin P.S., Rachipa A.V. Power as a Social Phenomenon: The Nature and Importance in the Construction of All-Russian Identity. In: *Indian Journal of Science and Technology*, 2016, vol. 9, no. 5, pp. 87–593.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ростова Антонина Тимофеевна – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры физики, электротехники и электроэнергетики Института сервиса, туризма и дизайна – филиала Северо-Кавказского федерального университета;

e-mail: rostova_1177@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Antonina T. Rostova – PhD in Physics and Mathematics, associate professor, professor at the Department of Physics, Electrical Engineering and Energy, Institute of Service, Tourism and Design. Branch of North-Caucasian Federal University;

e-mail: rostova_1177@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ростова А.Т. Динамический и статический аспекты нарушения преемственности социальных ценностей в процессе диалога поколений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 102–108.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-102-108

FOR CITATION

Rostova A.T. Dynamic and Static Factors Causing a Break in the Continuity of Social Values in Course of Generation Dialogue. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 2, pp. 102–108.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-102-108

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 141.33

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-109-123

МЕСМЕРИЗМ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАЗАНСКОЙ ТРАДИЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕИЗМА КАК ПАРАДИГМАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ НОВЕЙШЕЙ ФОРМЫ МИСТИЦИЗМА XIX В.

Бондаренко В.В.

Дальневосточный федеральный университет

690091, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется историко-философская концепция, изложенная в произведении В.А. Снегирева «Спиритизм как религиозно-философская доктрина», касающаяся закономерностей становления классической немецкой философии как новейшей формы философского мистицизма. Цель работы: опираясь на традицию казанского академического теизма, обосновать месмеризм, преобразующийся на рубеже XVIII–XIX столетий в свою следующую историческую форму – развитую концепцию спиритизма, как парадигмальное основание классической немецкой философии, показать его генетическую взаимосвязь с зарождающейся паранаукой. Автор приходит к выводу, что завершившаяся к середине XIX в. подмена метафизических оснований, объекта исследований, ложные цели и задачи при игнорировании необходимых пограничных критериев в ближайшей исторической перспективе предполагают трансформацию от науки к лженауке, от философии к агностицизму, от личности к индивиду.

Ключевые слова: дух, материя, месмеризм, спиритизм, классическая немецкая философия, квазирелигия, паранаука.

MESMERISM AS A PARADIGM FOUNDATION OF A NEW FORM OF THE 19TH CENTURY MYSTICISM IN THE KAZAN TRADITION OF ACADEMIC THEISM

V. Bondarenko

Far Eastern Federal University

8, Sukhanova st., Vladivostok, 690091, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the historical and philosophical conception which was set forth in the work of V.A. Snegirev "Spiritualism as a Religious and Philosophical Doctrine", concerning the patterns of the formation of classical German philosophy as the newest form of philosophical mysticism. The aim of the article is to substantiate mesmerism which was transferring into its next historical form, a developed concept of spiritualism, at the turn of the 18th –19th centuries as a paradigmatic foundation of classical German philosophy and to show the genetic connection of mesmerism with the emerging parascience based on the tradition of Kazan academic theism. The author comes to the conclusion that by the mid-nineteenth century the substitution of metaphysical grounds and the object, goals and tasks of research took place, which resulted in a transformation of science into pseudoscience.

Key words: spirit, matter, mesmerism, spiritualism, classical German philosophy, quasi-religion, parascience.

Введение

Если «всякая система философии, – по словам Гегеля, – есть философия своей эпохи», мировоззренческие ориентиры, нашедшие своё воплощение в новоевропейской философской мысли, отражают специфику социокультурной ситуации, связанной с завершением процесса становления нового типа рациональности, а именно рациональности индивидуума [1, с. 6, 7, 315, 316; 2, с. 105]. Вместе с тем рубеж XVIII и XIX столетий можно представить в широком социокультурном контексте как исторический этап, связанный с завершением эксперимента по апробации метафизических систем критицизма и догматизма, завершившийся победой последнего. Современные исследователи характеризуют эту ситуацию как «шаг назад», очевидную регрессию философского стиля, фундаментальную разрыв между уровнем развития естественнонаучного и гуманитарного знания, который так и не был преодолен в уже канувшем в историю XX в. [1, с. 322, 384; 17, с. 32]. В нашем исследовании мы опирались на методологическое определение философской мистики, трактуемой Ю.А. Шабановой как «метафизический дискурс о

трансцендентной реальности, формирующей онто-гносеологические и антропо-аксиологические расширения в рационально сформированных философских системах и представлениях» [14, с. 116].

Философский историзм как выражение своеобразия методологии казанской академической школы

Отечественная традиция академического теизма, будучи органически связанной с философской традицией Западной Европы вообще и классической немецкой философией в частности, тем не менее, опираясь главным образом на оригинальные основания византийского богословско-философского умозрения, выразила своё творческое отношение к интеллектуальному феномену эпохи модерна, критически восприняв новоевропейское наследие [6, с. 119, 124]. Как известно, в системе духовно-академического образования дореволюционной России философская наука развивалась на основании исторической преемственности, системно и на высоком профессиональном уровне. Кафедры истории философии имели статус

ведущих наряду с богословским направлением. Известный факт: когда в силу реакции с 1850 г. преподавание философии в университетах соответствующими кафедрами было временно упразднено, в духовных академиях эта традиция продолжалась. В данном случае наглядно проявилась связь духовных академий с патристической установкой, отстаивающей право на существование философии и светской науки как “детоводителей” к истине в её личностном измерении [8, с. 10, 11]. Философское направление в Казанской духовной академии представлено целой плеядой мыслителей, начиная с первого историка русской философии архим. Гавриила (в миру Василий Николаевич Воскресенский) (1795–1868), которого можно характеризовать как предшественника казанской школы, и далее от ректора-реформатора архим. Никанора (в миру Александр Иванович Бровкович) (1826–1890) к Виктору Ивановичу Несмелову (1863–1937), одному из наиболее выдающихся мыслителей отечественной философии. В этом ряду особое место занимает наставник В.И. Несмелова, богослов, метафизик и психолог Вениамин Алексеевич Снегирев (1841–1889), личность которого как зеркало отразила свою эпоху.

Преодолев преимущественно схоластический характер отечественной академической мысли и методологическое влияние западной спекулятивной традиции, уже в 80-е гг. XIX столетия Казанская духовная академия выдвигает из своей среды учёных мировой величины. Исследователь истории Казанской академии А.В. Журавский приводит имена А.С. Павлова, Н.Ф. Красносельцева, А.А. Дмитриев-

ского, И.С. Бердникова, П.Ю. Юнгера, Д.В. Гусева, Ф.А. Курганова, работы которых стали явлением в отечественной и зарубежной науке. Аргументированная критика в адрес зарубежных коллег звучит всё более уверенно, поскольку к этому времени в дело подготовки отечественных интеллектуалов уже заложен солидный научный фундамент. Зарубежные работы изучаются в оригинальных изданиях, переводы наиболее авторитетных авторов осуществляются практически сразу после их публикаций на Западе, научные командировки за границу становятся распространённым явлением [4, с. 238]. А.П. Соловьев, анализируя казанскую философскую традицию на основании данных академического журнала «Православный собеседник» (1855–1918), приводит следующую статистику: за всё время работы журнала в нём размещено 45 статей по философской проблематике, принадлежавших перу 22 казанских любомудров [12, с. 259]. При этом исследователь отмечает, что в завершающий период с 1900 по 1918 гг. «наибольшее количество статей посвящено критике западноевропейской культуры» [12, с. 252].

Комплексный подход к анализу европейской философской традиции прослеживается и через тематику магистерских сочинений молодых казанских учёных. Здесь можно выделить следующие разделы: современные западноевропейские философско-религиозные течения и идеи, персоналии западноевропейской философии, историю философии, онтологию и гносеологию, религиозно-философскую этику и мистицизм.

Важно отметить, что первым философским произведением, опублико-

ванным в журнале «Православный собеседник», стала статья архим. Хрисанфа (Ретивцева) «Взгляд на мнение новейших рационалистов о существе религии» (1860). Этой работой были заложены начала философско-исторической методологии, в общем ставшей характерной для казанской школы, связанной с необходимостью рассмотрения широкого национально-культурного контекста и внутренней динамики философско-религиозных представлений, которые приобретают завершённый образ под влиянием тенденций, господствующих в жизни духа [13, с. 179].

В продолжение этой традиции проблемное поле истории новоевропейской философии в произведении казанского философа-теиста В.А. Снегирева «Спиритизм как религиозно-философская доктрина» (1871) раскрывается неожиданно ярко благодаря включённости в контекст переломной эпохи. Свобода духа, вырвавшегося из оков традиционализма, предполагает реализацию программы широкомасштабных экспериментов, согласно которой европейские гении, ещё не до конца утратившие своё культурное своеобразие, начинают работу по практическому реформированию самих жизненных начал.

**Научная догматизация месмеризма
на почве протестантской Германии:
от сверхчувственного эмпиризма
к объективному идеализму.
Особенности антропологического
концепта Юнга-Штиллинга**

Исследуя закономерности развития европейской интеллектуальной культуры на рубеже XVIII–XIX столетий в их взаимосвязи с духовной традицией,

казанский философ-теист В.А. Снегирев оставляет за скобками чисто религиозные проявления мистицизма, развивавшиеся на основе протестантских учений и ещё не утратившие окончательно христианской эсхатологии, и обращается к так называемому месмеризму, лежащему в основе всех главнейших проявлений мистицизма XIX в. [11].

Рассмотрев предметно, каким образом частное открытие в области медицинской практики может привести к формированию довольно широкого по своему составу, но в общем смысле маргинального общественного движения, объединённого мистическими ожиданиями, сообразующимися с духом революционной эпохи, Снегирев исследует этапы доктринального развития от месмеризма к спиритизму как мировоззренческого базиса в новоевропейской философской и научной традиции.

По сравнению с католической Францией, где месмеризм был воспринят в большей степени стихийно и практически, но концептуально не продвинулся далее утилитарных рационалистических спекуляций, в Германии философ-теист находит ещё более глубокие предпосылки для развития реакции на идеи XVIII столетия. «Веруя, протестант не перестаёт умствовать и созидать себе воззрения по своему вкусу», – замечает исследователь. По его мнению, христианство в форме протестантизма, лишённое необходимых основ, «не имеет средств сковать заблуждающуюся мысль» [11, с. 288]. Отсюда, по Снегиреву, проистекают особенности поэтапного развития месмеризма на германской интеллектуальной почве главным образом в

сторону его мистического направления.

«Переход материалистического месмеризма в мистику» Снегирев в первую очередь связывает с именем авторитетного шведского учёного, математика и механика Эммануила Сведенборга (1688–1772), широко прославившегося за пределами своей страны, в том числе и в Германии, в качестве пророка и духовидца [9; 11, с. 289]. Жидкости Месмера и явления сомнамбулизма сведенборгиане легко интерпретировали как данные непосредственного опыта духовных откровений своего пророка. С другой стороны, идеи сведенборгианства германскими месмеристами были освобождены от религиозно-реформаторских тенденций и облечены в квазинаучную форму. Снегирев трактует эти влияния как взаимный обмен [11, с. 289].

Пример такого синтеза достаточно наглядно представлен в концепции немецкого писателя, теософа, врача, причислявшего себя к религиозно-пиетистскому толку “тихих”, Иоганна Генриха Юнга-Штиллинга (1740–1817). По свидетельству Снегирева, в работе Юнга “*Theorie der Geisterkunde*”¹ «мистический месмеризм впервые является в некоторой системе» [11, с. 291]. Принципиальная новизна этого подхода состоит в том, что, как пишет казанский философ, Юнг Штилинг, исправляя «главную ошибку Сведенборга», и не думает сомневаться в реальности его откровений, с той лишь

разницей, что «духовидение для него не дар Божий, но особого рода естественный опыт – восприятие высшего порядка» [11, с. 292]. Свою концепцию Юнг излагает не как предположение, а как “чистое знание”, “несомненную истину”, «следующие из магнетических опытов» [11, с. 294].

Душа человеческая, по мнению Г. Юнга Штилинг, есть не что иное, как «вечное и нераздельное единение светового эфирного начала и духа», она как «будущий гражданин духовного царства изгнана в животное тело и связанная с ним посредством нервов ... ради своего ... усовершенствования» [11, с. 292, 293]. В соответствии с этим антропологическим концептом эфирное начало трактуется как “самая тончайшая материя”, которая, объединяя электричество, магнетизм и свет, наполняет собой мозг и нервы, в конечном итоге нераздельно соединяется с “разумно-мыслящим существом” – “искрой Божества”, иначе “бессмертным духом”, привходящим в человека из мира духовного [11, с. 293]. Снегирев замечает, что, строя свою «оригинальную антропологию и психологию», Юнг Штилинг не обосновывает её какими-либо общими воззрениями на Вселенную: «Он хочет быть истинным христианином и ортодоксальным протестантом», поэтому, «не останавливаясь на вопросе, откуда и как приходит дух в мозг и нервы человека и в какой форме существует до воплощения и облечения в эфирное тело, прямо отрицает душепереселение» [11, с. 296]. По Юнгу Штилингу, «раз освободившись от земных уз, душа человеческая никогда в них не возвратится: она продолжает своё развитие и совершенствование в мире

¹ Дословно «Теория духовной науки». Работа была переименована переводчиком А.Ф. Лабзиным, чтобы избежать доносов Юнг-Штилинг И.Г. «Приключения по смерти»: в 3 ч. Репринт. изд. СПб.: Альфарет, 2010.

духов, путешествует по планетам и мирам, учится, укрепляется в борьбе и постепенно достигает цели своего бытия» [11, с. 296]. С нашей точки зрения, по сравнению с предшествующей спиритуалистической концепцией Шарделя («*Esquisse de la nature humaine expliquée par le magnetisme animale*»)¹, связанной с представлением о двухчастном строении души, мистический элемент в антропологии Юнга Штиллинга представлен более развёрнуто. Концепции Шарделя и Юнга Штиллинга, знаменуя собой определённые этапы доктринального оформления идеологии месмеризма, не поднимаются выше пантеистических натурфилософских представлений. Вероятно, по этой причине неоднократные попытки месмеристов-практиков уничтожить предубеждения, связанные с теорией животного магнетизма, и получить научное признание в Германии (1874) и во Франции встречали последовательный отпор со стороны медицинских факультетов и национальных академий. Снегирев ссылается на следующий факт: комиссия, повторно сформированная Французской академией наук, работавшая с 1826 по 1831 гг., выносит окончательный вердикт о несостоятельности теории магнитной жидкости [11, с. 288].

**Критицизм Канта как повод
к “спасению” метафизики и религии:
переход к философскому этапу в
развитии германской традиции
мистического месмеризма**

В качестве следующего этапа Снегирев рассматривает трансформацию этой первоначальной незавершённой

формы, где на первый план выступает своеобразный сверхчувственный эмпиризм, в целостное мирозерцание, которое состоялось «на почве знаменитой идеалистической философии, точнее объективного идеализма» [11, с. 296]. Как отмечает Снегирев, критицизм Иммануила Канта (1724–1804), несмотря на свою враждебность по отношению к поверхностному рационализму XVIII в., остался, по сути, невостребованным. По мнению Снегирева, Кант “был слишком рационалистичен”: изгнав всё таинственное из мира, по крайней мере, из области человеческого познания и опыта, тем самым, с точки зрения казанского теиста, Кант разрушил “задушевные верования” человека [11, с. 296]. Попытка воссоздания их в области практического разума характеризуется Снегиревым как “чисто формальная”, даже “насильственная” [11, с. 297]. Как считает исследователь, вместе с метафизическими сущностями и вещами в себе Кант “лишил разумных оснований” веру в субстанциональность души, в сверхчувственный мир, веру в Бога [11, с. 297]. Но с этой мыслью казанского философа можно согласиться лишь отчасти – в её концептуальной составляющей. С нашей точки зрения, решая главным образом задачу отстоять строгость философской мысли как таковой, Снегирев существенно недооценивает Канта, продолжателем которого он, по существу, является. Как указывают современные исследователи, противостояние идеям сведенборгианства потребовало в своё время от родоначальника классической философии не только интеллектуальных усилий, но в определённой степени и решимости [10, с. 33].

¹ Набросок о природе человека с точки зрения животного магнетизма. Париж, 1826.

Кантовское представление о философии как метафизике не вещей, но знания обосновало устанавливающие пределы человеческому разуму на грани эпох, когда «наукokratические» идеи Просвещения в значительной степени были дискредитированы, что в действительности открывало уникальную возможность возрождения исторической преемственности и начала нового подъёма европейской культуры на её органических основаниях как культуры «трагической» [7, с. 128; 17, с. 399]. Исследователи подтверждают, что вплоть до А. Шопенгауэра и Ф. Ницше гениальная критическая философия Канта не находит отклика у современников и достойных продолжателей. Это замечание относится прежде всего к так называемому классическому немецкому идеализму в лице Фихте–Шеллинга–Гегеля, которые, отбросив критический метод, занялись созданием собственных систем, составив, по сути, оппозицию великому кенигсбергскому мыслителю [16, с. 50–74]. На этом основании кантовская философия как самостоятельное явление может быть поставлена между двумя эпохами – эпохой Просвещения, которую Кант завершил, став её самым ярким и последовательным представителем, и эпохой немецкой классики, которую он подготовил, но которая развивалась как течение, альтернативное кантовскому критицизму [17, с. 417]. И.З. Шишков, убедительно рисуя Канта как выдающегося философа Просвещения, поясняет, почему «абсолютный авторитет творцов идеи великого немецкого духа восторжествовал в вильгельмовской Германии над здравым смыслом» [17, с. 399]. Необходимо отметить, что современная характеристика историче-

ской ситуации в Европе рубежа XVIII–XIX столетий в целом совпадает с той, которую даёт казанский философ, поскольку преимущественно связывается с «метаморфозами в духовной жизни Германии», точнее, даже «всеобщим изнеможением духа», которое сопровождалось «отвращением философского интереса от строгого стиля мышления», столь характерного для кантовского философского типа [17, с. 400].

Как одна из наиболее известных тенденций в немецкой философии после Канта современными исследователями прослеживаются «усилия по преобразованию критического идеализма в абсолютный идеализм» [17, с. 400]. Казанский учёный, задолго предвосхищая эти принципиальные выводы, даёт свою оригинальную трактовку поворотных событий, связанных с историей европейского духа. По Снегиреву, сделавшись оппозицией Канту, философия развивается далее, включая основные составляющие, направленные, во-первых, на «спасение религии» (Фридрих Генрих Якоби, 1743–1819) и, во-вторых, на «спасение метафизики» (Иоганн Готлиб Фихте, 1762–1814). Несколько позднее Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг (1775–1854), объединив эти религиозные и метафизические тенденции, по наблюдению Снегирева, «естественно приходит к мистицизму» [11, с. 297].

Путь Шеллинга: от натурфилософии тождества к теософии. Иустинус Кернер как Аллан Кардек немецкого мистического богословия

Как известно, академическая философская традиция была заложена по преимуществу под влиянием вольфи-

анства. Шеллинг в своё время обрёл в России чрезвычайную популярность, но пришёл на отечественную почву в большей степени “стихийно” – через представителей прогрессистского направления. Общий взгляд на шеллигианство с позиции академического теизма выражен современником германского мыслителя профессором Московской духовной академии протоиереем Федором Александровичем Голубинским (1797–1854): «Но выходит, что он от одного берега отстал (и то не совсем), а к другому не пристал. Теперешняя его философия откровения не удовлетворит ни строгим философам, требующим не провещаний оракула, а доказательств, ни любителям и ученикам премудрости божественной» [15, с. 423]. В этом контексте Снегирев прямо постулирует: «Его-то (Шеллинга – В.Б.) учение, пользовавшееся в своё время огромным влиянием, и даёт опору и связующее начало мистическому месмеризму, с которым оно состоит в самой тесной связи» [11, с. 297]. В подтверждение своего тезиса казанский исследователь приводит оригинальные цитаты: «Если нужно представить, говорит Шеллинг, – внутреннюю связь всего объединенного, вечное – во временном, целостность – в раздельности, то выражением этого служит магнетизм» [11, с. 297]. Снегирев подчёркивает, что, признавая закон полярности универсальным принципом существования, Шеллинг рассматривает магнетизм, силу тяжести, электрические и химические эффекты в качестве моментов одной “первосилы”, названной им “душою мира”, “душою природы” [11, с. 298].

Ученик Шеллинга, знаменитый натуралист Лоренц Окен (1779–1851)

рассуждает, что не только душа мира, но вообще сам абсолютный дух и начало всего сущего не что иное, как «расчлененная жидкость Месмера, каждая часть которой имеет самостоятельное бытие» [11, с. 298]. Снегирев прослеживает, как “натурфилософия тождества” Шеллинга трансформируется в теософию, согласно которой человеческая душа трактуется как падший дух, стремящийся погрузиться в абсолютный; «во сне и в других бессознательных состояниях он бывает ближе к цели своего бытия, чем в бодрственном» [11, с. 299].

Исследователь В.В. Кожинлов достаточно подробно характеризует основные черты эпохи, связанной со становлением немецкого самосознания и немецкой государственности, своим происхождением во многом обязанной интеллектуальной элите, посвятившей себя осуществлению «дела всего человечества» и сосредоточившейся главным образом в Мюнхене, где в это время «плодотворно действовали Баварская Академия наук, Университет, Академия художеств» [5]. Снегирев даёт собственную трактовку событий, уже ставших достоянием истории. По его мнению, под влиянием Шеллинга и его ближайших последователей – уже упомянутого нами учёного-натурфилософа Окена, Готтхильфа Генриха Шуберта (1780–1860) и Франца Баадера (1765–1841), – «которые и сами были отчасти магнетизёрами», работали «магнетизёры-специалисты», которые развили пневматологию Юнга-Штиллинга и дали ей философскую основу [11, с. 302]. В их числе Снегиревым особо упоминается Иустинус Кернер (1786–1862) – врач по образованию, один из представителей консерватив-

ной школы немецкого романтизма, автор бестселлера «Ясновидящая из Префорста» (1829), который на протяжении всей своей жизни при помощи магнетизма и сомнамбул занимался изучением тайны духовного мира «и есть, по сути, Аллан Кардек немецкого мистического магнетизма» [11, с. 302].

Религия духов, опытная религия XIX в., делает попытку заменить собой философию и прежнюю откровенную традицию, оставив от неё только нравственное учение. Усилиями деятельных пропагандистов эта идеология нашла широкую поддержку и быстро распространилась в Европе, а именно, как указывает Снегирев, в Германии, Англии, особенно во Франции, а также в Америке. Огромное количество книг и журналов, рассчитанное на широкий круг читателей, подогревало интерес и ожидание «переворота духовной и умственной жизни» целых континентов. Завершая этот раздел своего исследования, Снегирев подводит итог, что, таким образом, реакция против рационализма XVIII в., достигнув крайних пределов, «перешла отчасти в то, против чего была направлена» [11, с. 315].

С нашей точки зрения, появление новых религиозных движений в эпоху постклассицизма в общем смысле необходимо рассматривать не просто как религиозный ренессанс, реакцию ортодоксально настроенных слоёв общества на предшествующий этап, связанный с рационализацией и секуляризацией разнообразных форм общественной жизни и, главное, массового сознания в эпоху Просвещения, а как системное проявление необходимости удовлетворения насущных потребностей духовно-нравственной природы человека в уже принципиаль-

но новых исторических условиях, когда определяющим фактором в смысле пользы и блага формально выступает не богооткровенная истина, воплощающая единство и тождественная сама в себе в силу догматических предпосылок, а постоянно меняющееся, и по своему существу, в принципе, индифферентное к морально-нравственным идеалам дискурсивно-фрагментарное знание, которое даже в новой системе отношений не может вполне восприниматься как самоцель, а только как средство. Но ясное понимание происходящего на самом деле доступно многим. Снегирев приводит в пример кантовский критицизм как попытку на рациональном уровне примирить традиционную веру и знание, ведь именно такой подход, как кажется, наиболее согласуется с европейской культурной традицией. Но эта попытка, очевидно, обречена на неудачу, поскольку общественное сознание безотносительно даже сословной принадлежности, будучи затронуто харизматическим движением, несущим новую духовную реальность, становится неспособным к подобной интеллектуальной рецепции. Таким образом, религиозная потребность вновь и вновь заявляет о себе и с необходимостью предполагает появление квазирелигиозных форм духовной жизни, опирающихся ближайшим образом на философию и науку, поскольку именно они генетически, институционально и функционально обусловлены ортодоксальной традицией. Притом секуляризация общественного сознания предполагает главным образом уход от традиции, связанной с откровением, и антиклерикализм по отношению к институтам церкви. Тогда как квазирелигиозность

как вторичное явление, производное в общем смысле конкретной исторической ситуации, призванная исполнять компенсирующие функции в условиях, когда откровенная традиция уже упразднена, в виде следующей регрессивной формы непротиворечиво укладывается в мейнстрим исторического процесса, базисом которого продолжает оставаться именно духовная составляющая.

Заключение

На самом деле итоги, отражающие общие начала и закономерности развития европейской философской традиции в эпоху её наибольшего расцвета (XVIII–XIX в.) как базовой формы общественного сознания, пришедшей на смену традиционной религиозности, осмыслены теми, кто, безусловно, являются её наиболее выдающимися основоположниками и продолжателями. Ставший хрестоматийным пример, связанный с перманентной ситуацией, метко обозначенной Иммануилом Кантом как “скандал в философии”. Немецкий философ, психолог и психиатр, один из основных представителей экзистенциализма Карл Теодор Ясперс (1883–1969) подчёркивал, что интеллектуальные усилия лучших представителей человечества, продолжавшиеся на протяжении тысячелетий, так и не привели к выработке сколь-нибудь универсальной системы положений, которые бы стали общезначимыми [18, с. 9]. В своё время, а именно в 1929 г. в Париже, основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль (1859–1938) по этому поводу писал следующее: «Раздробленность современной философии и её бесплодные усилия собраться за-

ставляют нас задуматься. С середины прошлого столетия упадок западной философии по сравнению с предшествующими временами неоспорим. В постановке цели, в проблематике и методе это единство утрачено. Когда с началом Нового времени религиозная вера стала все более вырождаться в безжизненную условность, интеллектуальное человечество укрепилось в новой великой вере – в веру в автономную философию и науку. Научные усмотрения должны были освещаться и вести за собой всю человеческую культуру, придавая ей тем самым новую автономную форму. Между тем, однако, и эта вера утратила свою подлинность и свежесть. И не без причин. Вместо единой живой философии мы имеем выходящий из берегов, но почти бессвязный поток философской литературы. ... Хотя у нас проводятся ещё философские конгрессы, на них, к сожалению, собираются философы, но не философии. Им недостаёт единого духовного пространства, в котором они могли бы сосуществовать, воздействовать друг на друга» [3, с. 54, 55].

Выводы

Проведённый с точки зрения традиции казанского академического теизма анализ месмеризма как базового концепта, положенного в основание процесса становления западноевропейской классической философии на рубеже XVIII–XIX столетий, позволяет сделать следующие обобщающие выводы.

Критически, исчерпывающе и обоснованно интерпретируя феномены интеллектуальной и духовной жизни, характерные для западной культу-

ры на переломе эпох, В.А. Снегирев в своём исследовании «Спиритизм как религиозно-философская доктрина» опирается на философско-исторический метод, заложенный его предшественниками и предопределивший в целом своеобразие стиля научного мышления казанской религиозно-философской традиции. В силу выбранной учёным методологической установки его не слишком объёмный труд, к сожалению, так и оставшийся незавершённым, предстаёт как фундаментальный по своему замыслу и по форме реализации.

Драматичность мышления Снегирева связана с его интуицией как частью методологической парадигмы, которая, несмотря на очевидную с точки зрения учёного-теиста парадоксальность ситуации, позволяла ему предчувствовать очевидное грядущее торжество материализма как универсальной мировоззренческой платформы, объединяющей такие формы религиозности, как деизм, пантеизм, спиритизм.

Впрочем, казанский исследователь не фиксирует этой очевидной связи, впадая тем самым в кажущееся противоречие относительно итогов исторического процесса, связанного с поэтапной сменой типов религиозности – от ортодоксального к религии духов.

Снегирев представляет следующие особенности развития месмеризма “на германской почве”. Во-первых, взаимный обмен идеями между “учёными месмеристами” и многочисленными последователями шведского учёного-мистика Сведенборга. В результате этого синтеза реформаторско-религиозные идеи свиденборгианства заменяются квазинаучными подходами,

таким образом, по Снегиреву, формируется первое систематическое учение месмеризма, нашедшее своё выражение в концепции Юнга-Штиллинга, трактующей откровение как особого рода естественный опыт, восприятие высшего порядка. Как итог, в протестантской Германии, где христианская традиция не полагала ограничений для “заблуждений разума”, “духовидение” легализуется как “сверхчувственный эмпиризм”.

В качестве следующей особенности германской традиции мистического месмеризма Снегирев прослеживает трансформацию этой первоначальной незавершённой формы в целостное мирозерцание, вошедшее в мировую историю философии как объективный идеализм.

В определении содержания и внутренней логики процесса становления немецкой классической философии академический теизм в лице казанского мыслителя во многом предвосхищает интуиции современных исследователей. Во-первых, ключевая в смысле исторической значимости фигура “кенигсбергского отшельника” как учёного-философа, носителя универсальной рациональности в её идеальном для европейского типа выражении, последовательно отразившей своеобразие и непротиворечивое единство содержания научной, философской и религиозной истин. Во-вторых, Снегирев отмечает отсутствие ближайшей преемственности в кантовской традиции. Как строгая научная концепция кантовский критицизм не находит понимания и отклика в умах и сердцах современников. В-третьих, следующее за Кантом поколение философов, формально заявляя о своей привер-

женности к авторитету, работает над реализацией конъюнктурного проекта по систематическому обоснованию альтернативной идеологии, а именно широко востребованного месмеризма-спиритизма.

Антропологический поворот в европейской философии начала XIX в., по Снегиреву, не совпадает по своему содержанию с христианской традицией, поскольку предметом философии становится человек секулярный – уже утративший своё богоподобие, но мнящий опереться на шатающийся разум. Утрата абсолютных критериев добра и зла предопределяет в дальнейшем необходимость философского осмысления грядущей эпохи постгуманизма и трансгуманизма.

По мнению Снегирева, наука, отрекаясь от библейской модели мира, на современном ему этапе делает попытку обосновать свою собственную метафизику и выстраивается в квазирелигиозный концепт, миссия которого, по преимуществу, – узурпация права на истину и декларация необходимости спасения своими собственными силами. С этого момента представляется возможным говорить о возникновении традиции лженауки или пара-

науки как таковой. С данным фактом в исторической перспективе связаны последующий инерционный характер развития естествознания и нарастающее доминирование технологического прогресса.

Имплицитно связывая между собой историю месмеризма и европейской философской традиции, Снегирев полагает, что именно месмеризм как новейшая форма “западноевропейской алхимии”, развиваясь на протяжении полувека, постепенно сосредотачивает вокруг себя все мистические элементы эпохи, её наиболее высокообразованных представителей и в конечном итоге предопределяет содержание и судьбы европейской культуры в её наиболее характерных и выразительных чертах.

Таким образом, завершившаяся к середине XIX в. подмена метафизических оснований, объекта исследований, ложные цели и задачи при игнорировании необходимых пограничных критериев в ближайшей исторической перспективе предполагают трансформацию от науки к лженауке, от философии к агностицизму, от личности к индивиду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайденок П.П. История новоевропейской философии в её связи с наукой: учеб. пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 456 с.
2. Гегель Г.В. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993. 350 с.
3. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д.В. Складнева; науч. ред. Я.А. Слинин. СПб.: Наука: Ювента, 1998. 315 с.
4. Журавский А.В. Казанская духовная академия на переломе эпох, 1884–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 301 с.
5. Кожин В.В. Пророк в своем отечестве. Федор Тютчев – Россия век XIX. Германия. М.: Алгоритм, 2001. 416 с.
6. Коцюба В.И. Духовно-академическая философия XIX столетия в немецкой историко-философской науке XX в. // Вопросы философии. 2017. № 2. С. 117–127.

7. Ницше Фр. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // Ницше Фр. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47–157.
8. Пищун С.В., Гунькин И.В., Пинчук В.Ю., Сахатский А.Г. Православный философский теизм (XIX – начала XX веков): монография. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2006. 196 с.
9. Розин В.М. Демаркация науки и религии. Анализ учения и творчества Эмануэля Сведенборга. М.: ЛКИ, 2007. 168 с.
10. Румянцева Т.Г. Работа И. Канта «Грёзы духовидца, проявленные грезами метафизики» и её значение для становления нового типа метафизики // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2012. № 1. С. 33–37.
11. Снегирев В.А. Спиритизм как религиозно-философская доктрина // Православный собеседник. 1871. Ч. 1. С. 279–316.
12. Соловьев А.П. Философские исследования в научно-богословском журнале Казанской духовной академии «Православный собеседник» (1855–1918) // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 252–275.
13. Хрисанф (Ретивцев), архим. Взгляд на мнение новейших рационалистов о существе религии // Православный собеседник. 1860. Т. III. С. 162–195.
14. Шабанова Ю.А. Мистический аспект в антропологии Эдит Штайн: от феноменологии к томизму // Антропологічні виміри філософських досліджень. 2016. № 10. С. 107–120.
15. Шеллинг Ф.В.Й. Философия откровения: в 2 т. Т. 2. СПб.: Наука, 2002. 480 с.
16. Шишков И.З. В поисках новой рациональности: философия критического разума. М.: Едиториал УРСС, 2003. 437 с.
17. Шишков И.З. История философии: Реконструкция истории европейской философии через призму теории познания: учеб. пособие. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 848 с.
18. Ясперс К. Введение в философию /под ред. А.А. Михайлова. Минск.: Пропилеи, 2000. 192 с.

REFERENCES

1. Gaidenko P.P. *Istoriya novoevropeiskoi filosofii v ee svyazi s naukoi* [The History of Modern European Philosophy in Its Connection with Science: a textbook for university students]. Moscow, PERCE St. Petersburg, *Universitetskaya kniga* Publ., 2000. 456 p.
2. Hegel G.V. *Lektsii po istorii filosofii. Kn. 1* [Lectures on the History of Philosophy B.1]. St. Petersburg, *Nauka* Publ., 1993. 350 p.
3. Husserl E. *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Meditations]. St. Petersburg, *Nauka* Publ., *Yuventa* Publ., 1998. 315 p.
4. Zhuravsky A.V. *Kazanskaya dukhovnaya akademiya na perelome epokh, 1884–1921 g.: dis. ... kand. ist. nauk* [Kazan Theological Academy at the Turn of the Epochs, 1884–1921.: PhD Thesis in Historical Sciences]. Moscow, 1999. 301 p.
5. Kozhinov V.V. *Prorok v svoem otechestve. Fedor Tyutchev – Rossiya vek XIX. Germaniya* [A Prophet in His Own Country. Fedor Tiutchev – Russia in the 19th century. Germany]. Moscow, *Algoritm* Publ., 2001. 416 p.
6. Kotsyuba V.I. [Spiritual and Academic Philosophy of the 19th century in the German Historical and Philosophical Science of the 19th Century]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2017, no. 2, pp. 117–127.
7. Nietzsche F. [The Birth of Tragedy, or Hellenism and Pessimism]. In: Nietzsche F. *Sochineniya. T. 1* [Compositions. Vol. 1]. Moscow, *Mysl'* Publ., 1990. 830 p.

8. Pishun SV, Gunkin I.V., Pinchuk V.Yu., Sakhatsky A.G. *Pravoslavnyy filosofskiy teizm (XIX – nachala XX vekov)* [Orthodox Philosophical Theism (19th – early 20th centuries)]. Vladivostok, Publishing House of the Far Eastern Federal University Publ., 2006. 196 p.
9. Rozin V.M. *Demarkatsiya nauki i religii. Analiz ucheniya i tvorchestva Emanuelya Svedenborga* [The Demarcation of Science and Religion. The Study of the teachings and works of Emanuel Swedenborg]. Moscow, LKI Publ., 2007. 168 p.
10. Rumyantseva T.G. [I. Kant's work "Dreams of a Spirit-Seer Illustrated by Dreams of Metaphysics" and Its Significance for the Emergence of a New Type of Metaphysics]. In: *Viesnik Bielaruskaha dziaržajna univiersiteta. Sieryja 3, Historyja. Ekanomika. Prava* [Bulletin of the Belarusian State University. Series 3: History. Economics. Law], 2012, no. 1, pp. 33–37.
11. Snegirev V.A. [Spiritualism as a Religious and Philosophical Doctrine]. In: *Pravoslavnyi sobesednik* [The Orthodox Interlocutor], 1871, p. 1, pp. 279–316.
12. Solov'ev A.P. [Philosophical Studies in Scientific and Theological Magazine of the Kazan Theological Academy "The Orthodox Interlocutor" (1855–1918)]. In: *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2017, no. 2, pp. 252–275.
13. Khrisanf (Retivtsev), arkhim. [A Glance at the Latest Opinion of Rationalists about the Merits of Religion]. In: *Pravoslavnyi sobesednik* [The Orthodox Interlocutor], 1860, vol. III, pp. 162–195.
14. Shabanova Yu.A. [The Mystical Aspect of Anthropology in Edith Stein: from Phenomenology to Tomita]. In: *Antropologichni vimiri filosofskikh doslidzhen'*, [] 2016, no. 10, pp. 107–120.
15. Schelling F.V. *Filosofiya otkroveniia. T. 2* [Philosophy of Revelation. Vol. 2]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 480 p.
16. Shishkov I.Z. *V poiskakh novoi ratsional'nosti: filosofiya kriticheskogo razuma* [In Search of Rationality: Critical Philosophy of Mind]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 437 p.
17. Shishkov I.Z. *Istoriya filosofii: Rekonstruktsiya istorii evropeiskoi filosofii cherez prizmu teorii poznaniia* [History of Philosophy: Reconstruction of the History of European Philosophy through the Prism of the Theory of Knowledge]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2013. 848 p.
18. Jaspers K. *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to Philosophy]. Minsk., Propilei Publ., 2000. 192 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондаренко Виктория Викторовна – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник, доцент департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета; e-mail: bondarenko62@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktoria V. Bondarenko – PhD in Medicine, senior researcher, associate professor at the Department of Philosophy and Religious Studies at the School of Arts and Humanities of the Far Eastern Federal University; e-mail: bondarenko62@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бондаренко В.В. Месмеризм в интерпретации казанской традиции академического теизма как парадигмальное основание новейшей формы мистицизма XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 109–123.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-109-123

FOR CITATION

Bondarenko V.V. Mesmerism as a Paradigm Foundation of a New Form of the 19th Century Mysticism in the Kazan Tradition of Academic Theism. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 2, pp. 109–123.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-109-123

УДК 141.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-124-133

ХОЛИЗМ И СОЛИДАРНОСТЬ В ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДАХ В.Ф. ОДОЕВСКОГО

Ишутин А.А.*Московский финансово-промышленный университет «Синергия»**105318, г. Москва, ул. Измайловский вал, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются философские взгляды русского писателя и мыслителя Владимира Фёдоровича Одоевского. В научный оборот вводится термин «онтологический холизм» для обозначения его мировоззрения. Раскрывается связь холизма с органицизмом, искусством и поэзией в контексте взглядов мыслителя. Делается особый акцент на то, что, по В.Ф. Одоевскому, раскрытие в себе гармонии и цельности – это основной смысл существования человека, а для реализации этого необходимо понимать связь всего со всем в этом мире. Автор статьи приходит к выводу, что В.Ф. Одоевский не только обозначил острое ощущение целостности в качестве русской мировоззренческой парадигмы, но и сам в существенном смысле определил дальнейший путь развития русской философии именно в этом направлении.

Ключевые слова: холизм, целостность, онтология, абсолют, солидарность, органицизм, всеобщность, единство, искусство, поэзия.

HOLISM AND SOLIDARITY IN V.F. ODOYEVSKY'S PHILOSOPHICAL VIEWS

A. Ishutin*Moscow University for Industry and Finance "Synergy"**2, Izmaylovsky val, Moscow, 105318, Russian Federation*

Abstract. The article considers the philosophic views of the Russian writer and thinker V.F. Odoevsky. The author introduces the concept of 'ontological holism' as defining Odoevsky's worldview. An association between holism and organicism, art and poetry is discovered in the context of Odoevsky's views. It is highlighted that the revelation of harmony and wholeness inside humans is the essential meaning of their existence, and it's necessary to understand the global connections in this world to achieve it. The author comes to the conclusion that V.F. Odoevsky did not only specify a strong feeling of wholeness as the Russian worldview paradigm, but also forecast the further development of the Russian philosophy in this direction.

Key words: holism, wholeness, ontology, absolute, solidarity, organicism, totality, unity, art, poetry.

Русский философ и писатель Владимир Фёдорович Одоевский (1803–1869) оставил существенное литературно-философское наследие. В.В. Зеньковский считает, что В.Ф. Одоевскому следует отвести весьма значительное место в раз-

витии русской философии [1, с. 140]. И представляется, что объективная оценка его творчества нас ждёт в будущем.

Основной стержень размышлений В.Ф. Одоевского – целостность как основное свойство мироздания, всеобщая взаимосвязь явлений и систем. Такой подход к действительности можно обозначить как *онтологический холизм*. «В мире всё связано одно с другим» [13, с. 61], – так лаконично характеризует взгляды мыслителя П.Н. Сакулин, специалист по творчеству В.Ф. Одоевского. Восприятие мироздания как единого целого, связанного всеобщей зависимостью, составляет основу холистского мировоззрения В.Ф. Одоевского. «В мире, – пишет он, – как в доброй самопрядильной фабрике, одно колесо цепляется за другое» [11, с. 297]. Из идеи всеобщей взаимосвязи вытекает и ответственность за каждый свой поступок перед всеми людьми. Это почти экстатическое чувство ответственности было присуще русскому мыслителю в крайней степени.

По В.Ф. Одоевскому, в основе мироздания лежит Абсолют (он даёт ему русское название *Безуслов*). В Абсолюте и содержится «сущность всех предметов» [13, с. 157], он является квинтэссенцией всего бытия, неиссякаемым источником живительной силы, основой органического мира. В.Ф. Одоевский считает, что Вся вселенная носит на себе печать божества, а цель человека, по его мнению, должна заключаться в стремлении уподобиться этому божеству [10, с. 162–164, 171]. Именно этому и должны быть подчинены искусство, нравственность и философия. Одоевский придержи-

вался идеи развития в единстве.

Идея органицизма и всеобщей одушевлённости занимала очень важное место в контексте воззрений В.Ф. Одоевского [3; 4]. Вызывает интерес его определение *организма*: «это несколько начал, или стихий, действующих с определённой целью» [11, с. 296]. Органическая структура проходит сквозь всё мироздание вообще и человеческое общество в частности. В.Ф. Одоевский часто критически отзывается о современной ему физике потому, что она выносит за скобки органическую сущность мироздания, и это игнорирование заметно, в частности, на примере закона всемирного тяготения. Открыта только «мёртвая» сторона этого закона – падение, а вот сила, которая способствует образованию тела, забыта физиками. Русский философ называет эту силу *живым тяготением*. Она-то и противостоит хаосу. Во Вселенной есть гармония, потому что живые массы именно «хотят» притягиваться друг к другу [11, с. 67, 68]. В этом смысле органицизм является условием целостности мироздания.

В шуточной форме идея одушевлённости всего окружающего выражена в небольшом произведении В.Ф. Одоевского под названием «Просто сказка», в котором все бытовые предметы, находящиеся в комнате, оживают и начинают спорить друг с другом, кто из них главнее. «Перо упорствует, извивается между пальцами, словно змея, растёт и получает какую-то сердитую физиогномию. Вот из узкого отверстия слышится жалостный стон: ... «Ты сжимаешь мои ребра, ты точишь плоть мою – я живу и страдаю»» [11, с. 618].

В.Ф. Одоевский полагает, что человек – это организм, составленный из

элементов, которые располагаются в необходимом месте и в необходимое время. Если же между людьми возникает дружба или любовь, возникает новый организм, и в нём элементы первоначальных организмов сливаются и перемешиваются уже по-новому. При присовокуплении третьего организма происходит новое взаимовлияние между составными элементами, и так вплоть до целого общества, которое есть также новый составной организм [11, с. 297, 298].

В.Ф. Одоевский высказывает любопытную точку зрения, что человека как некое единство “скрепляют” не только простые материальные тела атомистической химии, но четыре основных, высших элемента, а именно четыре потребности: истины, любви, благоговения и силы (или власти). От их различных соединений, от главенства одного над другим, от застоя того или другого происходит всё многообразие ближайших элементов [11, с. 298].

Особенность человека заключается в том, что он в состоянии соединять вышеуказанные четыре элемента в нужной ему пропорции. Этот особый мир, который личность способна сотворить, и называется как раз *искусством, поэзией*. Из этого мира человек может извлекать чистые символы того, что происходит внутри и вовне. Однако иногда вмешивается психология художника, поэта или музыканта, которая часто вносит некую несоразмерность между стихиями, и от этой несоразмерности порой сильно психологически страдает сам автор. Недаром В.Ф. Одоевский так интересуется психологией творца, в первую очередь музыканта, недаром в романе «Русские ночи» есть целые главы, посвящённые

жизни Баха и Бетховена, и недаром русского мыслителя считают одним из родоначальников философии музыки [2, с. 6].

Раскрытие внутри себя целостности и гармонии – это и есть смысл жизни человека и цель его внутреннего совершенствования. В процессе внутреннего поиска человек становится на путь преодоления первородного греха Адама и своей повреждённой природы. Идея совместить христианскую тематику первородного греха и мистицизм распространилась на русской почве в кругах мистиков-масонов ещё в XVIII в. (М.М. Сперанский, А.Ф. Лабзин и т. д.), но дискурс целостности в данном контексте – это вклад уже В.Ф. Одоевского. Он считал, что в эстетическом прогрессе отдельного человека символически и пророчески предначертана будущая жизнь, которая вернёт ту целостность, что была до грехопадения [10, с. 156–193].

Сквозь призму цельного знания В.Ф. Одоевский рассматривает и знание научное. Он обращает внимание на тот факт, что во всём значительном каталоге наук нет ни одной, которая бы давала понятие о *цельности* предмета: «Возьмите человека, животное, растение, малейшую пылинку; науки разорвали их на части: кому досталось их химическое значение, кому идеальное, кому математическое и пр., и эти искусственно разорванные члены названы специальностями» [11, с. 311, 312]. Собственно, все науки являются не более чем частями одного стройного организма, той интегральной науки, которая живёт изначально в душе человека.

Искусственность деления на науки В.Ф. Одоевский доказывает на при-

мере детской психологии. Мыслитель тонко подмечает, что дети воспринимают предмет только целиком и никак иначе. Им совершенно неинтересно, если лошадь, например, рассматривается только с точки зрения анатомии или только с точки зрения химии, или физики, или сельского хозяйства, или эстетики. Цельность, т. е. никаких разорванных частей, – вот главная особенность детского восприятия мира [6].

Итак, наиважнейшим проектом В.Ф. Одоевский и его друзья-любомудры считали познание живой связи всех наук. В романе «Русские ночи» мыслитель пишет, что он и его окружение верили в возможность такой абсолютной теории, посредством которой можно было бы строить все явления природы [11, с. 310]. Поиском этой общей науки (*полного знания*) и был он увлечён. «Я уверен, что человечество погибнет, если не соединить воедино всех знаний, раздробленных по частям, и оттого потерявших своё значение» [13, с. 61], – размышляет герой философской новеллы «Земная комедия или Сегелиель». Такая *полная наука* не может быть построена на чистом эмпиризме, на использовании отдельных опытных фактов вне их связи с *целым*, и поэтому нет труда бессмысленнее, чем «упражнения в одних опытных знаниях “без высшего на них воззрения”» [8, с. 84]. Человек должен начать с самого себя, попытаться создать эту безымянную науку хотя бы для круга своей деятельности и тем самым «найти точку соединения между венами и артериями человеческого разума» [11, с. 312].

Возвышению человеческого духа в значительной степени способствует

наука наук *любомудрие*. Именно оно должно стать живой связью всех наук (более того, все науки суть не более чем части, члены этой единой сверхнауки), именно оно способно познать Целое, Сущее и увидеть “ясную, всеохватывающую аксиому жизни”. Узреть некую вещь – значит узреть в ней самого себя. Между духом и предметом существуют родство и соразмерность. Познание едино, но его проявления и формы множественны, также и дух един, а предметы, в которых он воспроизводится, разнообразны. Таким образом, познание есть соединение познаваемого с познающим [7; 15].

Воплощённым примером такого цельного познания В.Ф. Одоевский считал М.В. Ломоносова – самородного представителя многосторонней славянской мысли – поэта, химика, физика, грамматика, историка, металлурга, астронома и творца мозаичных полотен в одном лице. Причём во всех отраслях этот гений продвинул науку далеко вперёд. В.Ф. Одоевский полагал, что именно М.В. Ломоносов открыл в глубине своего духа тот таинственный метод, который познаёт не разорванные части природы, а все её части в совокупности и гармонично включает внутрь себя все разнообразные знания. Тогда имеет смысл говорить о полноте жизни и предвкушать приближение той эпохи, когда «будет одна наука и один учитель, и с восторгом произнесёте слова, не замеченные вами в одной старой книге: “человек есть стройная молитва земли”» [11, с. 304].

В предисловии к не вышедшему в свет второму изданию собрания сочинений В.Ф. Одоевский писал: «Пока ещё не образовалась наука общече-

ловеческая ... я не дам другого ответа, кроме “*mea culpa*” (моя вина)» [11, с. 153]. Впрочем, русский мыслитель такой ответ дать попытался. Его цель – выстроить контуры *новой науки*, которая преодолет специализацию и охватит природу как живое единство.

В фантастическом романе «4338-й год» [11, с. 487–521], изображающем Россию XLIV в., В.Ф. Одоевский описал целый процесс, как можно преобразовать науку, преодолеть её раздробленность, поверхностность, односторонний подход и приблизить её к цельному знанию. Согласно этому роману, в V тысячелетии н. э. раздробление наук достигает своего апогея. Из-за этого возникают первые попытки соединения всех наук в одну. Эти попытки оказываются тщетными, т. к. они основываются на упрощении методов или же на очередной классификации. И тогда один из государей – «крупнейший поэт своего времени» – придумывает новое социальное устройство, которое и становится гениальной реформой науки будущего. Все разрозненные учёные сословия (историков, географов, физиков и т. д.) подчиняются поэтам и философам. Причём эти сословия соединяются друг с другом не только учёной, но и гражданской связью. К каждому удостоенному звания поэта или философа официально прикрепляются несколько историков, физиков, лингвистов и других специалистов. В ведении историков находятся, в свою очередь, хронологи и антиквари, в ведении физиков – минерологи и металлурги и т. д. Внизу этой социальной лестницы находятся простые испытатели, которые занимаются грубыми опытами. «От такого распределения занятий все вы-

игрывают, – конкретизирует В.Ф. Одоевский устами своего персонажа, – недостающее знание одному пополнится другим, какое-либо изыскание производится в одно время со всех различных сторон; поэт не отвлекается от своего вдохновения, философ от своего мышления – материальную работу» [11, с. 516]. Такая иерархическая по сути реформа, согласно этому произведению, приведёт Россию к блистательным, сверхъестественным успехам и в социальной, и в научной сферах.

Любопытно отметить, что предложенная в романе «4338-й год» модель научного познания в некоторых аспектах предваряет *аналитический холизм*, получивший распространение в США в XX в. Речь идёт в первую очередь об американском философе, представителе математической логики Уилларде Куайне (1908–2000), а также Дональде Дэвидсоне (1917–2003), Хилари Патнэме (1926–2016) и Ричарде Рорти (1931–2007). В частности, Уиллард Куайн писал, что холизм объединяет различные «убеждения, гипотезы, теории, и даже когда имеют в виду что-то одно, другие элементы также получают поддержку» [14, с. 264]. Согласно аналитическому холизму американского философа, нельзя рассматривать изолированные предложения вне контекста цельной теории или языковой системы. Проверке в науке подлежит именно цепь взаимосвязанных единством предложений, а не отдельные гипотезы. Этим объясняется устойчивость теории как таковой при столкновении её с опытом, её способность к самокоррекции на основе соглашений учёных.

Разумеется, онтологический холизм В.Ф. Одоевского и аналитический холизм Куайна имеют слишком разные

мировоззренческие основания, однако в представлении о том, что научное сообщество из сторонников различных направлений должно рассматривать какой-либо предмет со всех сторон, они очевидным образом сходятся.

Но вернёмся к взглядам В.Ф. Одоевского. Взаимосвязь всего со всем как основной закон мироздания часто игнорируется на уровне человеческого социума. Русский мыслитель ввёл специальный термин *солидарность*, т. е. некий психологический закон, по которому ни один поступок не пропадает в мире, и ни одно слово, сказанное человеком, не забывается. И слово, и поступок обязательно производят какое-то действие, так что «ответственность соединена с каждым словом, с каждым, по-видимому, незначашим поступком, с каждым движением души человека» [11, с. 416]. *Солидарность* – это своего рода социальный холизм, символизирующий собой идею взаимосвязанности между всеми людьми, идею ответственности каждого перед всеми, идею того, что любой поступок и любая мысль прорастут добром или злом.

В рассказе В.Ф. Одоевского «Живой мертвец» показаны последствия деяний, а чаще просто бездействия обычного, ничем не выдающегося чиновника Василия Кузьмича. Никакого страшного зла он не сотворил, однако следствием его мелких пакостей, увёрток, недосказанностей стали чудовищные страдания очень большого количества людей, многих из которых он даже в глаза не видел. Вдовы, сироты, должники, кредиторы, оклеветанные и сидящие в тюрьме – вот результат сущих “безделиц”, совершённых только одним человеком. «Ведь если судить с благоразумной точки зрения, я

не был выскочкою, не умничал, не лез из кожи, и ровно ничего не делал, – а посмотришь, какие следы оставил по себе! и как чудно всё это зацепляется одно за другое!» [11, с. 438], – удивляется главный герой.

Той же теме, только в ещё более драматическом ракурсе, посвящён рассказ «Косморама». Трагизм сюжета заключается в том, что главный герой Владимир видит то, что не способен видеть “обыкновенный взор”, – сцепление всех событий в историческом процессе. Ему открывается «ужасная, логическая взаимность действия людей» [11, с. 371]. «Малейшие поступки, слова, мысли в течение веков срастались в одно огромное преступление, которого основная причина была совершенно потеряна для современников: ... это преступление пускало новые отрасли и в свою очередь порождало новые центры преступлений» [11, с. 371].

Сам главный герой рассказа В.Ф. Одоевского не мог познать счастья в жизни, потому что видение сути всех вещей выбивало его из колеи привычной, обыденной жизни, а неосторожные его мысли сразу же превращались в новые терзания человечества. В.Ф. Одоевский пытается донести до нас, насколько важны каждая мысль и каждое слово человека, что их влияние простирается очень далеко, что ответственность лежит на душе каждого живого существа и что зло для всего человечества может возникнуть из сердца даже одного индивидуума. «Я понял, что “человек есть мир” – не пустая игра слов, выдуманная для забавы» [11, с. 371].

Идею *солидарности* В.Ф. Одоевский ещё сильнее акцентировал в одном из последних произведений –

статье «Недовольно» (1867). В ней он осуждает пессимистический настрой тех, кто считает бессмысленным какой-либо труд, направленный на благо общества. Одним из таких пессимистов был в то время И.С. Тургенев. Его статья «Довольно» и стала поводом для В.Ф. Одоевского написать статью с противоположным названием. Стоит отметить, что аналогичный пессимистический взгляд выразил примерно в то же время русский поэт Ф.И. Тютчев в своих знаменитых строчках: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» [16, с. 217].

В.Ф. Одоевский был в этом вопросе более чем принципиален. То, что творит каждый человек, вольно или невольно ложится на плечи всем людям; не умирает содеянное, но живёт бесконечной жизнью в других. Мысль, которую породил конкретный человек, проявится если не сразу, то через год, через тысячу лет или даже позже, но обязательно проявится, и предугадывать её последствия, равно как и последствия своего слова человек обязан. «Я привёл в колебание одну струну, – пишет русский мыслитель, – оно не исчезнет, но отзовется в других струнах гармоническим гласовным отдаaniem. Моя жизнь связана с жизнью моих прапрадедов; моё потомство связано с моею жизнью. ... Все мы – круговая порука» [9]. Тут вспоминается гениальный афоризм Козьмы Пруtkова: «От малых причин бывают весьма важные последствия» [12, с. 118]. Полагаем, что В.Ф. Одоевский с удовольствием подписался бы под этой мыслью, т. к. она была полностью созвучна его собственным взглядам.

Говоря о проблеме целостности, В.Ф. Одоевский закономерно подхо-

дит к размышлениям об исторической роли России и русского народа. Мыслитель считает, что именно русский дух отличается целостностью, «всеобъемлющей многосторонностью» [11, с. 304]. Русская *всеобщность*, или *всеобнимаемость*, поможет синтезировать веру, искусство и науку, что является, согласно В.Ф. Одоевскому, основным гносеологическим вектором будущего. С этой задачей «односторонние» европейские нации с их мировоззренческой установкой на *части* вне контекста *целого* и на *признаки* вне контекста *общего* не справляются. Но русские справятся.

Россия не только стала избавителем “тела” Европы, Россия призвана спасти и её “душу”, т. к. русские непричастны к европейским преступлениям. Разрешение тайн человека, залог блаженства Вселенной, таинственная драма самой Западной Европы – всё это таится в глубине русского духа. Многие интеллектуальные европейцы почувствовали эту специфику России, в частности немецкий философ Фридрих Шеллинг. В.Ф. Одоевский так выражает своё понимание будущего России: «Мы струна не настроенная – мы ещё не поняли того звука, который мы должны занимать во всеобщей гармонии. ... Соедини же в себе опытность старца с силою юноши; не щадя сил, выноси сокровища науки из-под колеблющихся развалин Европы. ... В святом триединстве веры, науки и искусства ты найдешь то спокойствие, о котором молились отцы твои. Девятнадцатый век принадлежит России!» [11, с. 253, 254].

Увы, В.Ф. Одоевский оказался чрезмерным оптимистом. В XIX в. русская культура стала культурой мирового

уровня, однако в мировоззренческом плане вторая половина века ознаменовалась на философском фронте победоносным шествием по Европе позитивизма [5], а отнюдь не холизма. Позитивистская идеология как основное направление захлестнула

уже не только англо-французский, но и немецкий культурный ареал. Тем не менее В.Ф. Одоевский оказался совершенно прав, выделив острое ощущение целостности мира (холизм) в качестве русской мировоззренческой парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект: Раритет, 2001. 880 с.
2. Ишутин А.А. Идеи холизма в русской философии. М.: Триада, 2017. 154 с.
3. Ишутин А.А. Некоторые теоретические аспекты холизма как философской позиции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 21–30.
4. Ишутин А.А. Онтологический холизм в философии В.Ф. Одоевского // Доклады Тимирязевской сельскохозяйственной академии: сборник статей. Вып. 286. Ч. 2. М.: Издательство РГАУ-МСХА, 2015. С. 391–393.
5. Матюхин А.В. Естествознание и рождение философии позитивизма // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2017. № 2 (18). С. 48–53.
6. Минченков А.Г. Философия холизма и возможности применения её положений в теории и практике перевода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. Вып. 2. С. 121–130.
7. Одоевский В.Ф. Мистическая Россия: сборник произведений В.Ф. Одоевского с иллюстрациями. М.: А.Д. Варфоломеев, 2016. 128 с.
8. Одоевский В.Ф. Афоризмы любознания // Мнемозина Ч. 4. . М.: Типография Императорского московского театра, 1825. С. 84.
9. Одоевский В.Ф. Недовольно [Электронный ресурс] // Одоевский В.Ф.: [сайт]. URL: <http://odoevskiy.lit-info.ru/odoevskiy/articles/nedovolno.htm> (дата обращения: 30.04.2018).
10. Одоевский В.Ф. Опыт теории изящных искусств с особенным применением оной к музыке // Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_1869_opyt_teorii.shtml (дата обращения: 30.04.2018).
11. Одоевский В.Ф. Русские ночи: роман. Повести. Рассказы. Сказки. М.: Эксмо, 2007. 638 с.
12. Прутков К. Сочинения. М.: Правда, 1986. 416 с.
13. Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. В.Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. Т. 1. Ч. 2. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1913. 481 с.
14. Симонов Д.А. История философии в вопросах и ответах. М.: ТК Велби: Проспект, 2006. 272 с.
15. Талбот М. Голографическая вселенная. Новая теория реальности. М.: София, 2016. 384 с.
16. Тютчев Ф.И. Лирика: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1966. 512 с.
17. Уилбер К. Теория всего. Интегральный подход к бизнесу, политике, науке и духовности. М.: Постум, 2013. 256 с.

REFERENCES

1. Zen'kovsky V.V. *Istoriya russkoi filosofii* [The History of Russian Philosophy]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., Raritet Publ., 2001. 880 p.
2. Ishutin A.A. *Idei kholizma v russkoi filosofii* [The Idea of Holism in Russian Philosophy]. Moscow, Triada Publ., 2017. 154 p.
3. Ishutin A.A. [Some Theoretical Aspects of Holism as a Philosophical Position]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 4, pp. 21–30.
4. Ishutin A.A. [Ontological Holism in the Philosophy of V.F. Odoevsky]. In: *Doklady Timiryazevskoy sel'skokhozyaystvennoy akademii. Vyp. 286. Ch. 2* [Papers of the Timiryazev Agricultural Academy. Vol. 286. P. 2], no. 286, p. 2. Moscow, Publishing House of the Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy, 2015, pp. 391–393.
5. Matyukhin A.V. [Science and the Birth of the Philosophy of Positivism]. In: *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova. Vstuplenie. Put' v nauku* [Bulletin of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov. Introduction. Path to Science], 2017, no. 2 (18), pp. 48–53.
6. Minchenkov A.G. [The Philosophy of Holism and the Possibility of Applying Its Provisions to Theory and Practice of Translation]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistsika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism], 2014, no. 2, pp. 121–130.
7. Odoevsky V.F. *Misticheskaya Rossiya: sbornik proizvedenii V.F. Odoevskogo s illyustratsiyami* [Mystical Russia. The Collected Works of V.F. Odoevsky with Illustrations]. Moscow, A.D. Varfolomeyev Publ., 2016. 128 p.
8. Odoevsky V.F. [Aphorisms of Wisdom]. In: *Mnemozina* Ch. 4 [Mnemosyne P. 4]. Moscow, Printing House of Imperial Moscow Theatre Publ., 1825. pp. 84
9. Odoevsky V.F. [Dissatisfied]. In: *Odoevskii V.F.* [Odoevsky V.F.]. Available at: <http://odoevskiy.lit-info.ru/odoevskiy/articles/nedovolno.htm> (accessed: 30.04.2018).
10. Odoevsky V.F. [The Experience of the Theory of Fine Arts with Particular Application to Music]. In: *Lib.ru*. Available at: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_1869_opyt_teorii.shtml (accessed: 30.04.2018).
11. Odoevsky V.F. *Russkie nochi: roman. Povesti. Rasskazy. Skazki* [Russian Nights: a Novel. Stories. Fairy Tales]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 638 p.
12. Prutkov K. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow, Pravda Publ., 1986. 416 p.
13. Sakulin P.N. *Iz istorii russkogo idealizma. V.F. Odoevskii. Mysliteľ. Pisatel'. T. 1. Ch. 2* [From the History of Russian Idealism. V.F. Odoevsky. Thinker. Writer. Vol. 1. P. 2]. Moscow, Publishing House of M. and S. Sabashnikov, 1913. 481 p.
14. Simonov D.A. *Istoriya filosofii v voprosakh i otvetakh* [The History of Philosophy in Questions and Answers]. Moscow, TK velbi Publ., Prospect Publ., 2006. 272 p.
15. Talbot M. *Golograficheskaya vseennaya. Novaya teoriya real'nosti*. Moscow, Sofiya Publ., 2016. 384 p.
16. Tyutchev F.I. *Lirika. T. 1* [Lyrics. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 512 p.
17. Uilber K. *Teoriya vsego. Integral'nyi podkhod k biznesu, politike, nauke i dukhovnosti* [The Theory of Everything. Integral Approach to Business, Politics, Science and Spirituality]. Moscow, Postum Publ., 2013. 256 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ишутин Александр Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия»;

e-mail: a_ishutin@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Ishutin – PhD in Philology, associate professor at the Department of Philosophy and History, Moscow University for Industry and Finance “Synergy”;

e-mail: a_ishutin@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ишутин А.А. Холизм и солидарность в философских взглядах В.Ф. Одоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 124–133.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-124-133

FOR CITATION

Ishutin A.A. Holism and Solidarity in V.F. Odoyevsky's Philosophical Views. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 2, pp 124–133.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-124-133

УДК17.0

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-134-141

ЭТИКО-ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО РЕЛИГИОЗНОГО РЕНЕССАНСА К. XIX – Н. XX ВВ.

Кондратьева С.Б.*Московский педагогический государственный университет**119435, г. Москва, Малая Пироговская ул., д. 1/1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу философских концепций морали и нравственности в наследии мыслителей русского религиозного ренессанса на рубеже XIX–XX вв. Обосновывается мысль о том, что этическая проблематика в творчестве русских философов носит приоритетный характер. На примере взглядов В.С. Соловьёва, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина и Н.О. Лосского акцентируется внимание на религиозном контексте в освящении проблем морали и нравственности. Автору удалось обновить проблематику, показав, что одним из дискуссионных вопросов является обоснование нравственных ценностей в науке и философской этической мысли. Эта полемика ярко прослеживается в критике В.С. Соловьёвым идей позитивизма, а также в отношении Н.А. Бердяева к морально-нравственным основам социологической мысли. По итогам исследования автором сделан вывод, что в свете поиска путей духовного возрождения России обращение к этическим концепциям русских философов приобретает всё большую актуальность.

Ключевые слова: этика, добро и зло, свобода, нравственная философия, русский религиозный ренессанс.

ETHICAL AND PHILOSOPHICAL HERITAGE OF THE RUSSIAN RELIGIOUS RENAISSANCE AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY

S. Kondratyeva*Moscow State Pedagogical University**1/1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119435, Russian Federation*

Abstract: The article is devoted to the analysis of the philosophical concept of morality and ethics in the works of the thinkers of the Russian Religious Renaissance at the turn of the twentieth century. The article substantiates the idea that for the Russian philosophers ethical problems were of high priority. Thus in the writings of V.S. Soloviev, S.N. Bulgakov, N.A. Berdyayev, I.A. Il'yin and N.O. Lossky the problems of morality and ethics were put in the religious context. The author of the article reveals that one of the controversial issues was the substantiation of moral values in science and philosophical ethical thought. This controversy is clearly evident in V.S. Solovyov's criticism of positivism and N.A. Berdyayev's attitude to the moral foundations of sociological thought. Based on the results of the study, the author concludes that in the light of the search for the ways of Russia's spiritual revival, an appeal to the ethical concepts of Russian philosophers is becoming increasingly relevant.

Key words: ethics, good and evil, freedom, moral philosophy, Russian Religious Renaissance.

Осмысление идей русского религиозного ренессанса невозможно без обращения к духовному наследию прошлого. Проблемы морали и нравственности, идея “духовных скреп” сегодня приобретают всё большую актуальность в свете поиска путей выхода из духовного кризиса. В этой связи идеи русской религиозно-философской мысли начала прошлого столетия не утратили своей актуальности и по-прежнему представляют несомненный интерес для исследователей [6; 7; 11; 13; 16].

Для философии русского ренессанса характерен поиск некоего нравственного идеала, “нового Логоса”. Нравственную философию В.С. Соловьёва в этом смысле можно рассматривать как внутренний анализ, как рефлексию поступков. Идея добра, осуществляемая через сознание, детерминирована совершением доброго поступка как такового, без учёта эмпирических оснований. Подобно И. Канту, утверждавшему, что нравственные императивы должны нести в себе отражение внутреннего опыта человека, Соловьёв провозглашает концепцию “нравственной необходимости”, реализующей себя через идею добра как аксиологической доминанты. Добро синонимично правде, а потому оправдывает своё существование на всём этапе общественного развития. Как подчёркивает С.Л. Франк, каждый человек «от простого богомольца до Достоевского, Толстого и Владимира Соловьёва всегда ищет “правду”; он хочет не только понять мир и жизнь, а стремится постичь главный религиозно-нравственный принцип мироздания,

чтобы преобразить мир, очиститься и спастись» [15, с. 152].

Но возможен ли выход из “нравственного тупика”? Каким образом происходит выбор человека в пользу “богочеловечества”? Для философов русского религиозного ренессанса ответ очевиден. Так, по мнению В.С. Соловьёва, основанием для этого служат два правила – справедливость и милосердие, берущие своё начало в альтруизме. А потому “моральный закон во мне”, предложенный Кантом, находит своё отражение во взглядах русских религиозных мыслителей. Альтруизм, детерминированный состраданием и жалостью к ближнему, выступает в русской религиозной философии в качестве внутренней побудительной потенции к совершению нравственных поступков по отношению к другим людям, к способности признать их права на лучшую жизнь [4; 10; 14]. Как следствие, спасение личности невозможно без обретения духовности, без осознанного творения добра, без любви к ближнему. Провозглашая личность абсолютной ценностью, Н.О. Лосский [12], как и все мыслители его времени, отвергает эгоистическую любовь. Любовь к себе, возведённая до ранга “высшей ценности”, нарушает всю систему моральных императивов, создавая ложные идеалы и возвеличивая человека, уводя от истинного понимания добра и зла.

Тема добра и зла в философии русского ренессанса неотделима от религии, она коренится в ней [8; 9], отсюда и со-весть, как “весть”, приходящая от Всевышнего, от “Источника света”, всегда присутствует в делах человека,

наблюдая за ним. Этическое познание у Н.А. Бердяева несёт в себе отпечаток горечи, поскольку ставит своей задачей различение добра и зла через теодицею. Этика – это не только суд над человеком, но, как ни парадоксально, и суд над Богом. И зло, и добро восстают против Создателя, будучи неспособными примириться с существованием зла. Добрые направляют свои устремления к Богу с надеждой на искоренение зла, злые, в свою очередь, бросают вызов Богу. Добро и зло коррелируются между собой и существуют в неразрывной связи. Бердяев указывает на тиранический характер нормативной этики. Одним из парадоксов в понимании свободы воли у Бердяева выступает порабощение человека, поскольку свободный выбор навязан извне, на основе норм и законов, под страхом ответственности. Результатом такого выбора является оправдание либо осуждение человека, т. е. проявление свободной воли не является истинной свободой. Отношение Бердяева к православию носит неоднозначный характер, поэтому своё видение религиозной этики философ рассматривает через призму христианских догматов, подчёркивая чуждое ему отношение к Богу как Господину, перед которым человек выступает в роли раба. Такое рабство чуждо Бердяеву, оно унижает человека.

Свобода воли – это философский вопрос о “свободе хотения”. Человек, как указывает Н.О. Лосский, созданный Богом, выступает в роли творения, а потому конечной причиной его существования выступает Бог. Если это так, говорить о свободе воли человека не представляется возможным. Здесь и кроется главное противоре-

чие, поскольку в таком случае невозможность теодицеи очевидна. Т. е. Бог-творец олицетворял бы зло, выступая его причиной. Как и Бердяев [2], Лосский определяет свободу через категории “добра” и “зла”, акцентируя своё внимание на диалектической взаимосвязи добра и свободы. Человек, наделённый свободой, не автомат. Он возвышается в свободном творении добра, придающего смысл его существованию [12].

Не менее интересным представляется раскрытие темы свободы, охватывающей все сферы общественного бытия, в творческом наследии С.Н. Булгакова. Этика философа носит религиозный характер, а потому «Бог отпускает на свободу созданный Им “добро зело” мир с человечеством, в своём духовном сознании вмещающим эту свободу» [5, с. 123]. Свобода, наука и образование представляют собой неразрывное единство, в котором свобода определяется как “стихия научной мысли” и высшего образования, а её отсутствие делает научную мысль бесполезной и теоретически бессильной. Мыслитель акцентирует своё внимание на атмосфере свободолубия, присущей учащимся, которая играет важную роль в развитии академической мысли в России.

Чем глубже религиозное сознание, подчёркивает С.Н. Булгаков, тем более откликаются поступки человека на веление совести, на ощущение греха. Но сведение религии к морали ошибочно, ибо религия находится выше морали, а следовательно, от неё свободна. Она как бы поднимает человека над моралью, поскольку мораль имеет свои законы, имеющие пределы и законодательные регламенты в жизни

человека. Свободная от морализма Библия и Божия воля поднимаются над нравственностью, когда становятся неотъемлемой частью нравственного выбора самого человека, его основанием. Выбор творения добра, указывает философ, – это осознание веления Бога, понимание того, каким должен быть человек, следующий религиозному закону. Отсюда и понимание морали Булгаковым связано с её гетерономным характером, поскольку она трансцендентна и коренится в религиозном сознании. В этой связи провозглашается ещё один вопрос – олицетворение Добра и Бога. Что если Добро есть Бог? Если Добро и Бог выступают синонимами друг друга, этика в этом смысле, приобретая независимую самость, имманентно отрицает религию. Подмена этическими законами трансцендентного Бога приводит человека к греховному сознанию, к враждебному противостоянию вере. Упадок нравственности неизбежно связан с упадком религии. «Автономная этика есть или прямое глумление над добром, каковое совершается в утилитаризме, или аффектация и поза, ибо любить этическое “добро”, закон, категорический императив можно ради него самого, а только ради Бога, голос которого слышен в совести» [4].

Но человек русского религиозно-философского ренессанса не лишён социальности, как у Фейербаха, он существует в жёстких условиях общественных императивов, которые, в свою очередь, не должны противопоставляться личности, умаляя её высшее достоинство и предназначение. «Добро и зло, долг и совесть, – подчёркивает Булгаков, – всего этого мы не можем удалить из своего созна-

ния, оторвать от своей личности, даже если бы мы этого и хотели» [3, с. 34]. Проблемы нравственности рассматриваются Булгаковым через призму общественного кризиса в России. В их основе обнаруживаются две причины. Первая связана с беспрекословным подчинением человека идеалу и нравственному долгу, которые в резкой форме навязываются обществом; вторая возникает в связи с кризисом философского и религиозного мировоззрений. Но каким видится философу человек, лишённый нравственности и игнорирующий сам факт её существования? Это человек, закрывающий глаза на безнравственные поступки и не желающий слышать возражения по поводу происходящего. Олицетворением такой позиции у Булгакова выступают “новые эстеты”, провозглашающие замену этического понимания совести на эстетическое. Отрицание морали, разрушение нравственных устоев не вызывает у них сожаления, что выражается в игнорировании кантовского “относиться к людям как цели”. Результатом “гедонических норм” реформаторов нравственности, считает Булгаков, может стать упрощение понимания этических категорий, а следовательно, трансформация нравственного сознания.

Поиск человеком самого себя, ответов на вопросы собственной экзистенции есть внутренняя борьба человека со своими страстями, с поиском ответов на “добро и зло”. Примером такой борьбы выступает Иван Карамазов, задающийся вопросами о смысле собственного бытия в рамках метафизических исканий. Булгаков, как и впоследствии Ж.-П. Сартр, ставит своей целью поиск ответа на вопрос, по-

ставленный Достоевским: «Если Бога нет, всё дозволено?» И если для Сартра нравственный выбор человека вне религиозен, то поиск нравственных оснований бытия в философии русского религиозного ренессанса невозможен вне Бога, вне православия. Для разрешения нравственного вопроса Булгаков предлагает ряд способов. Первый способ можно условно обозначить как “религиозно-метафизический”, в котором обоснование нравственности носит религиозный характер. Отсюда и решение проблемы возможно через метафизику, приводящую в конечном счёте к религии. Второй способ связан с влиянием науки на нравственные устои общества. Булгаков выступает противником “научной нравственности”, задаваясь вопросом о том, насколько наука способна охарактеризовать нравственную жизнь. Это невозможно уже потому, что нравственность вненаучна и сверхнаучна, а следовательно, научное обоснование нравственности не представляется возможным. Значит, должен быть и третий способ разрешения нравственного вопроса. Таким, по мнению Булгакова, является отрицание нравственности и связанных с ней проблем «во имя торжества научного позитивизма» [3, с. 35]. Такая же позиция прослеживается и в критике В.С. Соловьёвым идей позитивизма. Мыслитель ставит своей задачей разграничить понятия философии, которые условно можно обозначить как “подлинное” и “неподлинное”, проводя анализ через осмысление мировоззрения отдельного человека и народного мировоззрения, основанного на вере и носящего религиозный характер. Вывод, предлагаемый Соловьёвым, ка-

тегоричен: «философия как самостоятельное и верховное воззрение невозможна: умственная деятельность лиц вполне определяется народными верованиями» [14].

Не менее интересным представляется взаимосвязь науки и философии, прослеживаемая в этике Бердяева. Зависимость этики от науки, подчёркивает Бердяев, в корне меняет её статус. Отсутствие в науке религиозных оснований и обращения к духовному миру человека ограничивает проблемное поле науки рассуждением о физическом мире. Таким примером может служить социология как «тирания общества и общественного мнения над духовной жизнью личности и над свободой её нравственной оценки» [1, с. 65]. Общество ставит своими задачами объяснение и оценку моральных ценностей, но оно само подвергается нравственной оценке. Это одно из противоречий, выдвигаемых Бердяевым в своём размышлении. Например, в социологии Э. Дюркгейма можно обнаружить отождествление морального и социального, подчёркиваемое как неразрывное единство. Общество устанавливает законы, подчиняя им человека, и, как результат, подавляет совесть и лишает свободы. В этом кроется ещё одно различие философского и научного познания, поскольку этика как философская дисциплина направлена на познание духа, а не природной необходимости. Отсюда и определение Бердяевым науки как “умерщвлённой философии”. Но если Соловьёв и Булгаков выступают противниками “научной этики”, то Бердяев не отрицает присутствия в этике научного элемента, поскольку этика невозможна без культурно-исторического, социально-

го и мифологического компонентов. Этика как философская дисциплина раздвигает границы философской гносеологии, поскольку представляет собой нравственно-духовный акт, совершаемый на протяжении всей жизни человека.

Этическое наследие русского религиозного ренессанса обращает нас к осмыслению нравственных идеалов

и формированию на их основе фундаментального основания для духовно-нравственного развития личности. Игнорирование нравственных императивов влечёт за собой моральную деградацию общества, а потому сегодня всё большее число исследователей видят в русской религиозной мысли путь для выхода из духовного кризиса современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. Деловая книга. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. 522 с.
3. Булгаков С. О реалистическом мировоззрении. Несколько слов по поводу выхода в свет сборника "Очерки реалистического мировоззрения" // Вопросы философии и психологии. 1904. Год XV. Кн. 73 (III). С. 380–403.
4. Булгаков С.Н. Свет невечерний // Электронная библиотека bookz.ru. URL: https://bookz.ru/authors/sergei-bulgakov/svet-nev_272/1-svet-nev_272.html (дата обращения: 30.04.2018).
5. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Юрайт, 2017. 343 с.
6. Валеева Г.В., Слобожанин А.В. Добро и зло в работе Н.А. Бердяева «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (83). С. 48–50.
7. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994. 368 с.
8. Гулыга А. Русская идея и её творцы. М.: Эксмо, 2003. 448 с.
9. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект: Раритет, 2001. 880 с.
10. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. М.: Даръ, 2017. 480 с.
11. Краснов А.М. Проблема абсолютного добра в этике В.С. Соловьева и Н.О. Лосского: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2008. 187 с.
12. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Политическая литература, 1991. 368 с.
13. Слобожанин А.В., Валеева Г.В. Основные черты «Этики искупления» в работе Н.А. Бердяева «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» // Университет XXI века: научное измерение: материалы научной конференции научно-педагогических работников, аспирантов и магистрантов, Тула, 17–31 мая 2017 г. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2017. С. 418–420.
14. Соловьев В.С. Оправдание добра [Электронный ресурс] // Азбука веры: [сайт]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/opravdanie-dobra-nravstvennaja-filosofija> (дата обращения: 30.04.2018).
15. Франк С.Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии / пер. с нем. А. Власкина, А. Ермичева // Франк Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 149–160.
16. Цвык В.А. Проблема добра и зла в философии И.А. Ильина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2017. Т. 21. № 3. С. 293–304.

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. *O naznachenii cheloveka* [The Destiny of Man]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 383 p.
2. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity Delovaya kniga]. Moscow, Academic project Publ. Ekaterinburg, Business Book Publ., 2015. 522 p.
3. Bulgakov S. [On a Realistic Worldview. A Few Words on the Publication of the Collection "Essays on a Realistic World View"]. In: *Voprosy filosofii i psikhologii* [Issues of Philosophy and Psychology]. 1904, Year XV, b. 73 (III), pp. 380–403.
4. Bulgakov S.N. [Unfading Light]. In: *Elektronnaya biblioteka bookz.ru*. [Electronic Library bookz.ru]. Available at: https://bookz.ru/authors/sergei-bulgakov/svet-nev_272/1-svet-nev_272.html (accessed: 30.04.2018).
5. Bulgakov S.N. *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of Economy]. Moscow, Yurait Publ., 2017. 343 p.
6. Valeeva G.V., Slobozhanin A.V. [Good and Evil in the work of N.A. Berdyaev "The Destiny of Man. An Essay in Paradoxical Ethics"]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culture Studies and Art History. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 9 (83), pp. 48–50.
7. Vysheslavtsev B.P. *Etika preobrazhennogo Erosa* [The Ethics of Transfigured Eros]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 368 p.
8. Gulyga A. *Russkaya ideya i ee tvortsy* [The Russian Idea and its Creators]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 448 p.
9. Zen'kovsky V.V. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Academic Project Publ., Raritet Publ., 2001. 880 p.
10. Ilyin I.A. *O soprotivlenii zlu siloi* [On Resistance to Evil by Force]. Moscow, Dar Publ., 2017. 480 p.
11. Krasnov A.M. *Problema absolyutnogo dobra v etike V.S. Solov'eva i N.O. Losskogo: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [The Problem of Absolute Good in the Ethics by V.S. Solovyov and N.O. Lossky: Abstract of PhD Thesis in Philosophy]. Tula, TSPU Publ., 2008. 187 p.
12. Lossky N.O. *Usloviya absolyutnogo dobra* [The Conditions of the Absolute Good]. Moscow, Political Literature Publ., 1991. 368 p.
13. Slobozhanin A.V., Valeeva G.V. [The Main Features of the "Ethics of Redemption" in N.A. Berdyaev "The Destiny of Man. An Essay in Paradoxical Ethics"]. In: *Universitet XXI veka: nauchnoe izmerenie: materialy nauchnoi konferentsii nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov, aspirantov i magistrantov, Tula, 17–31 maya 2017 g.* [University of the 21st Century: Scientific Dimension. Proceedings of the Conference of Research and Teaching Staff, Post-Graduates and Undergraduates, Tula, May, 17–31 May6 2017]. Tula, TSPU named after L.N Tolstoy, 2017, pp. 418–420.
14. Solov'ev V.S. [The Justification of the Good]. In: *Azbuka very*. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/opravdanie-dobra-nravstvennaja-filosofija> (accessed: 30.04.2018).
15. Frank S.L. [The Essence and the Leading Motives of the Russian Philosophy]. In: Frank L. *Russkoe mirovozzrenie* [Russian World]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, pp. 149–160.
16. Tsvyk V.A. [The Problem of Good and Evil in I.A. Ilyin's Philosophy]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Philosophy], 2017, vol. 21, no. 3, pp. 293–304.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кондратьева Светлана Борисовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета;

e-mail: sb.kondrateva@mpgu.edu

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana B. Kondratieva – PhD in Philosophy, associate professor at the Department of Philosophy, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University;

e-mail: sb.kondrateva@mpgu.edu

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кондратьева С.Б. Этико-философское наследие русского религиозного ренессанса к. XIX – н. XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 134–141.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-134-141

FOR CITATION

Kondratieva S.B. Ethical and Philosophical Heritage of the Russian Religious Renaissance at the Turn of the 20th Century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 2, pp. 134–141.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-134-141

РАЗДЕЛ IV.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 316.65

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-142-155

ОБЪЕКТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАУКИ АРМЕНОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Зинуров Р.Н.

Институт истории Национальной академии наук Республики Армения

г. Ереван, ул. Маршала Баграмяна, д. 24/4, Республика Армения

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

103426, г. Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 26, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена процессу становления арменоведения в России как особой гуманитарной науки. Применяя историко-генетический метод и анализируя произведения российских мыслителей и учёных об армянах и Армении, написанные с XII по начало XX вв., автор показывает, как от бытовых и социальных вопросов жизни армянского народа исследовательский интерес постепенно смещался к армянской истории, культуре и философии. В статье выявлены объективные условия возникновения науки арменоведения в России.

Ключевые слова: арменоведение, предпосылки, летопись, позднее Средневековье, интерес к Армении, менталитет, российские чиновники, расширение границ, Лазаревский институт, становление и развитие, политика Петра I.

OBJECTIVE CAUSES FOR THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF ARMENIAN STUDIES IN RUSSIA

R. Zinurov

The Institute of History, the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia

24/4, Marshal Bagramian ul., Erevan, Republic of Armenia

The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation

26, Bolshaya Dmitrovka st., Moscow, 103426, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the formation of Armenology in Russia as a special humanitarian discipline. By applying a historical genetic method and analyzing the works of Russian

thinkers and scholars about Armenians and Armenia written in the period from the 12th to the early 20th centuries, the author of the article shows how the research interest gradually shifted from everyday and social issues of the life of the Armenian people to Armenian history, culture and philosophy. The article reveals the objective conditions for the emergence of Armenian studies in Russia.

Key words: Armenology, prerequisites, chronicle, Late Middle Ages, interest in Armenia, mentality, Russian officials, expansion of borders, Lazarevsky Institute, becoming and development of Peter I's policy.

Ведя речь об объективной обусловленности зарождения науки арменоведения в России, о её становлении и развитии в досоветский период, мы должны отметить, что как отрасль гуманитарной науки она, конечно же, не появилась на пустом месте.

Зарождение науки арменоведения в России имело свои предпосылки, уходящие корнями в позднее Средневековье.

Так, задолго до эпохи Петра I, ещё в XII в. из знаменитой «Повести временных лет» очевиден факт осведомлённости славян об Армении. Автор «Повести...» монах Киево-Печерской лавры Нестор здесь упоминает армян: «...по потоке трое сыновей Ноя разделили землю ... Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Каппадокия...» [18].

Через 400 лет после «Повести...» Нестора русским монахом Досифеем Волоколамским была составлена хроника, которую в исторической науке принято называть «Русским Хронографом». Начав с истории Ветхого Завета, Досифей последовательно описывает всё потомство Ноя и, упоминая уделы его сына Иафета, отмечает: «...Георгияне, иже, близи Арменъ живтъ» [10].

Примерно в XVI–XVII вв. русским торговым людям, как считает Э.А. Акопян, был известен путь по Средизем-

ному морю до Киликии, известной им под названием «морская Армения» (Armenia Maritima). Кроме того, по данным названного автора, многие события, происходящие в далекой Армении, становились известными на Руси и со слов очевидцев, участников так называемых хождений [1].

В частности, инок из Смоленска Игнатий в 1389 г. вместе с московским митрополитом Пименом совершил путешествие в Константинополь. В своём «Хожении Игнатия Смольнянина в Царьград» он упоминает о посещении ими Апостольской церкви в Константинополе: «Утром пошли во Влахернскую церковь. Оттуда пошли к Апостольской церкви...» [11, с. 8].

Признаемся, выражение «пошли к Апостольской церкви» позволяет сделать вывод, что речь идёт об армянской Апостольской церкви.

Армян упоминал в своих путевых записях и дьякон Троице-Сергиева монастыря Зосим, совершивший путешествие в Константинополь и Палестину в 1419–1422 гг. «В церкви Воскресения семь служб. ... Первая – греческая, вторая служба иверская (грузинская – РЗ.), третья служба армянская, на высоте, где Христа распяли»; «...По пути от Сионской горы пятая церковь Якова, брата Божьего. Эту церковь армяне взяли себе» [19, с. 12–14].

Купец из города Казани Василий

Гагара в 1634–1637 гг. совершил паломническое путешествие в Палестину и Египет через Грузию и Армению. Относительно армян и Армении его заметки для нас также весьма любопытны. В Ереване он посетил “местные святыни”, в частности храм в Эчмиадзине, далее он через всю Западную Армению направился в Дамаск и Египет [9].

В составе посольства русского царя Михаила Федоровича во главе с князем Ф.Ф. Волконским в 1637 г. в Грузии и Иерусалиме побывал иеродьякон Чудова монастыря Арсений Суханов. Обрато он поехал через Армению, на подступах к которой их задержала турецкая застава: «Тут нас турчин расспрашивал, записывал имена. ... И бил турчин многих армян чеканом, на Арсения замахнулся, да не ударил»; «... Приехали на место Эгина ... тут живут все армяне. От того стана армянския власти с товарищи поехали налево в горы высокия». Иеромонах Арсений проехал мимо монастыря Эчмиадзин, разорённого персидским войском, и выехал к Араратской долине, о которой написал следующее. «... А за тою горою место – дол, зовётся Арарат, и за тем долом другая гора Араратская и та с снегом; на ней сказывают тутошние жильцы, Ноев ковчег» [9, с. 144].

Примерно аналогичные записи оставил автор записок «О путешествии из Москвы в персидское царство, из Персии в турецкую землю, в Индию и в Урмуз на Белом море, куда немцы приплывают на кораблях» московский купец Федот Афанасьевич Котов [22, с. 6, 7].

Однако все эти скудные отрывочные упоминания об Армении, на наш взгляд, мы не можем относить даже к упомянутым выше предпосылкам ар-

меноведения.

Как отмечал о достоинствах этих летописей, “житий” и “хожений” русский историк С.Ф. Платонов, «...первые летописи были перечнями фактов, важных и не важных, исторических и не исторических, вперемежку с литературными сказаниями. С нашей точки зрения, летописи не представляют собой исторического труда; не говоря о содержании – и самые приёмы летописца не соответствуют теперешним требованиям» [17, с. 10].

Тем не менее рассмотренные отрывочные сведения о далёкой Армении свидетельствуют о ростках тенденции уже зарождавшегося в России среди её отдельных представителей из самых разных сословий интереса к Армении, её населению.

Часто встречаясь с передовыми представителями Армении тех лет (Израэль Ори, Минас, русский чиновник армянского происхождения Васильев, армянские купцы Астрахани), Пётр I и его окружение также проникались интересом к загадочной Армении, через которую лежал ближайший путь к Индии, Персии и другим южным странам. Поэтому в 50-е гг. прошлого века была высказана мысль, что «...эти общения Петра I с ними имели только внутриполитическое и внешнеэкономическое значение, но и научное» [3, с. 4].

Более того, эпоха Петра I в истории русско-армянских отношений знаменательна тем, что государь сам непосредственно принимал участие в судьбах армянских купцов [15, с. 5]. Согласно указу Петра I от 22 марта 1711 г., царским чиновникам следовало: «армян, как возможно, приласкать и облегчить им участь, в чем пристойно, дабы подать охоту для большого их

приезда» [21, с. 10].

Для предпосылок возникновения арменоведения в России были важными и характерными те обстоятельства, что сведения об армянах и Армении в основном добывали люди, весьма далёкие от науки и культуры, – военные, купцы и т. д. В частности, русский артиллерийский офицер Л.Г. Гербер, побывавший в Астрахани в начале XVIII в., в своих записях (1760) большое внимание уделил армянам. Здесь он особо отмечал места расселения армянских купцов, характер их жилищ, род их занятий, нравы, их стремление связаться и иметь торговые дела с Россией [8]. Таким образом, сам не осознавая, названный автор внёс один из первых камней в основание арменоведческой науки в России.

Почти аналогичные сведения оставил врач русской армии, воевавшей против Персии, Иоанн Якоб Лерхе, с интересом описавший внешний вид, привычки, характер армян, служивших с ним в русской армии. Обратим внимание на то, что он особо отмечал следующее: «Армяне имеют великий каравансарай, в котором живут и продают свои товары» [3, с. 8]. Автором подмечено такое важное обстоятельство, как природная предприимчивость армян вдали от их родины. В частности, здесь (в Астрахани – *Р.З.*), они имели две шёлковые фабрики. Шёлк они привозили из Гиляни по цене от 20 до 30 рублей, а в Астрахани продавали по 50–60 рублей.

Следует отметить, что утверждения И.Я. Лерхе о природной жадности армян, на наш взгляд, конечно же, следует отнести лишь к извечному человеческому стремлению выжить в чужой среде. Ведь и сегодня очевидно,

что расточительные люди никогда не становились успешными купцами, а в наших современных условиях – успешными предпринимателями.

Из других сведений, оставленных об Армении и армянах XVIII в., надо отметить данные французского путешественника Беля, побывавшего с русским посольством в той же Астрахани по пути в Персию. По его мнению, «вся торговля в Астрахани была в руках армян, которые ведут здесь всю персидскую торговлю, так как персы весьма редко выезжают из Персии» [3, с. 8].

Другой иностранец, также служивший в русской армии Аббат де ла Порт, в конце XIX в. об Армении, её климате и географии оставил более подробные сведения [4].

Постепенно эти разрозненные сведения стали выстраиваться в некую систему: будучи столь отдалённой от России и Европы, со своеобразным климатом, особым менталитетом и языком христианского населения, находящегося в окружении мусульманского мира, Армения была интересна и обуславливала внимание и у высших государственных чиновников России, чьими усилиями территория Российского государства неуклонно расширялась на юг и юго-восток. При этом, на наш взгляд, немаловажную роль сыграли факторы, которые привлекали внимание высших русских сановников. Это непосредственное соседство с извечными соперниками России на юге – Османской империей и Персией, ближайший путь к Средиземному морю и Индийскому океану, упоминание «Араратских гор», «царств Араратских» в Священном писании [2] глубокая древность, которая «в краях армянских» сквозила сохранившейся

в древнейшей храмовой архитектуре и даже в ландшафте.

Кроме того, выходцы из Армении уже со Средних веков не только встречались, но и проживали в разных частях Российского государства и Европы.

Поэтому к середине XIX в. в распоряжении Императорской Академии наук Российской империи было накоплено уже достаточно много материалов относительно Армении, её населения, географии, культуры и т. д. Большая их часть хранилась в архивах Академии наук, которая примерно со второй половины XVIII в. снаряжала экспедиции в различные регионы огромной Российской империи.

В связи с этим период с конца XVIII по начало XIX вв., по словам современного арменоведа С.М. Саядова, можно охарактеризовать как период первоначального накопления русской исторической наукой сведений по истории и культуре Армении [20, с. 71].

Неоценимый вклад в зарождающуюся науку арменоведения в этот период внёс В.А. Потто. В третьем томе своей многотомной работы «Кавказская война» он привёл обширные сведения о географии Древней Армении, о возникновении армянского народа, сделал как бы обзор сведений Мовсеса Хоренаци, проанализировал многие армянские легенды и предания с точки зрения их соответствия исторической действительности.

Работа В.А. Потто, несомненно, является важнейшим историографическим источником для науки арменоведения.

Кроме работы В.А. Потто, в первой половине XIX в. по истории Армении в России был издан целый ряд трудов.

Назовём лишь некоторые из них: перевод «Истории Армении», сделанный Овсепом Ионнисяном, труд Г. Хубова «Описание достопамятных происшествий в Армении с 1778–1809 гг.», «Любопытные извлечения из истории об древней “Азии”» Шахана Джрпета и множество других работ [16].

Важнейшим источниковедческим трудом явилась книга С.Н. Глинки «Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возвращения области армянской в Российскую империю». По мнению некоторых авторов, С.Н. Глинка является первым русским историком Армении [20, с. 53]. Важность этой книги для российской науки в целом автор выразил уже в самом начале работы словами: «История армянского народа сливается со всеми историями народов древнего мира» [6]. С наших позиций, автор этим выразил идею, что армянская история есть часть мировой истории, и в то же время история Армении имеет присущие только ей особенности.

Как первое системное изложение армянской истории в России эта работа С.Н. Глинки, книги которого, по словам К.И. Григорьяна, «...являются первыми историческими работами об Армении, написанные русским исследователем» [7, с. 175], на наш взгляд, безусловно, является важным, крупным вкладом в историографию арменоведческой науки.

В знаменитом Лазаревском институте в Москве, помимо названной книги С.Н. Глинки, в начале 1830-х гг. были изданы и несколько других его работ. Это прежде всего три его книги: «Две повести в стихах, почерпнутые из древних армянских летописей», «Описание переселения армян в пределы

России с кратким предварительным изложением исторических времён Армении», «Собрание актов, относящихся к обозрению историю армянского народа» (в 3-х т.). К этому времени Лазаревский институт превратился в крупнейший новый центр армянской историографии не только России, но и мира.

Конечно же, говоря об этом знаменитом, и, по нашему мнению, самом передовом учебном заведении России первой половины XIX в., мы должны назвать достойнейшее имя его основателя – Х.Н. Лазарева. Многообразная просветительская деятельность Х.Н. Лазарева, создание им на свои средства Лазаревского института восточных языков как центра русско-армянских отношений и связей, а также его политическая и государственная деятельность по становлению и обустройству Восточной Армении [12, с. 5] дают нам основание относить его к числу первых арменоведов, внесших своеобразный и неоценимый вклад в становление исторического арменоведения в России.

С открытием в 1842 г. в Казанском университете армянской кафедры арменоведческая историография в России получила новый, более активный импульс, поскольку здесь читался курс лекций по истории армянской литературы. После перевода этой кафедры в Петербургский университет в 1854 г. сюда же перешли и преподаватели.

Таким образом, начиная с 1850-х гг., в Петербурге окончательно оформилась российская школа арменоведения. С этого периода здесь трудились выдающиеся русские учёные, позже ставшие знаменитыми арменоведами: Марий Фелесите Броссе, представи-

тель французского центра арменоведения, специально приглашённый графом С. Уваровым в Петербургский университет, Н.О. Эмин, Г.А. Халатянц, К.П. Патканян, военный историк В.А. Потто, Николай Адонц, Н.Я. Марр. Каждый из них внёс существенный и неоценимый вклад в историю арменоведения, их фундаментальные работы и сегодня являются важнейшими историографическими материалами по историческому арменоведению.

Первый из них, Марий Фелесите Броссе (Марий Иванович Броссе), к этому времени уже являлся известным грузиноведом. Но, начав работу в Петербурге, он обратил свой интерес и к арменоведению. Так, в 1847 г. в Грузии, помимо грузинских, он собрал и множество армянских эпиграфических памятников. Кроме того, итогом его двухмесячной работы в патриаршей библиотеке Эчмиадзина стала опубликованная им в 1849 г. работа «Донесения об археологическом путешествии в Грузию и Армению, предпринятом в 1847–1848 гг. под покровительством наместника Кавказского края князя Воронцова членом императорской Академии наук господином Броссе».

Дальнейшее исследование научного пути Броссе показывает, что он постепенно из грузиноведения фактически перешёл на арменоведение и проявил себя на ниве Российской Академии наук именно как арменовед, поскольку к началу 1860-х гг. он уже в основном занимался арменоведением. Эти работы в большей части относились к источниковедению. В частности, проведя фундаментальное исследование развалин г. Ани, в 1861 г. он издал двухтомную работу «Руины Ани», ко-

торая вплоть до 30-х гг. XX в. являлась основным исчерпывающим исследованием этой армянской древности. К середине 1860-х гг. Броссе издал в двух томах сочинения Степана Орбеляна, а в 1874–1876 гг. – сборник переводов средневековых армянских историков.

Позже, по выражению одного из корифеев российского арменоведения Н.Я. Марра, «Броссе изучал вглубь и вширь грузинскую и армянскую этнографику, впервые обнаружив большинство этих документальных памятников. ... Он установил самостоятельную теорию в области, куда он из европейцев вступил первым в специальном звании учёного исследователя» [14, с. 74].

Говоря о первых арменоведах России, нельзя обойти вниманием исследования С.И. Назаряна. Ещё в 1842 г., будучи молодым человеком, по рекомендации самого Броссе он был назначен адъюнктом кафедры арменоведения Казанского университета. С 1856 г., работая в Лазаревском институте, настойчивый исследователь С.И. Назарян со второй попытки получил разрешение на издание первого в России просветительского журнала «Юсисапайл».

Деятельность С.И. Назаряна как арменоведа, по мнению ряда учёных, затрагивала почти все стороны жизни армянского общества [5, с. 62]. Из наиболее известных его арменоведческих исследований в первую очередь необходимо назвать «Обозрение гайканской письменности с XIV столетия до новейшего времени», изданное в Казани в 1845 г., а также «Беглый обзор гайканской литературы до конца XIII века» (1844). Обратим внимание, что Назарян вместо слова «армян-

ский» употребляет синоним этого слова – «гайканский», что, на наш взгляд, совпадая с руслом наших суждений, находится в общей канве устоявшегося термина.

Особое место в чреде российских историков-арменоведов принадлежит М.О. Эмину. Сын ныне незаслуженно забытого великого деятеля армянского освободительного движения XVIII в. Овсеп Эмина Мкртыч Эмин, родившись в далёкой Индии, как арменовед в XIX в. достиг вершин. Выпускник Лазаревского института и Московского университета, он долгие годы являлся профессором, затем директором Лазаревского института.

Тогда ещё мало известного российской исторической науке Мовсеса Хоренаци он по настоящему приблизил к ней. В 1858 г. он перевёл на русский язык его «Историю Армении» с обстоятельными комментариями и примечаниями, что явилось огромным событием для арменоведческой историографии.

В этом же ряду стоят его работы, изданные в 1864 г.: «Очерк религии языческих армян», «Очерк истории восточной армянской церкви». Как итог своих многолетних арменоведческих исследований в 1881 г. он издал две книги: «Армянские надписи в Карсе, Ани и окрестностях последнего»; «Мовсес Хоренаци и древний эпос армянский». В последние годы его арменоведческие труды переиздавались в сборниках исследований и статей по армянской мифологии, истории и исторической литературе.

Выдающийся российский арменовед К.П. Патканов оставил огромный и яркий след в арменоведении. Выпускник Лазаревского института, он,

будучи ещё молодым, перевёл на русский язык и издал со своими комментариями труды многих знаменитых армянских историков и хронистов: М. Каланкатуаци, Себеоса, Гевонда, Магакия Орманияна, Мхитара Айриванеци. Наше исследование комментариев К.П. Патканова к переводам текстов названных авторов показало, насколько глубоки и обоснованы его суждения относительно фактов, событий и лиц армянской истории. Особо в этом плане следует отметить работу Керопе Петровича «Армянская география VII века по Р.Х., приписывавшаяся М. Хоренаци», изданную в Санкт-Петербурге в 1877 г. На наш взгляд, это действительно наиболее глубокое исследование наследия Мовсеса Хоренаци.

Заметим также, что одной из таких его фундаментальных работ является его докторская диссертация «Исследование о составе армянского языка», изданная отдельной книгой в 1864 г. Другая его большая работа по лингвистике «О месте, занимаемом армянским языком в кругу индоевропейских» была опубликована в Тифлисе в 1879 г.

В целом очевидно, что К.П. Патканов, являясь крупнейшим арменоведом дореволюционной России, до сих пор занимает одно из ведущих мест среди выдающихся арменологов мира.

Очень важный и большой вклад в российское арменоведение внёс Г.А. Эзов (Езян Карапет Арутюн). Как и многие его коллеги-арменологи того периода, будучи выпускником Лазаревского института, он явился одним из первых исследователей русско-армянских отношений. В этой области наиболее известными стали его работы «Сношения Петра Великого

с армянским народом», «Документы, извлечённые из Московского и Санкт-Петербургского архива Министерства иностранных дел, Австрийского Придворного и Государственного архива, Королевского Баварского Тайного государственного архива и других учреждений», изданные в Санкт-Петербурге в 1898 г. В названных трудах в числе других Г.А. Эзовым исследованы и документы о таком сегодня почти забытом деятеле армянского освободительного движения XVII–XVIII вв., великом патриоте Армении знаменитом Исраеле Ори.

Из других арменоведческих работ Г.А. Эзова следует назвать его исследование «Насильственная уния армян Польши с Римской церковью» (1884). Здесь автор предстает перед нами уже как исследователь армянской диаспоры и как патриот, не чуждый нуждам и чаяниям армянского народа. Такой же глубокий исследовательский характер носила другая его работа – «Внутренний быт Древней Армении» (1889).

С наших позиций, Г.А. Эзов проявил себя не только как арменолог, но и прежде всего как большой и бескорыстный патриот Армении. Будучи человеком передовых мыслей и убеждений, он много сил отдавал благотворительности – в 1881 г. в Эрзеруме создал армянскую школу «Санасарян», помогал издавать труды средневековых армянских историков.

Первой крупной работой выдающегося учёного-арменолога, переводчика, филолога, лингвиста С.С. Малхасянца явился труд критической направленности «Вселенская история армянского народа средних веков Ст. Таронечи», изданный в 1885 г. Позже, в 1896–1904 гг. он издал

аналогичные издания критической направленности о работах армянских историков Фавтоса Бузанда, Себеоса, Лазаря Парпеци. В этот же период как арменовед С.С. Малхасянц стал известен переводами произведений У. Шекспира на армянский язык.

Работы видного русского и советского деятеля арменоведения Н.Я. Марра, безусловно явившиеся большим вкладом в мировое арменоведение, занимают по своему объёму и значению особое место в арменоведческой науке. Но мы здесь лишь ограничимся перечислением его наиболее известных арменоведческих работ, внёсших поистине весомую лепту в эту науку.

1890-е гг. как период новой стадий развития арменоведческо-филологической науки в России, ознаменовались именами Н.Я. Марра, Н. Адонца, И. Орбели [1, с. 8]. Нам представляется, что исследования Н.Я. Марра как одного из самых известных российских востоковедов, проведённые на основе анализа широчайшего спектра историко-лингвистического материала, явно не вмещаются в рамки традиционного арменоведения.

В работе «Кавказский культурный мир и Армения», изданной в 1915 г. в Петербургской Сенатской типографии, Н.Я. Марр впервые выдвинул гипотезу яфетического происхождения многих армянских слов. Как арменовед, в данной работе он выдвинул много новых, но, на наш взгляд, весьма спорных суждений относительно армянской истории и армянской культуры. В частности, по его мнению, Древнеармянское царство не являлось непосредственным вкладчиком в национальную культуру армянского народа, возникшую на христианских

началах [13]. Кроме того, будучи уже известным арменоведом, Н.Я. Марр здесь утверждает и обосновывает тезис о том, что национального самосознания в средние века армянский народ ещё не имел [13].

Но в целом, по мнению современных арменоведов, арменоведческие исследования Н.Я. Марра отличались новой постановкой вопросов изучения древнейших историко-литературных памятников, а сам он «особо подчёркивал научное и общественно-политическое значение специальности арменоведение» [1, с. 226, 227].

Существенным вкладом в арменоведение явилось исследование Н.Г. Адонца «Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя» (1909). Это наиболее известная работа видного арменоведа. Им здесь проведён глубокий и всесторонний анализ социально-экономической жизни, общественного строя средневековой Армении. Следует отметить, что Н.Г. Адонц был также известным византистом и общественным деятелем.

Среди арменоведов начала XX в. необходимо отметить профессора истории и искусств А.К. Дживилегова. В его публикациях и книгах по арменоведению: «Арменоведение в России» (1906), «Киликийский вопрос», (1914), «Армянский вопрос» (1914), «Будущее Турецкой Армении» (1915), «К истории армянского вопроса» (1915), «Судьба Армении» (1916) – им было дано широкое обозрение армянской жизни, выдвинуты предложения по изменению и улучшению судеб армян в Западной Армении.

Материалы А.К. Дживилегова, на наш взгляд, также имели и ощутимо

выраженную социально-политическую направленность. Они были как бы обращением к другим народам о судьбах армянского народа. Однако, несмотря на это, эти исследования автора, безусловно, являются арменоведческими, поскольку основная канва их содержания лежит в русле арменоведения.

В целом в качестве объективных условий возникновения науки арменоведения в России в середине XIX в., его становления и дальнейшего развития как науки можно отметить следующие обстоятельства, характеризующие исторический путь арменоведческой науки:

1. Ещё задолго до возникновения арменоведения как отрасли науки оно объективно существовало в его зачаточном виде как закономерное следствие социально-экономического развития Российского государства, расширения его связей и отношений со странами-соседями, интересами российской политики на юге, в регионе Каспийского и Чёрного морей.

2. В России интерес к Армении и армянскому народу издавна поддерживался особым географическим положением Армении, своеобразным менталитетом, культурой и христианством армянского народа. В силу этих факторов армяне на жизненных пространствах России (а также других стран), были более активны и успешны, чем другие переселенцы в России, поскольку к этому времени многовековой опыт выживания в иноязычной среде у армянского народа был гораздо устойчивей.

3. Представители армянского народа в русской среде (армия, торговля, реже чиновничество) своей активностью объективно способствовали

дальнейшему росту интереса в российском обществе.

4. Исторические материалы об Армении В.А. Потто, знаменитые труды целой плеяды историков-арменоведов из Лазаревского института, позже С.С. Малхасянца, Н.Я. Марра и других историков оказывали сильное влияние на передовых людей и представителей высоких ступеней российского общества, хоть в какой-то мере осведомлённых об исторических судьбах Армении, тяжёлой участи армянского народа в среде персидских и турецких властителей. У них, безусловно, возникали нотки сочувствия и уважения к армянскому народу и культуре.

5. Армения в отличие от своих соседей – Персии и Османской империи никогда не вела войн с Россией, о чём, конечно же, было известно в России если не всем, то очень многим из народа и высших чинов. В русской армии армяне в XVIII в. служили охотно и успешно, на что обращали внимание многие представители российских властей.

6. Если предпосылки возникновения арменоведения относились в основном лишь к бытовым и социальным вопросам жизни армянского народа, то в последующем в начале XIX в. мы наблюдаем уже рост интереса к армянской истории.

7. Огромную и неоценимую роль в этом сыграл Лазаревский институт, который своим возникновением был обязан упомянутому особому менталитету и успеху представителей знаменитой семьи Лазарян в очень сложной для иностранцев российской среде того периода.

8. К середине XIX в. постепенно набирало ход и становление новое на-

правление гуманитарной науки – арменоведение «как синкретическая система знаний, комплексно изучающая как материальную, так и духовную культуру армянского народа» [1, с. 5].

9. Становление и развитие арменоведения в России в целом отвечало интересам и целям Российской империи, внешняя политика которой Армению

и армянский народ, начиная с Петровских времен, стала рассматривать как опорную территорию на юге.

10. Временем возникновения науки арменоведения мы должны называть середину XIX в., а не конкретную дату – 1873 г., как было предложено некоторыми учёными в арменоведческих исследованиях [23, с. 4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопян Э.Э. Арменоведение в России. Вопросы филологии. Ереван: АН Армянской ССР, 1988. 319 с.
2. Апарат (Быт 8.4; 4Ц 19.37; Ис 37.38; Иер 51.27) // Философ.ру. URL: <http://www.filoslov.ru/hristianstvobible/71142.html#.Ww6xKtIza00> (дата обращения: 30.04.2018).
3. Арешян С.Г. Армянская печать и царская цензура. Ереван, 1957. 515 с.
4. Белл Дж. Белевы путешествия чрез Россию в разныя азиатския земли: А именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / перев. с фр. М. Попова. СПб.: При Императорской Академии наук, 1776.
5. Вторые Лазаревские чтения по истории армян России, Москва, 25–27 ноября 2003 г. / сост., ред. Э.Е. Долбакян. М.: Теревинф, 2006. 327 с.
6. Глинка С.Н. Обзор истории армянского народа. М.: Типография Лазаревых Института Восточных языков, 1990. 294 с.
7. Григорьян К.И. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений. Л.: Наука, 1980.
8. Гербер И.Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях, и о их состоянии в 1728 году // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1760. Кн. 3. С. 1–18.
9. Житенев С.Ю. Русское православное паломничество к святыням Кавказа в XVII веке: путешествие купца Василия Гагары и иеромонаха Арсения (Суханова) // Кавказские научные записки. 2011. №4 (9). С. 139–155.
10. Иванников А., прот. Об Иафетовых родословиях, в «Повести Временных Лет» и в «Русском Хронографе» [Электронный ресурс] // Русская народная линия: [сайт]. http://ruskline.ru/analitika/2007/02/23/ob_iafetovyh_rodosloviyah_v_svyawennom_pisanii_v_povesti_vremennyh_let_i_v_russkom_hronografe (дата обращения: 30.04.2018).
11. Книга хождений: Записки русских путешественников XI–XV вв. / сост., подгот. текста, пер., вступ. ст., комм. Н.И. Прокофьева. М.: Советская Россия, 1984. 447 с.
12. Маргарян Г.К. Роль Х.Е. Лазарева в истории русско-армянских отношений: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 195 с.
13. Марр Н.Я. Кавказский культурный мир и Армения. Петроград: Сенатская типография, 1915. 53 с.
14. Марр Н.Я. К столетию со дня рождения М.И. Броссе. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1902.
15. Микоян К.А. Заметки армянина, связавшего свою судьбу с Россией: сборник статей и очерков. Рязань: Узорочье, 2003. 47 с.
16. Парсамян В.А. Развитие исторической науки в Армении в первой половине XIX века. Ереван: Академия наук Армянской ССР, 1953. 13 с.

17. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. 10-е изд.; пересм. и испр. Петроград: Сенатская типография, 1915. 744 с.
18. Повесть временных лет. «Откуда пошла есть Русская земля, и кто в ней первым стал княжить, и как возникла Русская земля». Ч. I / пер. с древнерус. Д.С. Лихачева [Электронный ресурс] // Русское географическое общество. Новосибирск: [сайт]. URL: <http://www.rgo-sib.ru/book/kniga/106.htm> (дата обращения: 30.04.2018).
19. Прокофьев Н.И. Хожение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину // Вопросы русской литературы. Учёные записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. 1971. Т. 435. С. 12–14.
20. Саядов С.М. У истоков русского арменоведения: историографический обзор. Ереван, Издательство Ереванского государственного университета, 2014. 333 с.
21. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа: в 3 ч. 1833–1838. Ч. 1. М.: Типография Лазаревых Института Восточных языков, 1833. 456 с.
22. Хожение купца Федота Котова в Персию / пер. Н.А. Кузнецовой. М: Восточная литература, 1958. 112 с.
23. Худавердян А.Ю. Население Армянского нагорья в античную эпоху (по антропологическим данным Бениаминского могильника): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 2000. 23 с.

REFERENCES

1. Akopyan E.E. *Armenovedenie v Rossii. Voprosy filologii* [Armenology in Russia. Philological Issues]. Yerevan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 1988. 319 p.
2. [Ararat (Genesis 8.4; Jewish 4C 19.37; Is. 37.38; Jer. 51.27)]. In: *Filosof.ru* [Philosopher.ru]. Available at: <http://www.filoslov.ru/hristianstvobible/71142.html#.Ww6xKtIza00> (accessed: 30.04.2018).
3. Areshyan S.G. *Armyanskaya pechat' i tsarskaya tsenzura* [Armenian Press and Tsarist Censorship]. Yerevan, 1957. 515 p.
4. Bell J. *Belevy puteshestviya chrez Rossiyu v raznyya asiyskiya zemli: A imenno: v Ispagan, v Pekin, v Derbent i Konstantinopol'* [Bell's Travels through Russia to Various Parts of Asia]. St. Petersburg, Publishing House of the Academy of Sciences Publ., 1776.
5. Dolbakyan E.E., ed. comp. *Vtorye Lazarevskie chteniya po istorii armyan Rossii, Moskva, 25–27 noyabrya 2003 g.* [The Second Lazarev Readings on the History of Russian Armenians, Moscow, November 25–27, 2003]. Moscow, *Terevinf* Publ., 2006. 327 p.
6. Glinka S.N. *Obozrenie istorii armyanskogo naroda* [Review of the History of the Armenian People]. Moscow, Typography of Lazarev Institute of Oriental Languages Publ., 1990. 294 p.
7. Grigor'yan K.I. *Iz istorii russko-armyanskikh literaturnykh i kul'turnykh otnoshenii* [From the History of Russian-Armenian Literary and Cultural Relations]. Leningrad, *Nauka* Publ., 1980.
8. Gaerber J.G. [News of the Peoples and Lands Situated on the Western Side of the Caspian Sea between Astrakhan and the River Kur, and Their State in 1728]. In: *Sochineniya i perevody k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie* [Writings and Translations for Benefit and Entertainment], 1760, vol. 3, pp. 1–18.
9. Zhitenev S.Yu. [Russian Orthodox Pilgrimage to the Shrines of the Caucasus in the Seventeenth Century: Travels of a Merchant Vasily Gagara and Hieromonk Arseniy (Sukhanov)]. In: *Kavkazskie nauchnye zapiski* [Caucasian Scientific Notes], 2011, no. 4 (9), pp. 139–155.
10. Ivannikov A., archpriest. *Ob Iafetovykh rodosloviyakh, v "Povesti Vremennykh Let" i v "Russkom Khronografe"* [On Iafet's Genealogy, in the "Tale of Past Years" and in the "Russian

- Chronograph"]. In: *Russkaya narodnaya liniya* [Russian Folk Line]. Available at: https://www.ruskline.ru/analitika/2007/02/23/ob_iafetovyh_rodosloviyah_v_svyawennom_pisanii_v_povesti_vremennyh_let_i_v_russkom_hronografe (accessed: 30.04.2018).
11. *Kniga khozhenii: Zapiski russkikh puteshestvennikov XI–XV vv.* [Book of Travels: Notes of the Russian Travelers of the 11th – 14th centuries / compiled by N.I. Prokof'ev] Moscow, Soviet Russia Publ., 1984. 447 p.
 12. Margaryan G.K. *Rol' Kh.E. Lazareva v istorii russko-armyanskikh otnoshenii. dis. ... kand. ist. nauk* [Lazarev in the History of Russian-Armenian Relations: PhD Thesis in Historical Sciences]. Moscow, 2006. 195 p.
 13. Marr N.Ya. *Kavkazskii kul'turnyi mir i Armeniya* [The Caucasian Cultural World and Armenia]. Petrograd, The Senate Printing House Publ., 1915. 53 p.
 14. Marr N.Ya. *K stoletiyu so dnya rozhdeniya M.I. Brosse* [To the Centenary Anniversary of M.I. Brosset]. St. Petersburg, Publishing House of the Academy of Sciences Publ., 1902.
 15. Mikoyan K.A. *Zametki armyanina, svyazavshego svoyu sud'bu s Rossiei* [Notes of an Armenian who Connected his Life with Russia]. Ryazan, *Uzoroche* Publ., 2003. 47 p.
 16. Parsamyan V.A. *Razvitie istoricheskoi nauki v Armenii v pervoi polovine XIX veka* [The Development of Historical Science in Armenia in the First Half of the Nineteenth Century]. Yerevan: Acad. Sciences Arm. SSR Publ., 1953. 13 p.
 17. Platonov S.F. *Leksii po russkoi istorii* [Lectures on Russian History]. Petrograd, The Senate Printing House Publ., 1915. 744 p.
 18. Likhachev D.S., trans. [The Tale of Past Years. Part I. Translated by D.S. Likhachev]. In: *Russkoe geograficheskoe obshchestvo. Novosibirsk* [The Russian Geographical Society. Novosibirsk]. Available at: <http://www.rgo-sib.ru/book/kniga/106.htm> (accessed: 30.04.2018).
 19. Prokof'ev N.I. [Zosima's Travels to Constantinople, Athos and Palestine]. In: *Voprosy russkoi literatury. Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V.I. Lenina* [Issues of Russian Literature. Research Papers of Moscow State Pedagogical Institute named after V.I. Lenin], 1971. vol. 435, pp. 12–14.
 20. Sayadov S.M. *U istokov russkogo armenovedeniya: istoriograficheskii obzor* [At the Origins of Armenian Studies in Russia: a Historiographical Review]. Yerevan, YSU Publishing House, 2014. 333 p.
 21. *Sobranie aktov, otnosyashchikhsya k obozreniyu istorii armyanskogo naroda. 1833–1838. Ch. 1* [A Collection of Acts Relating to the Review of the History of the Armenian People. 1833–1838. P. 1]. Moscow, Typography of Lazarev Institute of Oriental languages Publ., 1833. 456 p.
 22. *Khozhenie kuptsa Fedota Kotova v Persiyu* [Merchant Fedot Kotov's Travel to Persia]. Moscow, Eastern Literature Publ., 1958. 112 p.
 23. Khudaverdyan A.Yu. *Naselenie Armyanskogo nagor'ya v antichnuyu epokhu (po antropologicheskim dannym Beniaminskogo mogil'nika): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Antique Population of the Armenian Highland (according to the Benjaminov Burial Site Anthropological Data): Abstract of PhD Thesis in Historical Sciences]. Yerevan, 2000. 23 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зинуров Рафаил Нариманович – доктор юридических наук, заместитель председателя Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, соискатель-докторант Института истории Национальной академии наук Республики Армения (г. Ереван);
e-mail: RNZinurov@senat.gov.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rafail N. Zinurov – Doctor of Law, member of the Federation Council of the Federal Assembly of Russian Federation, competitor for a doctoral degree at the Institute of History, The National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan);
e-mail: RNZinurov@senat.gov.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зинуров Р.Н. Объективная обусловленность становления и развития науки арменоведения в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 142–155.
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-142-155

FOR CITATION

Zinurov R.N. Objective Causes for the Formation and Development of Armenian Studies in Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 2, pp. 142–155.
DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-142-155

УДК 168.521

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-156-165

ПРИНЦИП СООТВЕТСТВИЯ В ХИМИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Чечеткина И.И.*Казанский национальный исследовательский технологический университет
420015, г. Казань, ул. Кфхkf Маркса, д. 68, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена методологическим аспектам принципа соответствия в химии, сформулированным в истории химии А.М. Бутлеровым. Принцип соответствия в химии выступает как форма преемственности знания на основе сохранения генетических связей между старыми и новыми понятиями. Действие этого принципа в истории химии исследуется на примере связи идей Бертолле с взглядами Н.С. Курнакова. Показывается, что принцип соответствия способствует развитию эмпирического и теоретического знания химии, а также приводит к возникновению новых разделов в химии и пограничных с химией науках.

Ключевые слова: философия науки, методология и логика науки, преемственность, соответствие, развитие науки.

THE CORRESPONDENCE PRINCIPLE IN CHEMISTRY

I. Chechetkina*Kazan National Research Technological University
68, K. Marx st., Kazan, 420015, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the methodological aspects of a correspondence principle in chemistry set forth by A.M. Butlerov. The correspondence principle in chemistry appears as a form of knowledge continuity on the basis of preserving genetic links between old and new concepts. The workings of this principle in the history of chemistry are studied by example of the connection of Berthollet's ideas with the views of NS. Kurnakov. It is shown that the correspondence principle promotes the development of empirical and theoretical knowledge in chemistry and leads to the emergence of new branches of chemistry and borderline sciences.

Key words: philosophy of science, methodology and logic of science, continuity, correspondence, science development.

Принцип соответствия является одним из методологических регулятивов научного познания [2; 3], выражающих связь между старой и новой теорией. Принцип несёт программу её дальнейшего развития и может приводить к значительным результатам в науке. К. Хюбнер считал, что все новые открытия в науке совершаются на основе старых теоретических представлений, и, если бы прервалась эта связь между старым и новым знанием, это обрекло бы учёных на бесплодные творческие поиски [19].

Принято считать, что в науке принцип соответствия был сформулирован Н. Бором, искавшим связь квантовой механики с классической электродинамикой. Тем не менее В.И. Кузнецов отмечает, что этот принцип был сформулирован ещё в химической картине мира XIX в. А.М. Бутлеровым по отношению к своему принципу химического строения [10, с. 22]. У Бутлерова принцип соответствия сформулирован так: «...когда мы будем знать ближе натуру химической энергии, самый род атомного движения, когда законы механики получают и здесь приложение, тогда учение о химическом строении падёт, как падали прежние химические теории, но подобно большинству из них оно падет не для того, чтобы исчезнуть, а для того, чтобы войти в измененном виде в круг новых и более широких воззрений» [7, с. 162]. В.И. Кузнецов подчёркивает близость формулировки А.М. Бутлерова к принципу соответствия Н. Бора, согласно которому между двумя последовательно существующими теориями имеется взаимосвязь в виде предельного перехода.

Действие принципа соответствия было хорошо изучено на историческом материале физики, однако оно всегда встречало критическое отношение как со стороны физиков, так и со стороны философов [16]. Физиков удивляла загадочность действия этого принципа в истории науки, когда предметное содержание и формальный аппарат новой и старой теорий изменяются по разным законам, но нет определённого алгоритма для перехода от старого знания к новому, а есть лишь указание, каким может стать её новое предметное содержание теории

и её формальный аппарат. Тем не менее физики осознавали методологическое значение этого принципа, приводящее к рождению новых понятий, идеализаций и теорий.

Методологическая роль принципа соответствия в физическом знании широко обсуждалась как в западной философии науки, так и в отечественной. В истории западной философии науки И. Лакатос в этом принципе видел неудачную попытку прививки новой исследовательской программы к классическим теориям. Т. Кун также возражал против этого принципа, считая, что соответствие не затрагивает интерпретации теории, поэтому между старой и новой теорией нет преемственной связи. В отечественной философии науки этот принцип связывался с движением знания от абстрактного к конкретному при переходе от новой теории к старой, когда более абстрактный математический язык новой теории накладывает ограничения на параметры старой теории (А.С. Арсеньев, В.С. Илларионов). Принцип соответствия изучался также И.В. Кузнецовым на примере соответствия классических и релятивистских понятий, который считал, что старые понятия теории сохраняют своё значение для новых областей знания.

Методологические аспекты принципа соответствия в химии изучались мало, известны лишь отдельные исследования, например, Б.М. Кедров проследил действие этого принципа на примере построения атомной модели и её связи с периодической системой Д.И. Менделеева. Он видел во взаимодействии двух познавательных моментов – системы Менделеева и модели атома – процесс развития двух теоре-

тических систем знаний на основе соответствия [9]. В.И. Курашов отмечает принцип соответствия как один из ведущих методологических принципов научного познания в химии, а саму фундаментальную химию понимает как «сложное образование теоретико-математических, экспериментально-эмпирических и исторических знаний» [13, с. 125].

Целью настоящего исследования является изучение действия принципа соответствия в истории химии и выяснение его специфики. Для этого рассмотрим действие этого принципа на примере развития учения о бертоллидах и дальтонидах с ретроспективной точки зрения.

Учение о веществах с переменным составом, или бертоллидах, восходит к французскому химику XVIII в. К. Бертолле, который развивал идеи динамической атомистики, считая, что сила сцепления атомов в химических элементах изменяется непрерывно, поэтому химические соединения обладают переменным составом. Так возникло учение о непрерывности, отрицающее дискретность химических сил.

Судьба этого учения была необычной. Сначала учение о непрерывности Бертолле проиграло в споре с гипотезой Пруста, введившей в химию представление о дискретных химических силах, а затем оно временно уступило место химической атомистике Дальтона, развивавшей представления об атомной прерывности строения вещества и подтверждавшей свои выводы экспериментальными основаниями в виде стехиометрических законов.

Атомистика Дальтона положила начало атомно-молекулярному учению в химии, которое вобрало в себя впо-

следствии основные законы химии (стехиометрические законы, периодический закон и теорию химического строения). Атомно-молекулярное учение преодолело дуалистические взгляды Бертолле на непрерывность изменения химических сил и дискретное строение вещества и распространило принцип дискретности на химические силы. Это учение, утверждающее принцип дискретности, стало основой структурных теорий в химии, развиваемых дальше Берцелиусом, Жераром, Кекуле, Купером, А.М. Бутлеровым и многими другими химиками.

Структурные теории, рассматривавшие химическое вещество в статическом дореакционном состоянии, столкнулись с невозможностью объяснения химических превращений. Это требовало отказа от статических представлений в химии и введения динамических идей. И тогда многие химики XIX в. обратились к учению Бертолле, к его идее непрерывного изменения сил сродства, и стали развивать её не только в структурных, но и в кинетических теориях.

К идеям Бертолле возвратился в XX в. также Н.С. Курнаков, основатель физико-химического анализа. Вот как об этом пишет Н.С. Курнаков: «В развитии наук существуют периоды, когда накопление новых данных заставляет внимательно вглядываться в историю прошлого. При неудержимом движении вперед назревает потребность в критическом рассмотрении главных понятий, составляющих фундамент научного знания...» [17, с. 70].

Н.С. Курнаков вернулся к идеям Бертолле о непрерывности химической организации вещества, когда стал изучать растворы, сплавы, по-

верхностные соединения для выяснения роли этих веществ в химическом превращении. Открытия в этой области химии с помощью новых методов физико-химического анализа привели Н.С. Курнакова к мысли о том, что спор между его предшественниками Прустом и Бертолле является не окончательным. И победа Пруста, экспериментально доказавшего в XIX в. идею, что при образовании химических соединений соблюдается строго определённое постоянство процентного весового состава соединений, какими способами бы их не получали, не является окончательной. «Теперь, спустя 100 лет после начала работ Пруста, – говорил Н.С. Курнаков, – мы должны сознаться, что решение спора в пользу Пруста было односторонне. Каждый из противников был прав в известных пределах...» [17, с. 70].

Н.С. Курнаков нашёл возможность синтетически изучать те области химии, которые были указаны Бертолле, а изучение сплавов металлов с помощью методов термического и микроскопического анализа позволило Н.С. Курнакову заключить, что в них имеется твёрдая фаза переменного состава. Этот факт подтверждал точку зрения Бертолле, что существуют химические соединения, не подчиняющиеся закону простых кратных соотношений, и они являются типичными представителями обширного класса соединений с неопределённым составом. Поэтому «знаменитый спор в истории химии должен быть в настоящее время продолжен ... а победа Пруста над его гениальным противником была лишь временной» [17, с. 73].

Дальнейшее изучение Н.С. Курнаковым кривых плавкости на диаграм-

мах состава – свойства для сплавов металлов – привело его к заключению, что на них отображаются резкие изменения физико-химических свойств, которые относятся к самостоятельным твёрдым фазам переменного состава и не могут быть отнесены к индивидуальным химическим соединениям. Такие соединения автор назвал в честь Бертолле бертоллидами. Кривые плавкости отображали также сингулярные точки на непрерывных кривых, оказавшихся характеристикой стехиометрически определённого соединения, которое было названо дальтони́дом, сама же кривая отображала переменный состав фазы. Дальнейшее установление генетической связи между бертоллидами и дальтонидами и их взаимных превращений показало, что точка зрения Бертолле о том, что соединения переменного состава более распространены в химии и основным типом превращения является непрерывные, является более общей.

Таким образом, Н.С. Курнаков, опираясь на предсказания Бертолле в области синтеза соединений переменного состава и развивая комплекс идей о дискретности и непрерывности химических процессов, решил столетний спор в химии. По сути, старый принцип непрерывности, развиваемый Бертолле, вошёл в состав нового знания, но не в прежнем виде, а на более общей теоретической платформе, охватывающей многочисленные факты, устанавливающие генетическую связь между бертоллидами и дальтонидами и их взаимными превращениями.

Важно отметить, что принцип ответственности, действующий в истории химии, привёл к развитию Н.С. Курнаковым таких понятий, как “фаза”,

“химический индивид” и “химическое соединение”, которые были им рассмотрены в свете новых идей о единстве дискретности и непрерывности, ставших совсем иными по своему содержанию, чем в период возникновения атомно-молекулярного учения. Так, понятие фазы, заимствованное из классической термодинамики Гиббса, связывалось раньше с индивидуальностью либо элементов, либо соединений, подчиняющихся закону кратных отношений Дальтона. В свете новых представлений учение о фазах не делало различий между соединениями постоянного и переменного состава, оно стало более общим и распространилось на громадные классы химических веществ переменного состава. Идеи о фазах стали переноситься на минералогию, растворы, ботанику, физиологию, расширяя области исследования и намечая их перспективы развития и интеграции с химией. Логика развития принципа соответствия привела к появлению новых областей химии и её специальных разделов.

Приступая к обсуждению методологических аспектов принципа соответствия в химии и сравнивая его с действием в физике, можно отметить следующее. В версии Н. Бора принцип соответствия «выражает тенденцию использовать при систематическом развитии теории квантов каждую черту классической теории» [4, с. 15]. С такой трактовкой принципа соответствия в химии вполне можно согласиться, поскольку многие фундаментальные понятия химии исторически связаны с новыми теоретическими понятиями путём различных генетических связей, и каждое новое теоретическое понятие стремится до конца

использовать возможности старых понятий.

История химии показывает, что генетические связи, соединяющие старые и новые концепты химии, основаны на фундаментальных идеях дискретности и непрерывности, когда-то пришедших из философии в химию. Эти идеи развиваются в химических теориях через сеть понятий и идеализаций, конкретизирующих их смысл, который является инвариантным, т. к. он высказан в самой абстрактной форме. Дискретность и непрерывность вполне могут совмещаться в новой теории за счёт сохранения генетических связей между старыми и новыми понятиями. Так, развитие учения о бертоллидах Н.С. Курнаковым объединило две точки зрения в химии на дискретность и непрерывность состава химических веществ на основе установления генетической связи между дальтонидами и бертоллидами как в эмпирическом, так и в теоретическом плане.

Эту же мысль об исторической связанности фундаментальных идей и понятий посредством принципа соответствия подчёркивает А. Турсунов [18, с. 166].

Отметим, что экстраполяция старых фундаментальных понятий или принципов в новые области знания химии приводят к становлению её всеобъемлющих учений и созданию новых химических наук. Так, трансляция принципа непрерывности действия химических сил, идущего от Бертолле в область изучения растворов (Д.И. Менделеев), в область изучения скоростей химических реакций (Вант-Гофф, Аррениус), а также изучения катализа (различные теории хемосорб-

ции, мультиплетная теория, теория активного комплекса, теория цепных реакций) привела к утверждению динамических теорий в химии (кинетики и катализа). Все эти теории вместе с термодинамическими и квантовомеханическими представлениями в химии способствовали созданию новой науки – физической химии.

В философии науки переход старого знания в новое и наоборот изучен на историческом материале физики и является дискуссионным. По этому поводу можно привести несколько позиций:

1. **Позиция И.В. Кузнецова.** Старые теории сохраняются как предельный случай новых теорий, при этом «математический аппарат новой теории, содержащий некий характеристический параметр, значения которого различны в старой и новой области явлений, при надлежащем значении характеристического параметра переходит в математический аппарат старой теории» [11, с. 56].

2. **Позиция О.А. Никонова и Н.Н. Грибанова** проявляется в настоящее время как ограничение действия принципа соответствия областью математизированных физических теорий. О.А. Никонов показывает, что характер смены физических теорий затрагивает только их математический аппарат и не затрагивает физической интерпретации теории, например, релятивистская квантовая теория П. Дирака переходит в нерелятивистскую квантовую механику, а уравнение Дирака асимптотически переходит в уравнение Э. Шрёдингера [15]. Н.Н. Грибанов считает, что предельный переход и связанное с ним понятие соответствия справедливы

лишь для развитых в математическом плане наук, при этом истинное содержание теории не интерпретируется, а сам принцип соответствия выступает в форме преемственности оснований теории [6].

3. **Позиция С.Т. Мелюхина.** Новая теория не может содержать в качестве предельного перехода старую, поскольку теория включает, кроме математического аппарата, ещё описание природы, локальную картину мира [14].

4. **Позиция А.Ф. Зотова.** Понятия соответствия и предельного перехода должны разделяться. Предельный переход относится к математическому аппарату, а соответствие – к интерпретации теории. Новая теория является математическим обобщением старой, а содержательная часть старой теории экстраполируется в новые области знания и выражает собой соответствие между старым и новым знанием в форме преемственности [8].

Выводы И.В. Кузнецова содержат предельно широкое обобщение, а принцип соответствия выступает в качестве закономерности развития научного знания; на первый план выступает соответствие между математическим аппаратом старой и новой теорий. Мы считаем, что в химии, которая и сегодня остаётся в целом неформализованной эмпирической наукой, а математизации поддаётся с большим трудом, формулировка И.В. Кузнецова является слишком «жёсткой». Нам также понятно стремление О.А. Никонова и Н.Н. Грибанова ограничить «жёсткую» формулировку принципа соответствия И.В. Кузнецова областью математизированных физических теорий и объяснить развитие физической

теории за счёт предельного перехода, а не за счёт развития содержания теории. Однако специфика развития химического знания связана не с предельным переходом, а с интерпретацией смыслов химических понятий. Позиция А.Ф. Зотова также содержит вывод о предельном переходе, относящимся к математическому аппарату теории, однако, когда речь идёт о содержательной части теории, принцип соответствия выступает в форме преемственности знания. Такая трактовка принципа соответствия является приемлемой для химии, когда речь идёт о содержательной части старой и новой химической теории. Позиция С.Т. Мелюхина нам также близка, т. к. развитие химических представлений о природе содержит ещё локальную картину природы, которая основывается на доминировании в истории химии идей дискретности или непрерывности либо их объединении на общей эмпирической и теоретической платформе. Рассматривать соответствие между математическими аппаратами старой и новой теорий в химии не имеет смысла, поскольку понятия, содержащие эти идеи, плохо “переводятся” на язык математики [12].

Тем не менее в постнеклассической химии становится возможным интерпретировать принцип соответствия на языке качественной математики так, как это делает сегодня физика. На возможность качественной интерпретации принципа соответствия с помощью математики обратил внимание И.А. Акчуринов: «В современной физике всё более остро назревает необходимость формулировки принципа соответствия уже не на языке количественных отношений, а на языке

абстрактных структурно-математических компонентов любых научных теорий» [1, с. 170]. И.А. Акчуринов говорит о представлении любого научного понятия как топологического отображения из категории эмпирических данных в категорию математических структур определённого класса, обобщение которых приведёт к новым математическим структурам, позволяющим сблизить многие науки.

Всё сказанное И.А. Акчуриновым можно отнести и к современной химии. Так, в механизмах органических реакций используются представления о топологии электронного сдвига, о терминаторе, о топологической перedelке молекулярных орбиталей [5]. Эти понятия отображают математические структуры трёхмерного евклидова пространства – ленту Мебиуса (Хюккеля) – и позволяют описывать и трактовать огромное количество эмпирических данных. С помощью топологии эмпирические данные о структуре веществ переводятся на абстрактный язык математики, который даёт им качественную интерпретацию. Принцип соответствия, сформулированный на языке качественных описаний математики, может также переноситься на другую область знания – биологию, и приоритет будут иметь в будущем исследования в области механизмов биологически важных реакций. Все надежды здесь связываются с изучением топологических свойств сложных биологических объектов.

В целом действие принципа соответствия в истории химии приводит к тому, что он выступает как норматив познания, регулирующий научное исследование, обеспечивая преемственную связь между старыми и новыми

понятиями фундаментальной химии на языке качественных отношений. Специфика его проявления в химии состоит в том, что он не выступает в виде предельного перехода между старым и новым знанием, как в физике, поскольку неприменим к химическим системам, которые не имеют развитого

математического аппарата. Принцип соответствия в виде предельного перехода является избыточным для химии, вступающей на путь теоретизации и математизации, поэтому он выступает как форма сохранения преемственности и интерпретации химической теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акчурина И.А. Возможность обобщения принципа соответствия на существенно не количественные структуры // Принцип соответствия: историко-методологический анализ. М.: Наука, 1979. С. 164–170.
2. Арызматов Ж.С. Преемственность как методологический принцип научного познания // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. Серия: Философия. 2016. Т. 16. № 8. С. 81–84.
3. Безлепкина Е.А. Понятие принципа в методологии науки и физике // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия: Философия. 2014. Т. 2. № 3. С. 73–82.
4. Бор Н. Атомная теория и механика // Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1970. С. 7–28.
5. Бутин К.П. Механизмы органических реакций: достижения и перспективы // Российский химический журнал. 2001. Т. XLV. № 2. С. 11–34.
6. Грибанов Н.Н. Принцип соответствия как форма преемственности оснований теории // Вестник Самарского государственного университета. Серия: История, педагогика, филология. 2012. № 5. С. 84–89.
7. Гумилевский Л.И. Александр Михайлович Бутлеров. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1952. 336 с.
8. Зотов А.Ф. Принцип соответствия // Методологические принципы физики. История и современность. М.: Наука, 1975. С. 343–384.
9. Кедров Б.М. Принцип ассоциирования как конкретизация принципа соответствия в физике, химии и геохимии // Принцип соответствия: историко-методологический анализ. М.: Наука, 1979. С. 204–212.
10. Кузнецов В.И. Диалектика развития химии. М.: Наука, 1973. 328 с.
11. Кузнецов И.В. Принцип соответствия в современной физике и его философское значение. М., Л.: Гостехиздат., 1948. 116 с.
12. Курашов В.И. История и философия химии: учеб. пособие. М.: КДУ, 2009. 608 с.
13. Курашов В.И. Теоретическая, социальная и практическая философия: учеб. пособие. М.: КДУ: Университетская книга, 2016. 450 с.
14. Мелюхин С.Т. Преемственность знания и интеграция науки // Единство научного знания. М.: Наука, 1988. С. 221–237.
15. Никонов О.А. Диалектика принципа соответствия и математический аппарат специальной теории относительности // Вестник Мурманского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2013. Т. 16. № 2. С. 344–349.
16. Овчинников Н.Ф. Методологические принципы в истории научной мысли. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 294 с.

17. Соловьев Ю.И. Николай Семенович Курнаков. М.: Наука, 1986. 272 с.
18. Турсунов А. Метод экстраполяции и принцип соответствия // Проблемы истории и методологии научного познания. М.: Наука, 1974. С. 166–170.
19. Хюбнер К. Критика научного разума / пер. с нем. И.Т. Касавин. М.: ИФ РАН, Бонн, Интер Национес, 1994. 326 с.

REFERENCES

1. Akchurin I.A. [The Possibility of Spreading the Correspondence Principle on Substantially Non-Quantitative Structure]. In: *Printsip sootvetstviya: istoriko-metodologicheskii analiz* [The Correspondence Principle: Historical and Methodological Analysis]. Moscow, Nauka Publ., 1979. pp. 164–170.
2. Aryzmatov Zh.S. [Continuity as a Methodological Principle of Scientific Cognition]. In: *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo slavyanskogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. Series: Philosophy], 2016, vol. 16, no. 8, pp. 81–84.
3. Bezlepkin E.A. [The Concept of Principle in Methodology of Science and Physics]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Series: Philosophy], 2014, vol. 2, no. 3, pp. 73–82.
4. Bohr N. [Atomic Theory and Mechanics]. In: Bohr N. *Izbrannyye nauchnyye trudy. T. 2* [Selected Scientific Works. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 7–28.
5. Butin K.P. [Mechanisms of Organic Reactions: Achievements and Prospects]. In: *Rossiiskii khimicheskii zhurnal* [Russian Chemical Journal], 2001, vol. XLV, no. 2, pp. 11–34.
6. Gribanov N.N. [The Correspondence Principle as a Form of Continuity of Theory Foundations]. In: *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, pedagogika, filologiya* [Bulletin of the Samara State University. Series: History, Pedagogy, Philology], 2012, no. 5, pp. 84–89.
7. Gumilevsky L.I. *Aleksandr Mikhailovich Butlerov* [Alexander Mikhailovich Butlerov]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1952. 336 p.
8. Zotov A.F. [The Correspondence Principle]. In: *Metodologicheskie printsipy fiziki. Istoriya i sovremennost'* [Methodological Principles of Physics. History and Modernity]. Moscow, Nauka Publ., 1975. pp. 343–384.
9. Kedrov B.M. [The Principle of Association as Instantiation of Correspondence Principle in Physics, Chemistry and Geochemistry]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 204–212.
10. Kuznetsov V.I. *Dialektika razvitiya khimii* [The Dialectic of Chemistry]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 328 p.
11. Kuznetsov I.V. *Printsip sootvetstviya v sovremennoi fizike i ego filosofskoe znachenie* [The Correspondence Principle in Modern Physics and Its Philosophical Meaning]. Moscow, Leningrad, State Technical Publishing House Publ., 1948. 116 p.
12. Kurashov V.I. *Istoriya i filosofiya khimii* [History and Philosophy of Chemistry]. Moscow, KDU Publ., 2009. 608 p.
13. Kurashov V.I. *Teoreticheskaya, sotsial'naya i prakticheskaya filosofiya* [Theoretical, Social and Practical Philosophy: a Practice Book]. Moscow, KDU Publ., *Universitetskaya kniga* Publ., 2016. 450 p.
14. Melyukhin S.T. [The Continuity of Knowledge and Integration of Science]. In: *Edinstvo nauchnogo znaniya* [The Unity of Scientific Knowledge]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 221–237.
15. Nikonov O.A. [The Dialectic of the Correspondence Principle and Mathematical Apparatus of the Special Theory of Relativity]. In: *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo*

- universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of the Murmansk State Technical University. Series: Socio-Economic Sciences], 2013, vol. 16, no. 2, pp. 344–349.
16. Ovchinnikov N.F. *Metodologicheskie printsipy v istorii nauchnoi mysli* [Methodological Principles in the History of Scientific Thought]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1997. 294 p.
17. Solov'ev Yu.I. *Nikolai Semenovich Kurnakov* [Nikolai Semenovich Kurnakov]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 272 p.
18. Tursunov A. [Extrapolation Method and the Correspondence Principle]. In: *Problemy istorii i metodologii nauchnogo poznaniya* [Problems of History and Methodology of Scientific Cognition]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 166–170.
19. Khyubner K. *Kritika nauchnogo razuma* [The Critique of Scientific Reason]. Moscow, IF RAN Publ., Bonn Publ., Inter Natsiones Publ., 1994. 326 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чечеткина Ирина Игоревна – кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории науки Казанского национального исследовательского технологического университета;
e-mail: iralena@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina I. Chechetkina – PhD in Chemistry, associate professor at the Department of Philosophy and History of Science, Kazan National Research Technological University;
e-mail: iralena@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чечеткина И.И. Принцип соответствия в химическом знании // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 156–165.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-156-165

FOR CITATION

Chechetkina I.I. The Correspondence Principle in Chemistry. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 2, pp. 156–165.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-156-165

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте журнала www.vestnik-mgou.ru.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

2018. N 2

Над номером работали:

Литературный редактор Д.В. Дмитриев
Переводчик Е.А. Кытманова
Корректор И.К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – Д.А. Заботина

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 11, усл. п.л. 10,5.

Подписано в печать: 31.05.2018. Дата выхода в свет: 19.06.2018. Заказ № 2018/05-04.

Отпечатано в ИИУ МГОУ.

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А.